

Катриона
ВОСХОД ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ
книга четвертая

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Смерть оказалась... странной. Головокружительной, стремительной, сверкающей... Я куда-то падала, крепко удерживаемая чем-то, смертью, наверное, затем оказалась лежащей на твердой земле. Точно на земле — несколько камешков ощутимо давили в спину... А еще у смерти имелся... смех — безумный, громкий, исполненный невыразимого облегчения и... очень напоминающий смех кесаря. И самое невероятное — как выяснилось, после смерти очень даже чувствуется ветер, слышно как шумит листва деревьев и даже птички пением оглушают... Забавно, весьма.

- [Елена Звёздная. Катриона. Книга 4. Восход Чёрной Звезды](#)
-

Елена Звёздная. Катриона. Книга 4. Восход Чёрной Звезды

Смерть оказалась... странной. Головокружительной, стремительной, сверкающей... Я куда-то падала, крепко удерживаемая чем-то, смертью, наверное, затем оказалась лежащей на твердой земле. Точно на земле — несколько камешков ощутимо давили в спину... А еще у смерти имелся... смех — безумный, громкий, исполненный невыразимого облегчения и... очень напоминающий смех кесаря. И самое невероятное — как выяснилось, после смерти очень даже чувствуется ветер, слышно как шумит листва деревьев и даже птички пением оглушают... Забавно, весьма.

Но, в общем и целом умирать мне не понравилось. Странно, жестко, неудобно, жарковато, в горле пересохло и впридачу этот радостный смех. Да, смерть это определенно не то, что про нее вещают жрицы Матери Прародительницы. Жаль не смогу просветить их на данную тему, действительно жаль... мы бы тогда жестко урезали поборы храмовников с жителей Прайды.

И вдруг смерть пробормотала какую-то фразу и разразилась очередным приступом хохота... И назрел вопрос века: Разве смерти полагается разговаривать кесаревским голосом, а затем торжествующе хохотать? На мой взгляд, это все как-то... не этично, с точки зрения морали и вообще мировой справедливости. Нет, я не против того, чтобы смерть разговаривала и даже хохотала, но не кесаревским же голосом!

Не желая и далее находиться в неизвестности, я распахнула глаза... и тут же закрыла! Потому что в зеленовато-голубом небе ярко светило белое солнце... и если бы одно! Подняв руку, я чуть прикрыла глаза от света и осторожно приоткрыла сначала один глаз, затем второй... Из-под полуопущенных ресниц превосходно разглядела и первое и второе солнца! Сердце пропустило удар... Я медленно села, продолжая все так же, вглядываться в небо...

Холодок нарастающего ужаса пробежался по спине...

Появилось желание лечь и умереть повторно!

Закрыв лицо дрожащими ладонями, некоторое время сидела, пытаюсь принять, осознать и уяснить три малоприятных факта:

1. Факт первый: Я жива, — по сути это конечно приятный факт, если бы не два последующих.

2. Факт второй: Кесарь жив, — если быть совсем уж откровенной, то и данный факт не вызывал у меня отчаяния, так как с неубиваемостью императора Араэдена я уже была вынуждена свыкнуться.

3. А вот поистине поистине удручал факт номер три: ЭТО НЕ МОИ МИР!

И мне орать хотелось от ужаса, но... но жизнь научила смотреть в глаза трудностям и искать решение. И я вновь осматриваю зеленовато-голубой небосклон, два солнца — белое и... темное. От белого глаза слезятся, на черное смотреть жутко. Еще раздражает хохот кесаря. Он не просто раздражает — он бесит, учитывая, что император явно торжествует.

Но не будем о грустном. И я окидываю взором странный пригорок, на котором мы оказались, странный лес, который этот пригорок окружает, странные горы на горизонте, потому что горы бело-серые, а покрывают их голубые снежные шапки.

И я понимаю: Готмир был сущим пустяком по сравнению с тем, где я очутилась сейчас! Просто пустяком! Интересно, а где я?

и

- Это МОИ мир! — счастливый голос кесаря огласил окрестности. — Мой Эррадарас! Я вернулся.

Медленно поворачиваю голову на звук, и судьба одарила меня возможностью увидеть танец собственно кесаря. Грациозный такой танец, ликующий, кружительный и победительный. Ужасно веселый день: С утра я наблюдала народные танцы гоблинов и троллей, а теперь имею честь лицезреть танец торжествующего кесаря.

Великий Араэден вальсировал по поляне, словно кружа в танце невидимую партнершу, затем начинал хохотать, откинув голову назад, повторял какую-то странную фразу и снова вальсировал, довольный и счастливый в своем состоянии эйфории...

У него эйфория, а я... начинаю медленно скатываться к состоянию истерии... потому что единственное, о чем могу думать — 300 лет! Он стремился сюда больше трехсот лет! А я столько не проживу и я...

НИКОГДА НЕ ВЕРНУСЬ ДОМОЙ!

Ощущение что внутри что-то оборвалось. Слез нет... Истерики все же тоже нет... Пустота... Безысходность... Бездна отчаяния... И отчаяние накатывает сильнее, едва я понимаю, что кесаря больше нет в Рассветном мире! Его там больше нет! Теперь вся власть у рода Астаримана! У меня фактически, если вспомнить что именно я императрица. Но меня там нет — я здесь! В чужом мире... А там шенге и Динар... и сейчас, когда там нет кесаря мы с рыжим можем пожениться и править вместе, а по вечерам отправляться в клан Лесных, сидеть у костра... И все это теперь можно... Одна проблема — я не там! Я здесь! В этом непонятном и чужом «здесь»!

- Это Эррадарас, нежная моя! Эррадарас!

Отозвался тот, кого я больше всего мечтала сейчас видеть... по меньшей мере, четвертованным.

- И не надейся! — обрадовал меня великий Араэден.

И кесарь снова вернулся к вальсу... хоть бы ногу подвернул.

Но он остановился, раскинул руки, и над лесом пронеслось:

- Эвери эсс лио ттери эошени ире... Эвери эсс лио ттери эошени ире... Эвери эсс лио ттери эошени ире! Кто бы мог подумать! — и снова полубезумный хохот.

Кесарь внезапно бросился ко мне, опустил на одно колено, схватил за руки, и словно ожидая от меня стремления разделить его ликование, радостно произнес:

- Эррадарас, Катриона! Мы дома!

Кажется, некоторые бессмертные на почве безумной радости сошли с ума... Печальный факт, учитывая, что я нахожусь неизвестно где, а он единственный, кто знает хоть что-то о возможности возвращения.

- Это вы дома! — прошипела, едва сдерживая крик. — А вот я — гoblin знает где!

Я вырвала ладони у безумного счастливца, поднялась, отряхнула пыль с платья и задала единственный интересующий меня вопрос:

- Какого гоблина вы меня с собой потащили?!

Кесарь окинул меня веселым взглядом, усмехнулся, а затем и вовсе расхохотался... Ненавижу!

- Почему я взял тебя с собой? — повторил он вопрос и поднялся. — Почему я взял тебя с собой... — и вновь смеясь, ответил: — А почему бы и нет?! В конце концов, ты мне жена, непонятливая моя.

Я поступила как истинный орк, выразив свое негодование одним злым движением! И удар кулаком почти достиг цели... но кесарь перехватил мою руку. Мы так и замерли, в этом странном мире, который встретил меня отчаянием и осознанием полного бессилия. Араэден

сжал запястье, и медленно наклонившись, выдохнул мне в лицо:

- Никогда. Не смей. Даже пытаться.

Замирая от ужаса, я смотрела в эти страшные сверкающие глаза, а он... наклонялся все ближе... И мне стало бы страшно, если бы не окружающий пейзаж, который пугал значительно больше кесаря.

- И что теперь? — слезы, которых было так много в этот ужасный день, вновь начали свой неторопливый бег по щекам. — Что мне делать теперь?!

Император отпустил мою руку, и словно видя впервые, прикоснулся пальцами к мокрому лицу...

А я:

- Вы чудовище! — ну вот и классическая истерика. — Вы жуткое, бесчеловечное, ужасающее в своей безжалостности чудовище! Вы отняли все у меня! Вы...

Очень ласковая улыбка, и обхватив ладонями мое лицо, кесарь с невероятной нежностью произнес:

- Да, я чудовище... ты даже не представляешь себе насколько, но... мы в Эррадарасе, а здесь люди даже не низшее сословие — вы рабы... И здесь, моя коварная, без меня, ты никто.

И отпустив меня, он вновь начал свой танец на поляне... Гибкий змей поднялся на камень, и с видом истинного властителя оглядел горизонты. Кесарь был прекрасен, ужасающе прекрасен в этом своем безумном ликовании... И я бы порадовалась за него, вот только... Ненавижу!

Но император был слишком занят торжествованием, чтобы слышать мои мысли... а еще ему безумно нравилось, что у его победы есть свидетели.

- Смотри, нежная моя, — он раскинул руки, — смотри как прекрасна магия светлых!

Свет! Ослепительный белый свет вырвался из его груди... воспарил удивительно прекрасной огненной птицей, и взмыл ввысь...

Но если это лишь огонь, почему я расслышала протяжный птичий крик?! А кесарь продолжал стоять, раскинув руки, и словно окаменел. И я потянулась к ветру... ветер пел вокруг, но он не подчинялся мне... Я потянулась к земле... но и она не слышала зова... Магия покинула меня! Кесарь сказал правду — я здесь никто!

Огромная огненная птица, совершив круг, вернулась в тело хозяина и светлый ликующе расхохотался. Он упивался своей силой и победой. Мне оставалось лишь познать всю бездну отчаяния.

- Мы близ Лунного Дворца, — не оборачиваясь, сообщил кесарь, — здесь не более тысячи шагов до Радужной дороги, там портал перехода и мы перенесемся в Элиргар. Моя империя ждет!

Я снова села на землю, обняла колени и, глядя на черное солнце, устало произнесла:

- Прошло триста лет... другие правители правят.

Его смех и ликующее:

- Не более года минуло в Эррадарасе! В округе нет темных, а значит, война не завершена. Столица ждет нас, Кари Онеиро!

И повернувшись, мне протянули руку.

Убила бы, с каким удовольствием я убила бы! Но не хотелось ничего, даже шевелиться. Словно меня покинула не только магия, но и все жизненные силы. Слезы вновь текли по щекам и падали на испачканную, окровавленную и разрезанную рубашку... Я хотела остаться одна... хоть ненадолго, просто пожалеть себя, и лишь затем думать над тем, как мне жить теперь. Были и глупые мысли о самоубийстве, но... смерть путь слабых, а я слабой не являлась.

- Нежная моя, — кесарь подошел ближе, — ты не усвоила урока и при повторении! Не смей даже пытаться меня игнорировать.

Я подняла голову, смахнула слезы и искренне ответила:

- Да пошли вы... к гоблинам на завтрак! И на ужин и в качестве десерта! Имейте хоть каплю совести и оставьте меня. Если рядом есть люди, значит, я дойду до поселения сама. Я лучше буду рабыней, чем соглашусь видеть вашу полную ликования рожу и дальше! Ступайте, кесарь, вас ждут. Идите, ликуйте, упивайтесь осознанием собственной победы, а я... пойду своим путем... В конце концов, у меня есть я, а это что-то да значит.

Он больше не смеялся. Он с улыбкой смотрел как я молча плачу над собой, своей жизнью и тем, что, похоже, остаток выделенных мне небом лет проведу в мире освещенном двумя светилами.

- Катриона, — кесарь наклонился ко мне, — ты не поняла — это не Рассветный мир, здесь нет обладающих королевским статусом людей, здесь нет добрых и мудрых орков, а ракарды не соблюдают благородный закон степи, как Аршхан. Здесь есть Темные, Светлые и их сила, а люди это рабы, у которых меньше прав, чем у скота.

Рабы... рабы были и в Рассветном мире, но это были времена далекого и темного прошлого... Хотя существовало же рабство и в Прайде до моего над ней воцарения. Какие эти светлые отсталые!

- Как я уже сказала, — сдерживаемые рыдания говорить мешал и, — ступайте... а я подумаю, что делать дальше.

Я не ждала многого, прекрасно понимая, что надеяться на его милосердие, по меньшей мере, глупо, но слова кесаря удивили:

- Катриона, нежная моя, — он прикоснулся к моему лицу, обвел большим пальцем губы, — у тебя есть два варианта. Первый — ты идешь в Элиргар, где становишься повелительницей моей империи, живешь в роскоши и пользуешься всеми правами светлой, и второй — ты можешь остаться здесь, и тогда я не поставлю и медного рха на твою жизнь. Решать тебе, нежная моя, — есть я и огромное государство, которым будешь управлять ты, пока я займусь военными делами, и есть одиночество в мире, где ты не знаешь языка, не являешься особой королевской крови и уродлива настолько, что карьерный рост составит путь от дешевой шлюхи до свинарки.

И щелкнув меня по носу, великий кесарь выпрямился, насмешливо глядя на жертву собственных многолетних интриг.

А я думала. Благородная принцесса осталась бы сидеть и ждать спасения... Гордая принцесса поторопилась бы бежать прочь, слабая покончила с собой, дабы не испытывать мучений. А я... я никогда не была ни гордой, осознавая, что иной раз пламя гордости требует слишком дорогой цены, ни благородной, прекрасно понимая, что, благородство не особо успешный путь для выживания, ни слабой. Слабость — не то качество, которое может позволить себе наследница королевства.

- Ты благоразумная принцесса, коварная моя, — император Араэден протянул мне руку, — и ты пойдешь со мной.

Я хочу жить. Я хочу вернуться домой, я хочу обладать свободой в мире, о котором не ведаю ничего!

Поднявшись, повторно отряхнула юбку, смерила полным ненависти взглядом своего супруга и повелителя и сквозь зубы ответила:

- Хорошо... Но у меня есть условия!

Да, к такому император явно не привык. Однако теперь, когда наши взаимоотношения не грозили благополучию Оитлона, разговаривать с кесарем стало намного проще. И больше не будет молчаливого подчинения ни в чем. Хватит!

Кесарь, несомненно, считал все мои мысли, но вместо ужасающей улыбки, я увидела внимательный взгляд, и услышала:

- Условия?! Кари Онеиро, нежная моя, просто хочу, чтобы ты поняла, — шаг, и император оказался в опасной близости.

Хотя о чем это я — с ним на любом расстоянии опасно.

- Рад, что ты и это понимаешь, — жестокая усмешка скользнула по тонким губам, — а теперь запомни, коварная моя, никто и никогда не будет ставить мне условий, равно как и выдвигать требования.

Я попыталась отойти, но сильные пальцы сжали плечи, не позволяя даже отшатнуться.

- Нежная моя, я был услышан? — ледяным тоном поинтересовался кесарь.

Как сказать. «Услышан», это да, а вот на счет «понят» — не уверена. В прошлый раз, я так ничего и не поняла. И даже намеки Динара в понимание не внесли ясности. Мне до сих пор не ясно, для чего кесарю потребовалось тащить меня за собой!

- Существуют две причины, — внезапно решил проявить милость император, — первую тебе видимо, так и не суждено постичь, — он как-то горько усмехнулся, — вторая чрезвычайно проста — неужели ты действительно полагаешь, что я готовил тебя в правительницы Прайды?

Холодок прошелся по спине...

- Ты нужна была мне здесь, нежная моя, — тонкие пальцы, скользнув по шее, обхватили подбородок, заставляя запрокинуть голову, и увидеть жесткий взгляд темно-серых сверкающих глаз, — ты станешь пресветлой императрицей Эррадараса, Кари Онеиро, именно к этому я готовил тебя изначально.

Некоторое время просто молча смотрела на кесаря... Слов не было, эмоций тоже, но и пустоты больше я не ощущала. Где-то там, в глубине души, совсем глубоко, я немного восхищалась этой его победой, ведь как чисто все сработано — в свой мир перенесся, собственноручно обученного управленца захватил, и о целостности Прайды позаботился. Чистая победа! Можно было бы даже поаплодировать, если бы не одно но:

- Я вас ненавижу, — глядя в сверкающие глаза, искренне призналась я. — И ваш мир — ненавижу! И вашу империю ненавижу заранее!

На это мне ответили чуть насмешливым:

- Привыкнешь. Оценишь. Полюбишь... Империю будешь строить ты, нежная моя, а ненавидеть созданное ты не умеешь, — после и вовсе с улыбкой: — Но если ты возродишь мою страну, способная моя, и пожелаешь вернуться... — пауза, пристальный взгляд в мои глаза, — обещаю — я открою для тебя путь в Рассветный мир.

Неожиданное предложение!

- И помашете платочком на прощание? — старательно прикрыв надежду сарказмом, с замиранием сердца спросила я.

- Если, — кесарь выделил это слово, — ты пожелаешь.

- Я справлюсь за год! — мой голос дрожал, но в своем обещании я была уверена. — И через год...

- Если ты пожелаешь, — кесарь насмешливо улыбался.

- Я пожелаю, уж будьте уверены!

- Я уверен в обратном, — тонкие пальцы легко прикоснулись к моим губам, — абсолютно уверен.

О, да, сейчас еще и заявит, что он не проигрывает.

- Никогда, — ласковая улыбка, — и для тебя значительно менее болезненно будет сразу принять свое новое положение, нежная моя.

Дернув головой, я избавилась от его пальцев на своем лице, бросила взгляд на зеленоватый небосклон, на в высшей степени странный пейзаж, и тихо сказала:

- Год, мой кесарь.

Аразден рассмеялся, чуть откинув голову назад, затем кивнул, и загадочно улыбаясь, произнес:

- Мы вернемся к этому разговору через год, решительная моя.

Единственное, что радовало в этой ситуации — кесарь держит свое слово всегда.

- Рад, что ты это понимаешь, — он вновь улыбнулся, — тем забавнее будет услышать спустя оговоренное время, что Эррадарас стал твоим домом, и покидать его ты не имеешь ни малейшего желания.

«Надейтесь» — едва сдерживая ярость, подумала я.

- Надеются глупцы, нежная моя, я ставлю цель и достигаю ее. Всегда. Идем.

Я пыталась угнаться за кесарем. Это оказалось непросто, учитывая, что мысли о его мученической смерти посещали с завидной регулярностью, и картины предстоящего убийства были столь яркими, что я неизменно забывала о почве под ногами, едва не падала, и, следовательно... приходилось опять догонять бегом. Хуже другое — год, срок за который я должна управиться, и, говоря откровенно, срок для поставленной задачи мизерный. Но я справлюсь. Более чем уверена в этом.

Еще бы понять, с чем буду иметь дело.

- Эррадарас это мир? — я задыхалась от столь быстрого темпа передвижения.

- Это территория где правят Светлые, любопытная моя, — кесарь притормозил, и протянул руку, я нагло проигнорировала жест помощи. — Как пожелаешь, получай наслаждение от пробежки.

Ну и... получаю.

- А Элиргар? — продолжила я допрос.

- Столица.

Так, только я заметила странную закономерность, или как?

- Почему у вас все на «Э»? Владения — Эррадарас! Столица Элиргар, а вы и вовсе эллары. Почему?

- Сила, — кесарь отвечал неохотно, но все же отвечал. — Эль — свет, вот почему всё, как ты выразилась, на «Э», и имена обладающих силой тоже.

Внезапно в лесу появилась дорога. Так как мы спускались с холма, то выложенного белыми плитами пути не было видно из-за кустов, но едва мне удалось прорваться сквозь колючие заросли, каблуки непривычно звякнули. В общем, дорога действительно появилась внезапно.

- Это что? — тут же потребовала я объяснений.

Иронично вздернутая бровь и насмешливое:

- Тортик... медовый! А ты что подумала?

Что бублик сахарный! Шут ходячий!

Кесарь резко остановился, ме-е-едленно повернулся и о-о-очень медленно сделал шаг ко мне...

Бывшая наследница Оитлона испуганно отступила.

Нужно срочно спасать положение.

- Я не обязана отвечать за свои мысли, это первое, и второе — на мой взгляд, желание убить вас, по меньшей мере, оправдано, но я героически сдерживаюсь, что так же должно служить оправданием моей раздражительности и нелестным эпитетам в ваш адрес!

Еще шаг ко мне... О, Великий Белый Дух, я же боюсь его до дрожи в коленках и панического крика... И ведь знает прекрасно!

- Знаю, — кесарь остановился, — это дорога, испуганная моя. Еще вопросы есть?

И много! Но...

- Потом задам.

- Правильное решение, — Аразден протянул мне руку, пришлось принять ее, — и снова правильно, послушная моя.

Теперь он шел медленнее, принаравливаясь к моим шагам, я же пыталась отдышаться и осмотреться одновременно. А дорога оказалась странной. Выложенная белым камнем, очень напоминающим мрамор, с бордюрами по краям и цветущими кустами роз в изящных каменных вазонах. Красиво, изысканно, волшебное, но... дорога внезапно появлялась в лесу, и столь же внезапно обрывалась, насколько я могла судить, у странного сооружения из вертикально стоящих камней. Делаем выводы: Сие дорожное полотно предназначено исключительно для прогулок, вероятно, этих самых элларов, но никак не для иных функций.

- Совершенно верный вывод, — решил снизить до ответа кесарь, — сейчас, в связи с военным положением, защита снята, но испокон веков светлый путь предназначался лишь для светлых, и иной ступивший был наказан.

Я не подумав, спросила:

- То есть, в вашем государстве нет нормальных дорог, отвечающих требованиям развитой экономики?

Надменный взгляд, недовольное выражение на лице и резкое:

- Этим ты и займешься.

- То есть я еще и дороги должна строить? — возмутилась я.

Тяжелый вздох и устремленный вдаль взгляд. Понятно, ответ можно не ждать. Как же с вами тяжело, великий кесарь! И все же:

- У вас аристократическое правление, я правильно поняла? — мне было важно знать, с чем придется столкнуться.

— Да.

- А кто монарх?

Почему-то мне казалось важным выяснить все до конца данной дороги, пока я могу идти нормально, а не пригибаться, спасаясь от веток, и перепрыгивать поваленные стволы... как-то отвлекают подобные упражнения от рассуждений.

Кесарь тяжело вздохнул, но ответил:

- Старший сын Великой Пресветлой Элисситорес.

Ого!

- А потом?! И вообще — вы бывший правитель, если я правильно поняла, а кто нынешний? — хороший кстати вопрос.

Великий Аразден хмуро посмотрел на меня, и спокойно ответил:

- Труп.

Я снова споткнулась, несколько утратив нить его рассуждений, переспросила:

- Труп?! А разве труп может править?

Смех в ответ, и насмешливое:

- Ты тоже считаешь, что нет, коварная моя? Вот и я подумал... что нечего всяким трупам править в моей империи. Осталось лишь донести эту светлую мысль до брата...

И я не поняла:

- Это шутка?

— Нет.

- Вы брата убьете?! Родного?

Кесарь невозмутимо хмыкнул и, продолжая путь, ответил:

- Давно собирался, но повода не было.

Я ничего не сказала... А что можно сказать тому, для кого даже родственные узы не значат ничего? Лишь в очередной раз поразиться его беспримерной жестокости. Нет, я тоже добросердечием не отличаюсь и могу понять многое, но убить родного человека...

- Бесконечно поражаюсь твоей морали, — раздраженно произнес кесарь. — Не убью... раз ты так этого хочешь, добросердечная моя, но... урок преподам. Жестокий.

Мы почти подошли к краю дороги, и здесь на камнях виднелся красивый рисунок в виде переплетенных символов.

- Это руны, — кесарь остановил меня и щелкнул пальцами, на концах которых мгновенно появилось серебристое свечение, — руны позволяют наложить и стабилизировать заклинание.

Император начал рисовать какой-то символ над моей головой. А почему сразу над моей?

- Это руна защиты, подозрительная моя, — кесарь невольно улыбнулся, потешаясь над моим возмущением, — радужные пути переместят нас сразу в Элиргар, к моему дворцу. За триста двадцать семь лет пребывания в Рассветном Мире я усилил свой резерв силы, это позволит мне... быть достаточно откровенным в своих намерениях.

- То есть вам здесь не рады? — подметила я, и тут же добавила: — И почему я не удивлена?

Заметив весьма злой взгляд, мгновенно меняю тему:

- А причем тут этот красивый, — я не скрывая восхищения, смотрела на сверкающую руну, которая словно горела в воздухе, — но все же непонятный мне символ?

Прикрыв глаза, кесарь что-то произнес, и руна рассыпалась мириадами искр, которые упали на меня, и, не причинив вреда, истаяли на коже, одежде, волосах. Красивая магия, с этим не поспоришь. Непонятная, правда.

- Нежная моя, эта руна защитит тебя, пока я буду возвращать себе трон, — несколько раздраженно пояснил император. — Видишь ли, власть и деньги весьма быстро и основательно меняют владельцев, и мне придется напомнить всем светлым, кто хозяин Эррадараса. А в процессе напоминания, не хотелось бы лишиться столь умненького и исполнительного подарочка от Рассветного мира, как ты, коварная моя. Еще вопросы?

Вопросы?! Сначала требуется осознать полученную информацию.

- Задумчивая моя, — кесарь осторожно, словно боялся испугать, обнял ладонями мое лицо, заставил посмотреть в свои глаза, — когда мы перенесемся в Радужный дворец, не вмешивайся ни во что. Ты будешь следовать за мной, как моя тень, и ты должна быть в поле моего зрения ПОСТОЯННО... — пришлось кивнуть, а кесарь продолжил. — Но если, нежная моя, в силу каких-то несвойственных твоему чувству самосохранения мыслей, ты решишь покинуть меня в тот момент, пока я буду... несколько занят, я найду тебя, коварная моя, и буду весьма неторопливо и со вкусом убивать. Медленно, мучительно и бесконечно долго. Вопросы?

- Эээ, можно было начать с последней фразы, и тогда не потребовались бы две предыдущие, — не сдержалась я. — И, да — все поняла.

На мой язвительный выпад он не ответил, видимо морально готовился к чему-то эпическому.

- Именно эпическому, — подтвердил кесарь.

Белая каменная дорога обрывалась, словно обрубленная огромным топором, но мы не дошли до ее края, свернув к бело-розовым камням. Вообще местная природа меня и ранее удивляла — здесь царствовал сухой, словно приморский климат, деревья не отличались масштабами истинных лесных гигантов, чей ствол с трудом обхватывали трое, а своей стройностью и ровными стволами напоминали... кесаря. Да и сам цвет зелени не насыщенный, а словно высветленный. Возможно, подобную причудливую природу формировал свет двух светил?

- Нет, ее создали светлые, — рявкнул кесарь, — нежная моя, не отвлекай меня своими

рассуждениями.

Кесарь направился в середину этой странной каменной беседки, и камни озарились розовым свечением.

- Чувствуют силу, — не скрывая радости, произнес Араэден, — видимо потоки бездействовали все это время... В руинах империя светлых... — а затем уже мне, — иди сюда, стой рядом и держись за меня.

Последнее мне не особо нравилось. Ближе подошла, еще раз оглядела странную каменную композицию, словно воссоздающую восьмиугольник из маленьких камней, размером в мой рост, и четырех больших и высоких камней в середине, но прикоснуться к кесарю — увольте.

Он не отреагировал на мое неповиновение, и раскинул руки... Свечение, серебристо-розовое, протянулось от его ладоней разом ко всем четырем центральным камням, от них лучами света к остальным шестнадцати... И мир стремительно закружился, размываясь перед нашими глазами, вынуждая невольно прижаться к кесарю, обхватить его руками и испытывая смесь страха и восхищения, следить за радугой, словно спустившейся за нами.

- Не бойся, нежная моя, — прошептал великий Араэден, — ничего не бойся... Эррадарас уже принял тебя.

Я не сдержалась:

- Вашего странного мира я и не боюсь, а вот вас очень даже!

- Правильно, коварная моя, меня бояться нужно, и я единственный, кого тебе следует опасаться.

- Это вместо «Добро пожаловать»?! — глядя, как радуга стремительно несет нас к земле, я зажмурилась.

Кесарь ничего не ответил, впрочем, ответа я и не ждала.

* * *

Радужный дворец потрясал своей красотой! Я еще не отошла от головокружительного перемещения, но забыла обо всех неприятных ощущениях, глядя на это чудо. Не замечая ничего вокруг, восторженно взидала на белоснежные стены дворца с перламутровыми крышами башенок и розовой основного здания. У этого архитектурного шедевра не было защитных стен, на их месте располагались сады в которых, сверкая в лучах двух светил переливались разноцветными струями фонтаны... А сады цвели нежно-розовыми, голубыми, фиолетовыми и белоснежным цветами... И еще поражал масштаб строения, даже отсюда, с расстояния не менее тысячи шагов я понимала, что дворец как минимум в десять раз огромнее королевского замка в Оитлоне... И в сотни раз прекраснее! И величественнее... Радужный... действительно радужный, потому что казался сном, чудом, миражем. Невероятное зрелище. Здесь все было прекрасно. Даже сверкающая серая дорога, что переходила в сверкающую серебристую лестницу, столь огромную, что вмещала, вероятно, больше полторы тысячи ступеней... Но преодолевшего сей путь ждала награда — белоснежный, словно невесомый, сказочно прекрасный дворец... Да, хотела бы я встретиться с мастером, создавшим это чудо, мне бы такой архитектор совсем не помешал.

- Создатель перед тобой, — насмешливо произнес император, прерывая мое восторженное любование дворцовым комплексом, и язвительно добавил: — Жаль, не хватает двадцати трех тысяч доблестных оитлонских строителей...

Стремительно развернувшись, я гневно ответила:

- Я же не знала, что вы использовали магию! Но могли бы и сказать, потому как ваше

молчание обошлось мне в бессонную ночь, наполненную расчетами и проверкой гильдии строителей. И кстати, возникает вопрос — а почему вы дворец себе не отстроили, раз уж умеете? Или нравилось триста лет жить в сарае?

- Сарае?! — переспросил Араэден.

- По сравнению с Ирани в Оитлоне и Агед в Хорнии, мой дворец в Праере был действительно как сарай — огромный и несуразный. И...

- Твой? — снова насмешка.

- Мой, — решительно подтвердила я. — А вы разрушили МОИ дворец. И когда я вернусь...

- Нежная моя, — прервал меня кесарь, — это, — кивок в сторону Радужного чуда, — твой дворец. Точнее даже наш. Кстати, никогда не считал его прекрасным, но я рад, что тебе нравится, потом отстрою заново.

- ВАШ дворец, — зло уточняю для некоторых. — Лично я здесь надолго не задержусь, но любопытства ради, позвольте спросить: Почему в Рассветном мире вы не построили себе нечто подобное? Все же учитывая вашу магию и ее возможности...

Меня остановил странный взгляд кесаря, и стоило мне замолкнуть, как император ответил:

- Потому что я не мог, нежная моя. Магия твоего мира не позволяет создавать что-либо материальное, а магия Эррадараса начала возвращаться ко мне лишь пять лет назад.

Мелькнула отвлеченная мысль, что мне тогда было всего пятнадцать, и это был переломный год в моей жизни — представление кесарю, статус наследной принцессы, начало моего весьма сурового обучения, новые обязанности по защите интересов Оитлона в Альянсе Прайды...

Я хочу домой!

- Я тоже, — произнес Араэден, глядя на сверкающий Радужный Дворец. — Не отставай.

С некоторым удивлением глядя на кесаря, я все же позволила себе любопытствовать:

- То есть вот так вот просто вы собираетесь ворваться на территорию властимущих, где вас совсем не любят, а даже вовсе наоборот? — Раздраженный взгляд я проигнорировала, решив напомнить: — Мы в Эррадарасе, мой кесарь, и здесь, как я поняла, многие владеют вашей магией. И даже если вы ну очень... выносливый, — на губах невольно расплывается улыбка, — их здесь значительно больше. Или вы уже забыли момент пленения вас солдатами ТаЭрхадана?

Снисходительная усмешка и спокойное:

- Два момента, нежная моя: Здесь — я сильнейший среди элларов, это первое. И второе — Элионей, тот самый, что сейчас правит, совершил величайшую глупость — он поселился во дворце, который построил я. Конечно брат всегда был глуп, и все же сложно представить до какой степени нужно быть слабоумным, чтобы даже не попытаться изменить охранные заклинания. А судя по тому, как отзывается дворец, Элионей этого не сделал.

Проанализировав сказанное, я сделала выводы:

- Магия светлых странная и логике не поддается. — Однако это не объяснение, и я решила уточнить: — То есть ваш брат не озаботился выяснением схемы потайных ходов, что дает вам возможность неузнанным проникнуть во дворец, найти сторонников и захватить власть?

Судя по усмешке императора, я только что была причислена к весьма глупым созданиям, примерно таким же глупым, как и его брат.

- Я не считаю тебя глупой, нежная моя, — кесарь улыбнулся, — в данный момент ты просто не понимаешь, о чем речь. На объяснения времени нет, но ты все увидишь. И не забывай — ты должна быть рядом. Постоянно.

Нет, ну я, конечно, слышала подразумевающее брак выражение «вместе до гробовой доски», но только кесарь, кажется, воспринял его буквально. Интересно, а как у них здесь с разводами?

Улыбка кесаря становится убийственно ласковой, и я мгновенно произношу:

- Да иду я! — правда при этом мелькнула мысль — а вдруг они все там белые и пушистые,

не то что кесарь.

На меня укоризненно взглянули, и самый невероятный захват власти начался.

Одним движением император сорвал с себя рубашку, и его обнаженный торс лично мне казался вызовом этому прекрасному дворцу, но уже в следующее мгновение в руках императора, словно сотканные из серебристого огня, материализовались два меча... Несмотря на сдержанность, присущую нашему бессмертному, было заметно, что кесарь им как родным обрадовался. И поигрывая этими орудиями убийства, Араэден направился по сверкающей серой дороге.

Один, против всех!

На какое-то мгновение я озаботилась мыслью о том, что кесарь совершает самый идиотский поступок в своей жизни, который к окончанию этой самой жизни и приведет, а потом просто вспомнила, что это же кесарь. Кто-кто, но он к числу идиотов никогда не относился — слишком умен, слишком расчетлив, слишком долго он ждал этого

момента. И вновь взглянув на Радужный Дворец, я уже даже не сомневалась в победе великого Араэдена Элларас Ашеро. А он, судя по всему, так же не сомневался, что победа будет быстрой и легкой.

- Весьма легкой, — подтвердил мои предположения император и вступил на серую сверкающую дорогу.

В то же мгновение мирный пейзаж изменился!

Небо, только что зеленовато-голубое в мгновение почернело, тучи кровавого оттенка возникли неизвестно откуда, воздух над нами заискрился всполохами алых молний, багровые облака сгустились, грозясь разразиться ливнем... Явно смертоносным.

- Магия темных, — зло прошипел кесарь. — С каких пор столицу светлых охраняет магия темных?!

То есть подобного явления некоторые бессмертные не ожидали.

- Это меняет ваши планы? — осторожно спросила я.

- Это меня злит! — последовал произнесенный ледяным тоном ответ.

Зная кесаря, точно могу сказать, что дворец теперь действительно придется отстраивать заново. Но ладно дворец — на его порог в этот момент выскакивали светлые в сверкающих доспехах, примерно три сотни защитников дворца с сияющими клинками наперевес устремились к нам, и в том, что им сейчас предстоит героическая смерть, я даже не сомневалась. А вот они почему-то сомневались.

Небо над нами гроыхнуло в последний раз, и разразилось острыми пылающими красным огнем стрелами... Самое забавное — я даже не испугалась, я просто ждала ответных действий кесаря.

И они последовали. Вскинув голову, Араэден посмотрел на огненный ливень. Всего один взгляд кесаря и ливень сменяется сверкающей метелью из мириада золотистых искорок... И словно подхваченные ветром, они поднимаются все выше, и выше, уничтожая грозные тучи, освещая небо, наполняя все вокруг золотым мерцанием... Как в сказке...

Но вот кесарь устремляет взгляд на дворец. На его губах играет улыбка... ласковая... И в тот же миг сверкающие искорки, как живые, как рой пчел, как сотни стрел, устремляются ко дворцу!

Сверкающая лавина смерти настигла прекраснейшее строение!

И золотые искры атаковали всех! Вспарывая кожу, разрывая белые одеяния, убивая и калеча...

Больше никаких игр, больше никаких восхитительных явлений, только смерть!

Беспощадная смерть к тем, кто посмел бросить вызов, кто решился дать отпор, кто, выхватив оружие, мчался навстречу бывшему правителю. Я отчетливо видела, как сверкающие

золотые искорки вспороли лица тех, кто почти добежал до нас — им шагов двадцать оставалось... А теперь светлые воины бились в предсмертной агонии на сверкающей серой дороге, заливая ее алой кровью. Правда не все — некоторые, видимо маги, окружив себя синим мерцанием, бросились на кесаря... Они устремились в атаку, перепрыгивая через ступени, перепрыгивая павших защитников, они неслись на императора с лицами искаженными яростью и страхом... И падали, сраженные его сверкающими клинками. Кесарь убивал с невероятной легкостью, двигаясь стремительно и даже красиво, чем-то напоминая мне созданные им же смертоносные золотые искорки... Наверное смертоносностью! А я шла за ним, обходя трупы, а в некоторых местах, где обойти было невозможно, и переступая через мертвых защитников Радужного Дворца...

Столько смертей... столько ужасных смертей...

— Не смей их жалеть! — неожиданно резко произнес кесарь, разя очередного сверкающего светлого. — Они предатели. Они предали свою страну. Они предали свой народ. И они оказались настолько глупы, что решились встать на моем пути.

Надо же — его злит мое сочувствие. Впрочем, зная кесаря, можно смело утверждать — его злит практически все!

Их было не так много, тех, кто рискнул встать на пути разгневанного светлого. Маги, узрев как гибнут наделенные магией под ударами кесаря, бросились обратно. Воины его бессмертию помехой не были — искры превосходно справлялись с отправлением их в лучший мир... И стражи, осознав с кем имеют дело, устремились во дворец, под защиту его стен. Издали было забавно наблюдать за тем, как ряды защитников поколебались, а затем начали стремительно редеть. Мы не миновали и половины пути ко дворцу, а количество воинов уменьшилось раз в пять, причем оставшиеся, тоже скрылись во дворце и засев у окон, попытались как атаковать нас магией, так и обстрелять из луков. Не сложилось у них ни с первым, ни со вторым — золотые искры сжигали стрелы и гасили серебристые всполохи магии. Но это сейчас, а что будет, когда мы войдем во дворец?

— Беспокоиться не о чем, — ответил император, — сейчас самое время напомнить глупцам, кто здесь хозяин.

И сверкающие клинки испарились, оставляя Араэдена безоружным, или защитников дворца без надежды, тут уж как посмотреть. В следующее мгновение кесарь опустил на одно колено и коснулся пальцами серебристого дорожного покрытия... Дворец содрогнулся! Да что там дворец — весь дворцовый комплекс! А затем загудело, заревело пламя, вырываясь из окон и дверных проемов! Дворец запылал изнутри!

Начинаю понимать, что показательное уничтожение кесарем Мирата в Рассветном мире, это были еще мелочи. Да вообще все, что я знала о нем раньше, это были мелочи! А кесарь поднялся, и совершенно спокойно направился во дворец, из которого выбегали охваченные пламенем светлые, а сверкающие маги старательно тушили своих собратьев. Что примечательно, маги так же поспешили покинуть горящий странным золотым пламенем шедевр архитектуры, видимо их сила меркла в сравнении с призванной стихией.

Взмах руки и ладонь императора вновь сжимает клинок, правда на сей раз только один. И я, словно очнувшись от забытья, следую за супругом, вынужденная наблюдать, как в очередном плавном движении меркнет чья-то жизнь... Кесарю легко — убил и идет себе дальше, а мне приходится под ноги смотреть и частенько через убитых переступать. И не могу сказать, чтобы я отличалась излишней жалостливостью, но... «идти по трупам» в иносказательном смысле это одно, в буквальном — совсем иное.

Резко развернувшись, Араэден направил на меня недовольный взгляд... в следующее мгновение в воздухе сверкнула руна, взмыла вверх и с небес ударил столб ветра, разметавший

героически убиенных в разные стороны. Разлетелись они как куклы тряпичные.

- Ты чем-то еще недовольна, нежная моя? — ядовито осведомился супруг.

- Вам весь список зачитать, или только основные пункты? — нагло ответила я.

И остолбенела!

От дворца, по ступеням вниз, бесшумно мчалось что-то огромное, черное, шипастое как та зеленая зверюга, что на нас с Вейгом напала у охт Лесного племени, только эта была раза в два больше и...

- Ара... Араэ... Кесарь, сзади! — заорала изо всех сил я.

И увидела его улыбку. Не зверюги, нет — кесаря. На него мчалось это нечто огромное, а он стоял, смотрел на меня и улыбался. Не ласково, а как-то иначе совсем. Я так и замерла, удивленно глядя на того, кем сейчас кажется, с удовольствием пообедают. Но вскинутая в сторону левая рука, и громадина, вместо того, чтобы с радостью закусить столь доверчивой жертвой, неожиданно затормозила всеми шестью конечностями и радостно уткнулась носом в предоставленную ладонь.

- Аррэке, — кесарь повернулся к животине, потрепал по вытянутой морде, — саамэ хеда.

У зверенции столько радости обнаружилось. Она подпрыгивала всеми лапами, махала хвостом и тыкалась мордой в кесаря. Но еще один непонятный мне приказ императора и вот эта милая... животинка, сотрясая землю, радостно помчалась к убегающим подальше от дворца светлым. Я искренне верила, что она и с ними так же мило поиграется, ровно до того момента, как зверюга закусила головой настигнутого ею светлого. Обезглавленный пробежал еще пару шагов, но на большее его не хватило...

- Начинаю искренне радоваться тому, что я не мужчина, — потрясенно глядя на разворачивающиеся смертоубийственные события, прошептала я. — Кесарь, исключительно из любопытства — война это всегда так отвратительно?

Араэден дождался, пока я подойду ближе и весело ответил:

- Нет, жалостливая моя, война обычно гораздо интереснее и кровопролитнее.

Зверюшка продолжала резвиться, и как истинный гурман предпочитала исключительно головы.

- Неужели это настолько... необходимо? — не выдержала я.

- Сострадательная моя, — кесарь гневно посмотрел на меня, — у меня нет никакого желания в дальнейшем тратить время и силы на поиск и уничтожение врагов моего правящего режима. Но если ты готова заниматься этим лично, я могу предоставить тебе подобную возможность. Лет за пять управишься.

Очень мило!

- Ну тебе же их жаль, нежная моя, — с насмешкой произнес кесарь.

Резко выдохнув, я попросила:

- Отзывайте зверя, мой кесарь. А что касается их дальнейшего уничтожения — поверьте, нет ничего сложного в том, чтобы обратить врагов в самых ярых сторонников.

Смех, почти издевательский и окрик:

- Аррэке.

Перестав лишать голов перепуганных светлых, шипастая тварюшка бросилась обратно к кесарю, но теперь ее гладить по морде никто не собирался. Совершенно спокойно, неспешно даже как-то, ну и с ласковой улыбкой на устах (как же без нее), кесарь направился вверх по белоснежной лестнице, поигрывая вновь призванным сверкающим клинком. Тварюшка, весело подпрыгивая, скакала следом. Счастливая такая. Прямо как кесарь!

Мне оставалось лишь смотреть, как золотые искры доедают тех, кто, спасаясь от огня, выбегает из дворца. Ну а кесарь добивает тех, кто между искрами и пламенем выбрал его, как

объект приложения сил и магии. Жуткое зрелище, а говорят один в поле не воин.

В это мгновение какой-то светло-серебристый маг с огромным ледяным клинком наперевес рванул к кесарю. Остальные маги тут же отступили, восторженно глядя на этого воина и явно надеясь, что уж теперь-то придет конец бывшему правителю. И действительно надеялись — у нас престарелые незамужние девы на изваяние Матери Прародительницы и то с меньшей надеждой взирают.

Император так же остановился, с улыбкой ожидая того, кого, несомненно, знал.

Два воина сошлись в битве на белоснежных забрызганных кровью ступенях. Сверкающие клинки встретились, осыпав снопом искр напряженные тела. И в то же мгновение вспыхнули белые одеяния ледяного воина, в то время как обнаженный торс кесаря даже не задымился... Почему-то вдруг подумалось, что это какая-то иная магия, и Араэден применил ее сознательно. Выходит не зря раздевался.

Свет! Ослепительный, белый, и рядом с первым ледяным воином возник второй, почти идентичный первому. Он отшвырнул горящего собрата и атаковал императора. Араэден оказался быстрее! Сверкающий серебром клинок по рукоять вошел в тело ледяного, чья одежда мгновенно окрасилась расплывающимся алым пятном... Когда он упал на колени, потрясенно и с искренним удивлением в глазах глядя на кесаря, маги дрогнули. Кесарь же совершенно спокойно извлек свой сверкающий меч и единым отработанным ударом снес голову ледяному воину... чтобы почти мгновенно добить и второго. Зверюшка так обрадовалась, просто таки прыгала и хвостом виляла от счастья — а хвост шипастый, а некоторые маги пребывали в ступоре и отбежать не успели... Жутко смотреть, как живые тела нанизывают на огромные шипы... Действительно жутко.

Это был переломный момент в битве. Маги, в оцепенении глядевшие на странную схватку, бросились прочь, разбегаясь в разные стороны. На их лицах был какой-то священный, дикий ужас...

— Нежная моя! — окрик императора заставил вздрогнуть, вырывая из охватившего от всего увиденного оцепенения.

Столп ветра, вновь ударивший с небес, отчистил мой путь от двух странных, осыпающихся кровавым снегом трупов двух беловолосых воинов, и я вновь пошла следом за кесарем, глядя на него с таким же священным ужасом, как и те, кто сейчас стремительно пытался спастись...

- Что-то не так, испуганная моя? — поинтересовался император, остановившись и развернувшись ко мне.

Отрицательно покачав головой, молча следуя за вновь устремившимся вперед супругом, стараясь не думать о том, что в Рассветном мире он, оказывается, был еще очень даже... милым и милосердным.

Кесарь, перепрыгивая две-три ступеньки, умчался во дворец, и сейчас там, помимо гудения пламени, что-то грохотало и громыhalo, а я, уже не особо и торопясь, продолжала подниматься по этой сверкающей лестнице, по ступеням которой устремлялись к земле ручейки алой крови прекрасных светлых...

Ненавижу войны, вот за эти бессмысленные смерти и ненавижу! Предпочитаю изысканную месть бесполезным смертям. Ужасно, просто ужасно!

- Медлительная моя, — поднимаю голову, поспешно вытираю слезы, — тебя долго ждать?

- Крыльев у меня нет, — несколько грубо ответила я.

Внимательный взгляд на меня и приказное:

- К лестнице прикоснись!

К этой? Залитой кровью, ставшей могилой для сотни светлых? А все же придется. И я, наклонившись, касаюсь ступеней там, где нет кровавых брызг... Здесь оказался тот же эффект,

что в башне императора... Путь стремительно сократился, и, пройдя не более десяти ступеней, я шагнула к кесарю.

- Забывчивая моя, — огненный клинок коснулся подбородка, приподнимая мое лицо, — я приказал не отставать!

Но моего ответа или не ответа, великий Араэден не ждал. Стремительно развернувшись, он вернулся в пылающий золотым огнем дворец.

Я же остановилась на пороге, вскинув голову, оценила масштаб входных дверей. Они были огромны. Огромны настолько, что явно доходили бы до середины самой высокой из башен в королевском дворце Оитлона... И стоя на пороге, я вдруг почувствовала себя такой ничтожной, маленькой и...

- Суэрро! — окрик кесаря, и позади меня что-то падает.

Стремительно обернувшись вижу захлебывающегося кровью светлого, со все еще занесенным надо мной клинком. Я не просто отошла, я отпрыгнула... и только тогда этот воин повалился на пол. Смотреть на расплывающуюся лужу крови у меня было ни малейшего желания, жалости к тому, кто напал со спины, так же не имелось.

- Неужели? — насмешливый голос кесаря раздался из центра пылающего пламени. — Нежная моя, твоя медлительность начинает раздражать.

Пламя вдруг угасло. И я увидела огромный зал, в котором живыми остался лишь с десятков стоящих на коленях с опущенной головой светлых, и собственно кесарь — пару сотен обгоревших трупов здесь так же наличествовали. И не знаю как кесарю, а мне от всего этого стало плохо.

Внимательный взгляд сверкающих глаз и трупы вдруг впитались... в монолитный каменный пол. Все. Тихий перепуганный вой стоящей на коленях светлой добавил ужаса к этой невероятной картине.

- Так лучше? — любопытствовали у меня.

Всосав последний труп, пол стал прежним — светлым, украшенным каким-то рисунком каменным полом. С ужасом смотрю на кесаря, тот, с едва уловимой усмешкой не отрывает взгляда от меня. Крик! Ужасающий женский крик откуда-то из глубины дворца... Крик переходит в вой и затихает... А император продолжает смотреть, словно ожидая моей реакции...

- По-вашему «утопить врагов в крови» — единственный вариант захвата власти? — тихо спросила я.

- Каждый раз, когда я проявлял милосердие, мне приходилось жестоко сожалеть об этом, нежная моя, — император протянул руку: — Идем, уже практически все.

- Все? — несмотря на ситуацию, я скептически усмехнулась. — Власть в государстве не обеспечивается одним захваченным дворцом... — начала я и остановилась.

Потому как прописные истины и кесарь вещи несовместимые, и мне давно следовало бы это понять. Заставив себя ступить на только что поглотивший убитых пол, я подошла к кесарю, осторожно вложила руку в его раскрытую ладонь, вздрогнула, едва он с силой сжал мои пальцы.

- Жалость — эмоция совершенно лишняя для правителя, нежная моя, — резко произнес Араэден. — Забудь о ней.

Нервно сглотнув, интересуюсь:

- Что-то еще?

Сильные пальцы жестко обхватили подбородок, заставив вздернуть голову, взглянуть в его сверкающие глаза, и кесарь тихо, не скрывая злости, произнес:

- Хватит! — я дышать перестала. А кесарь, чуть склонившись ко мне, добавил: — Это не Рассветный мир, нежная моя. Здесь все резче, жестче и для жалости нет места. И если я убиваю — значит это необходимо.

Возможно, я согласилась бы. Возможно... не будь в моей жизни шенге, но он был.

- Для захвата власти вполне достаточно устранить властителя и его приспешников, — тихо произнесла я. — И не ваша ли непомерная жестокость привела к тому, что против вас восстал собственный брат и любимая женщина?!

Меня отпустили в тот же миг. Затем я слышала спокойное:

- Ты была милосердна с лордом Мрано? — я вздрогнула. — Или, быть может, ты была милосердна с сестрой лорда Илери в крепости Аргат?!

Побледнела.

- Судить всегда проще, не так ли, сострадательная моя? — насмешливый вопрос.

Не дожидаясь моего ответа, кесарь развернулся и направился вглубь дворца, спокойный, уверенный, неторопливый. Араэден, легко шел по коридорам и переходам, открывая очередные высоты в четыре человеческих роста двери лишь движением руки, и с презрительной усмешкой сжигал оставшихся защитников своим странным пламенем. Глядя на него, я вдруг подумала, что это и есть самая настоящая смерть. Точнее — героическая гибель. Одного не могу понять — почему они снова и снова бросаются в битву? Неужели светлые настолько безголовы, или... Догадка появилась неожиданно, и так же неожиданно остановился кесарь, обернулся ко мне и спросил:

- Или?

В этот миг из прохода, полускрытого серебряными занавесями метнулось трое сверкающих сквозь дымчатую завесу, что вероятно защищала их от все еще бушующего пламени. Император отмахнулся от них, как от надоедливых мух — мухами, сначала распластанными по стене, а затем сползающими и оставляющими кровавый след они и казались...

- Ну же! — сурово напомнил о своем присутствии мой... — Муж, — усмешка. — Нежная моя, я уловил здравую мысль в твоих рассуждениях, озвучь ее, будь любезна.

Я не стала отмалчиваться, со спокойствием, странным для данной ситуации, ответив кесарю:

- Ощущение, что они пытаются вас задержать.

Это вслух, про себя подумала, что светлые, если они действительно не безголовые, уже знают с кем имеют дело и понимают, что шансов на противостояние нет, остается шанс на спасение, вот эти воины и пытаются сделать данный шанс менее призрачным.

- Спасение? — задумчиво проговорил Араэден. — Спасение... я вариантов не вижу, в Эррадаррасе им от меня не укрыться.

Ну, насколько я понимаю, тут помимо светлых, есть еще и темные. Вроде так, не зря же среди несостоявшихся убийц имелся один темный.

- Мысль не лишена смысла, — кесарь вновь посмотрел на дверь перед собой. В следующее мгновение меч из его руки испарился, и пресветлый приказал: — Оставайся здесь!

Возражений у меня не имелось. Пройдя к стеночке, я устроилась на софе, подумав, забралась на нее с ногами. В то же мгновение серебристый ручеек вытек из руки кесаря, заструился по полу, закружил вокруг моего временного пристанища, формируя блестящий полупрозрачный кокон. И едва сие было завершено, грянул гром!

Вздрогнув всем телом, я вскинула голову и поняла, что таки да — дворец придется отстраивать заново... Впрочем у кесаря, как я заметила, особая любовь к разрушению чужих дворцов, да и своих так же. Так что когда потолок, с рванными краями в местах отрыва, взлетел ввысь, я даже не удивилась. Удивилась я скорее, наблюдая за тем, как золотые искры набрасываются на фрагмент дворца и превращают его в столь же яркие искорки... и вот все это золотое искрящееся безобразие начало вдруг растягиваться по небосклону, образуя... купол.

— Кесарь, — вскричала я, приподнимаясь на софе, — исключительно ради удовлетворения

чувства любопытства, позвольте спросить — Готмир случаем не последствие вашей магии?

Аразден, уже распаивающий двери в стремлении покинуть меня, обернулся, одарил ласковой улыбкой, после которой желание любопытствовать пропало напрочь, и ушел, оставив без ответа. Что ж, мне время подумать так же было необходимо...

Сдержав стон, при одной мысли о Динаре, шенге, и вообще обо всем Рассветном мире, я развязала пояс, вытащила из него толстую нить, что составляла рисунок, и принялась вязать узелки: Если нет возможности написать и совершенно нельзя думать, остается лишь использовать самые примитивные методы. И я начала: первый узелок — возвращение домой, моя единственная цель на данный момент. Второй узелок — информация для возвращения, она мне как воздух необходима, третий... я расплела. Пока только одна цель, вторая идет как сопутствующая. А ради первой цели мне предстоит играть по правилам кесаря, с одной стороны, и искать информацию самостоятельно с другой. Потому что Аразден Элларас Ашеро далеко не единственный в этом мире, кто знает способы перемещения в иные, и в этом сомнений нет.

Внезапно послышался гул, нарастающий, от которого сотрясилось все оставшееся здание, а затем громкий птичий крик... Совсем как тот, который я уже слышала при превращении кесарева пламени в птицу, так что сразу ясно, кто развлекается. Представляю удивление брата императора, когда тот, от кого столь успешно избавились, вернулся полный сил и магии...

Кокон оплетающий меня распался, взглянув в сторону покореженной двери, увидела кесаря, который молча протянул мне руку. Да, в этом браке мне все еще приходится подчиняться. Подойдя к кесарю и позволив тому потащить меня за собой, я все же поинтересовалась:

- Мое предположение оказалось верным?

- Да, — нехотя ответил пресветлый, — они задействовали нижний контур, в стремлении переместится на темные территории.

- Им удалось? — любопытство во мне неубиваемо даже столь трагическими обстоятельствами.

- Вероятно, удавалось раньше, — ядовитая ухмылка на тонких губах, — и, похоже, тем путем неоднократно пользовались и успешно, но мое перемещение от Лунного Дворца к Радужному наполнило пути светлой силой, и темная не успела проложить достойный путь. Они все остались здесь, догадливая моя. В тронном зале.

- Последний оплот? — грустная у меня какая-то вышла ирония.

- Тебе все же их жаль? — насмешливо поинтересовался кесарь. — Или жаль себя?

- А вы сомневаетесь в этом? — возмущенно поинтересовалась я.

- Ни единого мгновения, — остановившись, кесарь без усилий лишил меня ниточки, с теми самыми двумя узелками.

Нитка сгорела в серебряном пламени на его ладони.

- Есть два пути, нежная моя, — глядя в мои глаза, произнес пресветлый император, — ты придерживаешься достигнутой нами договоренности и в случае успешного выполнения поставленной мною задачи, имеешь шанс на возвращение. И путь номер два — ты пытаешься меня обмануть, и в этом случае я не буду столь милосердным как в Рассветном мире. Я был услышан?

- Да, мой кесарь, — глухо ответила я.

И поняла страшное...

- Я всегда буду слышать тебя, Кари Онеиро, — подтвердил мое предположение кесарь.

- Дохлый гоблин! — в сердцах произнесла я.

Торжествующая победная ухмылка была мне неутешительным ответом.

- Вы... вы... — злость душила.

- Нежная моя, неужели столь сложно уяснить — я не проигрываю. Никогда. И прежде, чем вновь попытаться противопоставить свой энтузиазм моему опыту, вспомни, к чему это привело в прошлый раз.

И мне предоставили возможность вспоминать в процессе дальнейшего захвата власти. Вот так разнося огонь и даря смерть всем, кто не успел встать на колени, мы подошли к сверкающим золотым дверям, которые не пожелали открыться с первого движения кесаря. Император выпустил мою ладонь и ударил серебряным пламенем по неподдающимся дверям. Третья попытка оказалась равна первым двум.

- Наблюдательная моя, хватит комментировать мои действия! — недовольно произнес кесарь.

- Хватит читать мои мысли! — вспыхнула раздраженная я.

Кесарь окинул меня недовольным взглядом, и вновь повернулся к двери. Для начала он свел ладони... совсем как я, когда формирую... формировала кристалл. И действительно между напряженными ладонями появился восьмигранный сверкающий алмаз. И вот это... нечто, злой на меня Араэден с видимым напряжением оттолкнул по направлению к дверям...

С жутким грохотом, двери смело ударной волной такой силы, что смятые створки унеслись вместе с частью стены...

И кесарь шагнул, видимо, в тронный зал.

Я вошла следом за всемирным злом и непобедимым ужасом, и остановилась на входе, оглядывая интерьер. Он интересовал меня больше, чем те, кто уже проиграл в битве со злом мира светлых, и сейчас в ужасе дрожали перед полуобнаженным воином... Их было много — более тысячи мужчин, женщины, в столь же странных одеяниях, которыми одарил меня кесарь в день коронации (ну я тогда и на миг не усомнилась в том, откуда жуткий фасон взялся), испуганные дети. Детей и женщин прикрывали собственными телами около полутысячи магов, сверкающих этой их красивой магией... но что-то подсказывало мне, что их попытка защититься лишь рассмешит кесаря... И он действительно расхохотался, чуть откинув голову назад, и этот смех казался зловещим предзнаменованием грядущего ужаса...

- Нежная моя, — великий продолжая посмеиваться, посмотрел на меня, — твои эпитеты и метафоры прекрасны, но отвлекают от сути моего здесь появления. Иди... посиди в сторонке, вон там на скамеечке можешь и посидеть, и... не вмешивайся.

Я осмотрела великолепный храм, потом взглянула в сторону «скамеечки», позолоченной и сапфирами инкрустированной, на которую могла бы залезть только разбежавшись и запрыгнув, и то есть сомнения, что запрыгну. Взгляд от двух тронов метнулся на присутствующих и я поняла — сейчас тут будет общественный могильник. Судя по настроению кесаря — заживо он всех тут и похоронит, а глядя на бледные лица светлых, стало понятно, что и они это осознают... даже дети.

- Кесарь, — прошептала вдруг я, — знаю, что жалость не то качество, которое вам хотелось бы во мне видеть, но... может... воспитательной беседой ограничитесь?

Великий тяжело вздохнул, протянул руку и меня смело ветром на ту самую «скамеечку», которая, как я поняла, была тронном для супруги императора предназначенным.

И началось. Вперед выступил высокий, удивительно прекрасный светлый, у которого глаза были словно два фиолетовых сапфира... Он начал что-то говорить, но... он боялся, даже я это видела. Он, и вся его маленькая армия трепетали перед единственным кесарем... я их понимаю, самой страшно.

- Исаи эллитерра, Араэден! — вдруг резко с надрывом в голосе, воскликнул этот светлый.

И ласковая, вызывающая оказывается не только у меня приступ паники, улыбка кесаря. Она

означала лишь одно — пощады не будет.

Император не произнес ни слова, он протянул руку, и испуганные дети светлых взмыли под потолок... Все, разом, вырванные из рук пытающихся удержать их женщин... Мне хотелось закрыть глаза и уши, чтобы не видеть отчаяния светлых, и не слышать криков детей и матерей... О, боги!

А кесарь продолжал молчать и ласково улыбаться... Он просто молчал, уверенный в своей силе, и не сводил взгляда... да с брата, наверное. И улыбка, из ласковой стала почти издевательской. Мне в этот миг вдруг вспомнился рассказ Мейлины, о том, как они нашли кесаря, который на тот момент был искалеченным полутрупом, и, глядя на Араэдена на один, на единственный краткий миг я подумала: Каково это смотреть в глаза своего убийцы? Пусть не состоявшегося, но приложившего к тому все усилия, калеча собственную жертву.

Араэден искоса взглянул на меня, усмехнулся, едва искривив губы.

Интересно, а сколько часов, или даже дней они его убивали? Страшный вопрос, да. Не хотелось бы мне пережить подобное, а кесарь пережил. И выжил. И вернулся. И вот он час расплаты...

Что ж, если рассматривать в подобном контексте, то император еще милостив... даже не представляю, как бы я поступила в такой ситуации.

Еще одна едва заметная усмешка кесаря, и его взгляд вновь направлен на брата. Пристальный взгляд возмездия...

И тот светлый с фиолетовыми глазами, первым встал на колени.

Я видела, как тяжело дался ему этот жест подчинения, словно стоял на ногах один светлый, а опустился на колени уже совершенно иной, абсолютно сломленный... И все воины, уронив оружие, встали на колени... и женщины... Униженно моля о пощаде. Если их политический строй основан на превалировании чести и достоинства над жизнью, то сейчас кесарь поступил хуже, чем, если бы убил, а эти светлые предпочли бы смерть, если бы не дети.

И вот тогда великий Араэден начал говорить... Речь его была столь же красива, как и руны, и соответственно настолько же мне непонятна. Не знаю, что именно он вещал, но создавалось ощущение, что стены дворца разносят его голос, и я была уверена, что все те, кто находится за стенами Радужного творения архитектуры, так же слышат речь нового правителя.

Интересно, как они отнесутся к тому, что повелитель вернулся?

С того света практически, прорвав пелену трехсот лет, совершив невероятное по сути. Вернулся.

А затем медленно, мучительно медленно, кесарь опустил рыдающих от страха детей... И едва те оказались на полу, над каждым из малюток вспыхнула руна. Яркая, сверкнувшая багровым светом руна. Матери

33

замерли, побледнев... Мне же вспомнились слова кесаря про заложников, и я догадалась, что означали эти руны.

Слез и рыданий больше не было — светлые покорились. Опущенные головы, поникшие плечи, отчаяние и осознание поражения... как страшно. И как мне близки и понятны их чувства — сама в том же положении.

- Ты не права, — вдруг прозвучал голос кесаря.

- Права, — прошептала я, зная, что он все равно услышит, не слова, так мысли.

Хотя, если подойти к этому с другой стороны... подумаю об этом завтра. Или послезавтра, а вообще при первом удобном случае. Упиваться собственным поражением точно не планирую.

И уже несколько отрешенно, я наблюдала за унижением светлых, которые едва не рыдали от отчаяния... Да рыдали они, хоть и не было видно слез, но они оплакивали свободу, счастье,

существование без кесаря... Бедные светлые.

- Нежная моя! — и вроде сказано тихо, а до костей пробирает.

Я постаралась больше не думать о светлых. Не думать о том, как они поднялись с колен, сломленными куклами двинулись к выходу. Жуткое зрелище. Час расплаты в своем истинном и всеобъемлющем значении.

И когда они ушли, мы остались одни в этом огромном сверкающем золотой росписью рун и блеском натертых полов зале — я, сидящая на высоком троне и полуобнаженный, пристально взирающий на меня кесарь.

- Что с ними будет? — тихо спросила я. И почему-то сочла нужным пояснить: — Не с вашими убийцами, тут мне все ясно, а с подданными?

- Тебе решать, жалостливая моя, — кесарь протянул руку, и теплый ветер обвил меня, приподнял, осторожно опустил на пол.

Едва встав на ноги, я поняла, как сильно устала — меня в буквальном смысле шатало, а еще очень хотелось порыдать в одиночестве.

Казалось, совсем недавно я стояла на смотровой башне и, глядя на Праер, составляла план действий... и вот все повторяется снова, только работы сейчас в сотни раз больше, а задача в десятки раз сложнее, при крайне ограниченном сроке.

- Срок ты назвала сама, — жестокое напоминание от кесаря.

- Я подумаю об этом завтра, — не узнаю свой голос. — Обо всем об этом.

- А сегодня? — насмешливый вопрос.

Молча смотрю в жестокие чуть сверкающие странные глаза кесаря и не выдерживаю:

- А сегодня меня с утра желали принудить к разделению ложа...

- Исполнению супружеских обязанностей, — с улыбкой поправил кесарь.

- Затем попытались придушить! — срываюсь на крик.

- Напомнили о супружеской верности, — усмешка забавляющегося ситуацией пресветлого.

Я прекратила возмущаться, все равно бесполезно, и решила утолить жажду любопытства:

- Интересно, а каким боком мое жертвоприношение относится к собственно нашему весьма странному супружеству? Мне просто крайне любопытно, как вы сейчас интерпретируете попытку убийства супруги.

Великий Аразден медленно подошел ко мне, склонился и с яростью, неожиданной для его бессмертия, вдруг поинтересовался:

- Нежная моя, разве я пытался тебя убить? — лицо его исказилось судорогой, и кесарь прошипел: — Я сделал все, чтобы исключить твоё участие в ритуале. Абсолютно все. А ты убила себя, предпочтя сохранить жизнь жалкому рыжему полуорку, недостойному ступать по земле, хранящей твои следы.

Вообще-то по праву рождения мы с Динаром абсолютно равны. Впрочем, я не собиралась продолжать данный спор — бессмысленно.

- Захват власти завершён? — спокойно осведомилась я.

Но кесарь не ответил, продолжая молча вглядываться на меня.

- Я устала, — пояснила для непонятливых. — День, знаете ли, вышел насыщенным.

И снова тишина. Или издевается, или не знает, что делать дальше, вот и делает вид, что рассуждает о вечном...

- Не угадала, — насмешливый ответ.

Как и всегда.

Послышались быстрые шаги. В следующее мгновение в опустевший зал вступили семеро светлых в ярких сверкающих латах. Они вошли едва ли не строем, и почти сразу опустились на одно колено, и даже склонили головы, но глаза — радостные, сверкающие, а лица такие

восторженно-одухотворенные. Короче сразу ясно — сторонники. Неужели у его бессмертия даже есть сторонники? Кесарь бросил на меня очередной чуть насмешливый взгляд и повернулся к прибывшим.

Непонятная мне краткая речь, а после...

- Кари Онеиро асагер нваэле, — произнес он и все семеро внимательно на меня посмотрели.

А я в мятой юбке, рваной рубашке и волосы после всего случившегося явно мечтают о гребне. Нет сомнений, что меня только что представили сторонникам возвращенного правящего режима, сомнения есть только в адекватности кесаря, но это мелочи.

Далее прозвучали отрывистые команды, после чего серебристая семерка поднялась и разом выдала:

- Каэ, Араэден!

И покинули тронный зал, видимо, спеша исполнить поручения.

А кесарь опять стоял, задумчиво глядя в никуда.

- Не то, чтобы я от любопытства места себе не находила, но все же — а сейчас чего опять стоим? — не выдержала я.

Кесарь вскинул руку с поднятым вверх указательным пальцем, видимо призывая к молчанию. Молчу. Разглядываю великолепнейшее строение, восторгаюсь перламутровыми колоннами, золотыми изразцами, туманного оттенка сверкающими занавесями и молчу. И в то же время просто понять не могу — пришел, увидел, победил — и все? То есть уничтожил противников, одарил руной сопротивляющихся, вызвал сторонников, так? Дальше что? Нет, я не спорю, в период родоплеменных государственных образований и в моем мире подобные захваты власти осуществлялись. То есть с утра правит один вождь, к обеду прискакал с дружиной второй, первого и его дружинников убил, власть захватил, женщинами попользовался, напился. Ночью прискакал третий, совершил все то же самое что второй, но без пьянки, благодаря чему продержался дольше, чем первые два. Опять не повезло женщинам. Максимум спустя еще пару лет, прискакал четвертый, с дружиной, да. Женщинам не везло снова, зато при таких порядках население Рассветного мира росло стремительно, по крайней мере, за две сотни лет были заселены огромные и ранее не обитаемые территории. Но мы же не в историческом прошлом! С другой стороны учитывая темпераментность кесаря — не повезет опять женщинам.

Кесарь медленно обернулся, смерил меня мрачным взглядом.

- Но я же молчу! — возмущенно сказала я.

Послышался стук каблучков. Быстрый, стремительный, звонкий. В следующее мгновение в зал вбежала светлая. Очень красивая, но эдакой злой красотой, а еще очень походила на кесаря... Не могу сказать на счет возраста, но, похоже, мать. И она бросилась к сыну, обняла его, и кажется, едва не плакала. А кесарь гладил по спине, что-то успокаивающе говорил, и видно было — переживал. Очень переживал, а теперь просто рад, что она жива.

- Араэден, акай дьэре наверсе? — прошептала светлая, указав на меня.

- Каэ наахаре Эссалоне Кари Онеиро, — с нотками гордости произнес император.

Гордости?! Меня вдруг очень напряг этот момент.

- Почему же? — полуобернувшись ко мне, поинтересовался кесарь.

- Мне и самой хотелось бы это знать, — медленно ответила я.

И тут светлая потрясенно переспросила:

- Кари Онеиро?!

О переводе этого выражения кесарь мне уже говорил — «Черная звезда», и, похоже, это действительно язык его мира. Не понятно другое — что так изумило его мать? Имя не распространенное, или?..

- Или, — чуть насмешливо ответил император. — Так ты желаешь отдохнуть, уставшая моя? Вспыхнул портал, матушка кесаря радостная и довольная, покинула нас, одарив меня на прощание очень внимательным взглядом.

О, Великий Белый Дух, что происходит?

- Возможно, я снизойду до объяснений позже, — с усмешкой произнес кесарь.

- Я не к вам обращалась, — язвлю, да, но точно себя не осуждаю.

Я себя вообще редко осуждаю, а в данной ситуации еще и оправдываю. И потому с вызовом смотрю на его бессмертие, с кривой усмешкой взирающего на меня.

- Да, я устала и хочу спать, — мрачно напомнила императору.

Для меня услужливо открыли портал перехода. Не глядя на кесаря шагнула, и оказалась... маленькое темное помещение, зарешеченное окошко под потолком, деревянная глухая дверь, без ручки, узкая деревянная лавка, даже не кровать. Тюрьма, в общем!

Оглядев внимательнее этот кошмар, резко выдохнула и прошипела:

- Больше язвить не буду!

- Знаю, — прозвучал насмешливый голос.

А чтоб вас гоблины сожрали!

На узкой деревянной скамейке само собой появилось и расстелилось покрывало. Кажется, меня принялись дрессировать.

- Это предосторожность, недогадливая моя, — мрачный голос с глухим недовольством. — В данный момент тюремная камера наиболее безопасное место для тебя. Ложись спать.

Я осталась стоять, раздумывая над происходящим. Похоже, кесарь, как и я, понимал, что захвата одного дворца для обретения власти вовсе и не достаточно. Значит, сейчас будет второй этап борьбы за власть. Занимательно. И с одной стороны я дико устала, с другой... с другой, вряд ли мне еще представится шанс присутствовать при подобном.

- Я не хочу спать, — устало сообщила пространству.

Появился переход.

Портал перехода в этом мире отличался от Рассветного и сверканием кромки и подобием граней внутри — казалось, шагнешь прямо попадешь в нужном направлении, а если решишься ступить в сторону, унесешься неизвестно куда.

- В грани, — произнес кесарь, к которому меня перенесло.

Он стоял один на холме, все так же полуобнаженный, с растрепавшимися после боя волосами, которые трепал усиливающийся ветер. Я встала рядом с властителем всего Эррадараса, проследив за взглядом кесаря, обнаружила, что смотрит он на Радужный дворец, который без крыши казался не таким уж и радужным.

- Пожелания, предложения, идеи? — спросил император, продолжая издали созерцать им же разрушенное строение.

Видимо, вторыми в этапе захвата власти стоят ремонтновосстановительные работы. Оригинальный подход.

- Критика моих действий неприемлема, нежная моя, — ласковый голос.

- Кто критикует? — отгоняя видение тюремной камеры, вежливо любопытствовала я. — Так, значит дворец.

Оглядывая строение, я поинтересовалась:

- А что планируете оставить?

Дворцовый комплекс заметно пострадал с того момента, как я взглянула на него впервые и дело не только в сорванной крыше — пламя оставило следы на стенах, сорванные окна зияли пустотой... как пустые глазницы. Жутковатое зрелище... Но что странно, именно сейчас на фоне

покорёженных зданий гармонично смотрелась одинокая, совершенно не вписывающаяся в комплекс башня с черной крышей, выстроенная из серого камня.

- Она останется, — что-то странное прозвучало в голосе кесаря.

Невольно посмотрела на императора — глаза все так же устремлены вдаль, губы сжаты, на скулах изображают танец ярости желваки... Взгляд на меня — выражение лица мгновенно утратило эмоциональность, вновь приняв характерное для его бессмертия выражение отстраненности.

- То есть башня вам дорога как память? — догадалась я. Он не ответил, я решилась предположить: — Или это напоминание о чем-то... ммм... болезненном?

Кесарь повернулся ко мне с ласковой улыбкой на губах. Очень ласковой... По спине прошелся озноб, руки дрогнули. Все ясно — тема башни не подлежит обсуждению, и я уделила все свое внимание архитектурному ансамблю не первой свежести.

- Итак, — начала я, — крепостная стена будет, или вы, как и в Праере планируете обойтись без нее?

- Без.

Странное дело — кесарь вновь стал немногословным.

- Нежная моя.

Я вообще молчу. Хотя:

- У вас на Эррадарас какие планы? — спросила я, отбрасывая эмоции и думая о том, какие королевские дворцы мне приходилось видеть. — В смысле какое послание государству должно нести будущее строение?

Дворцов мне доводилось видеть не мало, и самое главное — видеть приходилось то, что хотели показать. Так королевский дворец в Ирани был данью историческому прошлому — фасад дворца был создан еще до появления Прайды и нес в себе символику объединения гильдий, единство, равенство. В Хорнии все было иначе — величественный, видимый еще за сутки пути огромный дворец, возвышался над столицей, внушая всем уважение и преклонение перед властью и могуществом правителей из рода Келларов.

- Мне нравится эта идея, — задумчиво произнес император.

Не удивлена, с другой стороны в Хорнии почитают жрецов Илгара, а это культ скромных скитальцев, посвятивших жизнь служению Единому, в Оитлоне же государственная религия в преклонении Матери Прародительнице, и вот как раз храмы богини отличаются и внушительностью и величественностью... Только сейчас задумалась о том, что в каждом государстве Рассветного мира в внушительностью отличался либо культ власти, либо культ бога. Одно из... и никогда вместе.

- Кстати, а у вас боги есть? — поинтересовалась я.

- Будут, — странный ответ.

Зевнув, еще раз посмотрела на дворец. Задумчиво начала вносить предложения:

- Если без крепостной стены... Тогда можно дворцовый комплекс в виде вашего венца всевластия... — ловлю на себе удивленный взгляд императора. Понимаю, что идею не поняли. — Ммм, смотрите — основное здание, от него каскадом на уменьшение остальные. Ярko, внушительно, величественно. Внутри округлого комплекса сад... Перед основным зданием озеро.

- Основное здание в форме кристалла? — словно не ко мне обращаясь, спросил кесарь.

- Зачем? — в свою очередь спросила я. — Просто здания каскадом, внушительно будет смотреться.

- Нет.

Очаровательно просто. Я вернулась к рассмотрению руин.

- Гарантирую сад, — вдруг произнес кесарь. — Такой, как ты так хотела.
Серьезно? Я недоверчиво взглянула на императора, Араэден не отреагировал.

- Так, первое возвеличим территорию, — кесарь протянул руку.

С тонких пальцев его бессмертия сорвалось серебристо-золотое

сияние, лучами устремилось по направлению к руинам дворца и земля дрогнула. Задрожала основательнее, в следующее мгновение круг земли радиусом примерно в две тысячи шагов начал стремительно рваться к небу... Теперь от дворца действительно остались руины. И пока гора с плоской вершиной поднималась к солнцам, одновременно выстраивалось два пути, лестница — широкая и прямая, ведущая снизу доверху и сужающаяся к вершине, и узкая дорога, опоясывающая гору по спирали, и раскалывающая лестницу на фрагменты. Деталей я не видела, но учитывая, что на обоих путях засверкали огоньки — строились они сразу с фонариками. Издали было удивительно красиво.

- Озеро не забудьте, — попросила я.

Кесарь задумался, затем кивнул и произнес:

- Прекрасная идея. Населю плотоядными рыбами, будет куда трупы выбрасывать.

И видеть озеро мне расхотелось. На тонких губах императора мелькнула едва заметная улыбка, но спросил он о другом:

- Пожелания в отношении спальни?

- На ваше усмотрение, — ответила я, подумав, что спальня не то место, в отношении которого я буду привередничать, а вот что касается моего личного кабинета...

- У тебя будет отдельное личное крыло дворца, нежная меня, — сообщил Араэден.

Первая приятная новость за сегодня.

- Что тебя так обрадовало? — отрешенно спросил кесарь, приступив к построению дворца.

Я не ответила и постаралась не думать о том, что не видеть кесаря уже приятная новость, так что да, отдельное крыло меня бесконечно радует.

- Ты не поняла, — на месте дворца появилось странное облако, в нем тысячи световых золотых и серебряных линий беснуясь пересекались друг с другом, словно рисуя каркас здания, — ты будешь руководить административной частью империи, в моем ведении остается военная.

«Да как скажете», — раздраженно подумала я, заинтересованно вглядываясь в творимое волшебство.

Кесарь не ответил — видимо был занят, но мне не понравилось странное выражение на его лице. Совсем не понравилось. Как впрочем, и еще один момент:

- В качестве кого я была представлена вашим сторонникам?

Тишина в ответ, и лишь кривая усмешка. Ясно — спрашивать бесполезно. Я и не стала.

В молчании смотрела на все увеличивающийся световой поток, на переплетение линий, на опускающиеся с неба золотые искорки, мерцающим облаком покрывающие зарождающийся дворец. А затем вспышка света и облако начало таять, открывая взору потрясающий величием и восторгающий красотой дворцовый комплекс. Сейчас, после подъема территорий дворца, мы смотрели на архитектурное строение снизу вверх, и сверкающая уходящая ввысь лестница казалась неотъемлемой частью императорской резиденции, словно подчеркивая белоснежный храм власти с ярко-золотой крышей, своим блеском слепившей глаза.

- С этим завершили, — произнес кесарь и, скрестив руки на груди, осмотрел творение рук своих. — Нравится?

- Критика ваших действий неприемлема, — ехидно напомнила я.

Супруг искося взглянул, улыбнулся, и поинтересовался:

- Запомнила?
- Молча кивнула.
- Теперь усвой.

Мрачно посмотрела на императора, тот ответил насмешливым взглядом с высоты своего роста. А я вдруг подумала — вот если бы его сожрали гоблины и бессмертие не спасло бы...

- Нежная моя, до сего дня я был достаточно терпелив с тобой, не заставляй сожалеть об этом.

От тона кесаревского голоса стало не по себе, хотя по себе мне не было с момента прибытия в данный в высшей степени странный мир, так что:

- Кесарь, — протянула я, прекратив взирать на супруга и теперь изучая взглядом дворец, — так, исключительно в качестве намека на ситуацию

- до сего дня у вас в любом споре в качестве неоспоримого аргумента была угроза благополучию Оитлона... — я допустила паузу и протянула,

- Была. Так что, по сути, — я развернулась, взглянула в сверкающие глаза и добавила, — плевать я хотела на ваши угрозы.

Император Аразден Элларас Ашеро странно улыбнулся, но промолчал.

- Сказать нечего? — догадалась я, и ласково улыбнулась кесарю его же улыбкой. Разве что не только с угрозой, но еще и нагло, так как умел только рыжий. И вот после этого все так же нагло добавила: — Видите ли, ваше бессмертие, я вам нужна.

Он продолжал молчать, я же продолжила наглеть:

- Сомневаюсь, что вы убьете меня, раз уж изначально готовили в правительницы вашей в высшей степени странной империи, не так ли?

Кесарь все так же молча смотрел на меня, только улыбка становилась все шире. И это начинало пугать. Впрочем, не факт что ему было еще чем испугать меня после всего увиденного, а потому продолжаю наглеть дальше:

- Так что если вы желаете полноценных партнерских отношений и ответственной работы от меня по восстановлению вашего государства, мой вам совет — забудьте про угрозы.

Легкий, почти издевательский кивок, но вместо ожидаемых возражений, предупреждений, ну или хоть чего-то я услышала:

- Катриона, нежная моя, твоя наглость неприемлема.

Император Аразден протянул ладонь, коснулся моей щеки, провел большим пальцем по линии подбородка и добавил:

- Возможно в дальнейшем в интимно-приватной обстановке в рамках постельных удовольствий я позволю тебе раскрыть и эту грань твоего характера, но не сейчас.

Дернула головой, избавляясь от его прикосновений, и тут до меня дошло:

- Что вы сейчас сказали? — изумленно переспросила. — В какой приватной обстановке? О каком привате речь?! Какие удовольствия?!

В ответ кривая ухмылка и вопрос:

- Страшно?

Резко отвернулась к дворцу, сложила руки на груди, мрачно ответила:

- Ясно, все поняла, постараюсь сдерживаться в вашем присутствии.

Усмехнулся, и тоже посмотрел на дворец.

Некоторое время мы стояли молча на холме, ветер трепал мои волосы и порванную рубашку, чувство потерянности и дикого одиночества накатывало снова и снова, как волны... Но желания бежать прочь не возникало — мне было безумно интересно понаблюдать за тем, что кесарь будет делать дальше, да и ситуация с восстановлением империи интриговала.

- Голодна? — спросил император.

- Вряд ли я сейчас смогу есть, — отозвалась, задумчиво разглядывая дворцовый комплекс.

Перед нами открылся портал.

Глядя на его сверкающие грани, я вдруг поняла одну странную вещь — сейчас кесарь их открывал легко, а едва мы появились в его мире, использовал не портал, а дорогу и камни перенесшие нас...

- Это — эхао, грани света, не порталы, — снизошел до объяснения император. — Принцип действия кардинально отличается от того, что рассказывал тебе вождь Джашг. Эхао — не раздвигают пространство, они преломляют свет и, вступив в него ты становишься светом, световым же лучом переносишься в избранное место.

Удивленно посмотрела на кесаря, тот не глядя на меня, продолжил:

- Все потоки света контролирует властелин Эррадараса, именно поэтому мы не могли воспользоваться эхао, едва появились.

- А сейчас можем? — уточнила я.

- Да, — абсолютно спокойный ответ, — я подчинил потоки, едва использовал Радужные камни, и теперь абсолютно все перемещения в Эррадарасе контролирую я.

Теперь понятно, почему сторонники свергнутого брата кесаря разбегались, а не покинули дворец, используя магию...

- Именно, — подтвердил император.

Да, я действительно мало что могу понять в магии светлых, но вот с интригами вроде получше.

- А куда вы отправили ваших сторонников? — задала я очередной вопрос.

Кесарь повернулся ко мне, улыбнулся и спросил:

- Есть предположения?

Хм, интересный вопрос. С одной стороны мне пока не понятны принципы их магии и вообще государственного устройства, с другой... семь сторонников с возможностью свободно перемещаться по империи, в то время как противники ныне устанавливающегося правящего режима такой возможности лишены... И куда я бы их отправила будь я на месте кесаря?! Риторический вопрос.

- Захват власти в армии?

- Совершенно верно, — мне приятно было видеть одобрение в его взгляде.

- Уничтожите верхушку армейского состава? — поинтересовалась я.

Кесарь молча протянул руку, вложила свою ладонь и сильные пальцы мгновенно сжали, не больно, но очень крепко. Вместе мы шагнули в портал.

Свет окружил, стремительно унося за собой, и вскоре под ногами был отполированный мраморный пол, а перед нами строй перепуганных... человеческих девушек! Тоненьких, удивительно красивых, светлоглазых и светловолосых. Изумленно посмотрела на кесаря.

- Рабыни, — последовал краткий ответ.

И отпустив мою ладонь, великий император что-то произнес на своем певучем языке. Произнес жестко и повелительно, явно отдал какой-то безапелляционный приказ. Только сейчас заметила его матушку, сидящую в высоком кресле у окна. За окном, кстати, простирался морской пейзаж, то есть мы сейчас вообще неизвестно где оказались, но явно не вблизи дворца.

- Нежная моя, — потребовал внимания кесарь, — ты должна выглядеть достойно.

Оторвавшись от созерцания бескрайнего водного простора, посмотрела на его бессмертие и задала резонный вопрос:

- Зачем?

- Ответ очевиден, — произнес великий император Араэден и покинул помещение.

Я вновь повернулась к окну — определенно с этим морем было что-то не так, но я все не

могла понять что именно. Легкий оттенок фиолетового? Ну в этом мире и горы странные, так что... И тут среди сине-фиолетового гребня далекой волны мелькнуло тонкое красное нечто... всплыло на мгновение и снова ушло в глубину...

От окна я отпрянула, чуть не сбив неслышно подошедших рабынь.

- Что за... червь? — скорее прошептала, чем проговорила, и, обернувшись, увидела недоуменные взоры.

Меня здесь не понимали. Никто не понимал... кроме кесаря.

Жестоко оказаться фактически немой, при условии, что именно риторика извечно была моим козырем. Мне нужно выучить их язык в ближайшее время. Это необходимо.

- Кари Онеиро, — вдруг произнесла мать императора, поднимаясь с кресла, — аэ керра тама э?

Я взглянула на нее и молча развела руками, демонстрируя, что не поняла ни слова. Светлая улыбнулась, от чего ее клыки сверкнули в ярком свете этого просторного помещения с девятью окнами, но улыбка все равно была... доброй. Не казалась — была. Женщина стоящая передо мной явно являлась исчадьем преисподней, ее злобный характер читался в чертах лица, а снобизм сквозил в горделивой осанке, в каждом величественном жесте, но... но на меня она смотрела с доброй улыбкой, без чувства превосходства, без презрения, без настороженной ненависти. А теперь вопрос — если люди здесь рабы, почему мать кесаря воспринимает меня как равную?

Светлая подошла, протянула ладонь, коснулась моего лица и ласково погладила по щеке.

- Кари-амэ, та э наре?

Естественно я снова ничего не поняла. Эллара рассмеялась, и ее смех прозвучал звонкими колокольчиками, и приказала жестким, злым, полным презрения:

- Этдарех!

Приказ был адресован не мне — перепуганные человеческие девушки мгновенно засуетились. Пятеро покинули помещение, выйдя не через высокие двустворчатые двери, а использовав едва приметные узкие, ведущие в темный коридор, двое бесшумно шагнули ко мне, и быстрые тонкие пальцы, едва ощутимо, словно крылья мотыльков, принялись расстегивать пуговицы, развязывать пояс. С некоторым изумлением посмотрела на светлую — мать кесаря зорко следила не за мной — за рабынями, не смеющими глаз поднять. И эти запуганные, отчаянно старающиеся быть незаметными девушки, столь разительно отличались от даже от вышколенной прислуги в королевском дворце Ирани. Не более минуты и на оставшейся обнаженной мне, был застегнут легкий практически белоснежный халат. И все это девушки проделали даже не коснувшись меня фактически. Как можно было добиться такого уровня мастерства? Очередной вопрос. Но хватило одного взгляда на матушку кесаря, чтобы стало понятно очевидное — за ошибки девушки платили кровью, и, сильно подозреваю, что ждала их не порка.

Рабыни отступили, поклонились, и наиболее взрослая указала куда-то, видимо прося следовать за ней. Я последовала — за поворотом отделяющей от основного помещения белой полукруглой стены меня ждала ниша с бассейном в форме лилии, в центральном лепестке которой располагалось сиденье. Рабыни продолжали порхать вокруг меня — иначе не скажешь. Вообще как принцесса и наследница Оитлона я естественно неоднократно принимала ванну с помощью прислуги, но будем откровенны — ничего приятного в этом не было. Смущение мне все же не чуждо, а тут практически чужие люди, вымыть голову я всегда была способна и сама, как и волосы расчесать наименее болезненно, чем это делали служанки — не удивительно, что в итоге я предпочитала купаться всегда сама.

Здесь все было иначе.

Я в принципе не ощущала прикосновений рабынь, ни одна даже не подняла на меня взгляда. Они были бесшумны, аккуратны и запуганны. Последнее следствие лично моих предположений, но было ощущение, что предположения определенно имеют смысл.

Меня подвели к краю бассейна, устроили в соответствующей нише и занялись наведением моей красоты. Не отпускало ощущение, что по мне порхают бабочки, а вовсе не руки человеческих девушек. Мне вымыли, высушили и расчесали волосы не дернув ни волоска, не вызвав даже малейших болезненных ощущений. К концу процедуры, я невольно подумала о том, что жизнь местных аристократов довольно приятная штука.

Я ошиблась.

Вернувшись из ванной, я увидела ожидающих меня рабынь с одеждой на вытянутых руках. Одежда соответствовала пыточным нарядам моей коронации в Прайде! Проклятые гоблины, мне придется это носить?!

Дверь открылась являя светлый лик кесаря, когда мне заплетали волосы, дабы поместить их под призрачный покров, долженствующий удерживаться золотым обручем. Платьев на мне было три: нижнее — мягкое, ласкающее кожу, легкое белоснежное; среднее — перламутровая броня из ткани, затянувшая хуже корсета, сковывающая движения и вынуждающая держать истинно-королевскую осанку, и верхнее — тончайшая дымчатая паутинка, расшитая серебряной нитью, что изображала какие-то руны. Изумительно красиво, должна признать, но катастрофически неудобно. И вот теперь мне заплетали волосы, столь туго, что казалось кожа натянулась, а глаза заузились, но видимо так и следовало — чтобы ни одна волосинка не выбилась.

К слову кесарь так же соизволил приодеться — белоснежная рубашка с воротником стойкой, на отогнутых уголках серебрились те же руны, что украшали мое верхнее платье, серебристые зауженные к низу брюки, с тонким серебристым ремешком, распущенные волосы. И венец Всевластия, поразительно точно копирующий тот, что кесарь надевал на торжественные мероприятия, типа нашей свадьбы и коронации в Рассветном мире.

- Знаешь, что меня искренне изумляет? — спросил его бессмертие, оценивающе скользя взглядом по моему наряду.

- Вы скажете, — резонно заметила я.

Улыбка скользнула по тонким губам, и император ответил:

- Ты очень верно подметила идентичность вязи рун, что украшают твое и мое одеяния. Это руна власти, нежная моя.

Подняв руку, присмотрелась к изображению, и не удержалась:

- Кесарь, я могу понять наличие сего атрибута на власть указующего на вашей одежде, однако меня откровенно удивляет роспись моего платья. Атрибут власти на уродливой человечке, чей путь, без вашего покровительства, составил бы карьеру от шлюхи до свинарки? — мне было приятно вернуть ему его же слова.

Его льдистые глаза сверкнули, на губах определенно в качестве предупреждения, появилась ласковая улыбка.

- Я это к тому, что меня лично в высшей степени не радует подобный наряд, — раздраженно заметила.

- Привыкнешь, раздраженная моя, — усмехнулся он.

В этот момент рабыни завершили плетение, и мне на голову был водружен для начала покров, а следом удерживающий его обруч. Пресветлая мать кесаря тут же поднялась из кресла, хлопнула и передо мной заискрилось возникшее зеркало.

Что сказать... Изображение в нем было идеально прекрасным — шикарный величественный кесарь, идеальная затянутая я. Льдистые кристаллические его глаза, абсолютно черные мои. Его мрачноторжественное лицо, сильно мрачное и раздосадованное мое.

Мы смотрелись парой.

Именно парой — император и его... императрица.

- Любопытное предположение, — иронично произнес кесарь.

Я искоса взглянула на него, после вновь в зеркало. Неожиданно поняла, что мне тяжело дышать, то есть дышать я начала глубоко и напряженно, старательно пытаясь взять под контроль и злость, и оправданный гнев и ярость.

- Мне бы очень хотелось знать, ваше пресветлое величество, — слова давались с трудом, — как именно я была представлена вашим сторонникам?!

Кесарь усмехнулся. Наглости промелькнувшей в его ухмылке мог бы позавидовать и рыжий, если бы был здесь...

Великий Араэден Элларас Ашери никак не отреагировал на мои крамольные мысли. Мне величественно была подана рука, я мрачно положила свою похолодевшую ладонь сверху, отчаянно понимая, что другого выхода у меня нет.

- Именно так, нежная моя, — насмешливо подтвердил кесарь.

И шагнул в зеркальную гладь, расступившуюся перед ним словно ртуть, а шагнула следом.

И величественная тишина замка на краю таинственно-пугающего северного моря сменилась шумом сражения, криками боли, стонами умирающих и убийственным запахом крови и страха. В первый миг ослепленная солнечным светом я зажмурилась, но затем открыла глаза и увидела белоснежную крепость, встроенную в бело-голубую мраморную стену, простирающуюся по границе величественной темносиней реки, что текла от края и до края, теряясь в горизонте. Крепость в которую мы перенеслись являлась головной, то есть превышающей и размером и высотой остальные крепости, виднеющиеся в ленте крепостной стены. Отсюда казалось, что там, в других более маленьких крепостях все тихо, мирно и спокойно... Здесь же царила смерть. Прекратив созерцать окрестности, я оглядела крепость, испуганно затихающую с момента нашего появления.

Повсюду было красное. Кровь, трупы, валяющиеся изломанными куклами... и в основном неестественно и жутко лежали воины в красном, потому вероятно и складывалось впечатление, что повсюду кровь.

В общем и целом войска пресветлых отличались ярким цветовым оформлением — все офицеры в белом, без головных уборов и в белоснежных плащах, которые сейчас безжалостно трепал ветер. Оглядевшись я насчитала более сотни белоснежных. Так же мало было воинов в бело-голубом, на них имелись сверкающие шлемы, закрывавшие лицо и острием устремлявшиеся вверх, бело-голубые кольчуги. Далее следовали воины в голубом — судя по тем, кто находился возле нас, это были сплошь светлые, затем шло на увеличение — лучники в серебристо-сером, мечники в синем, странный род войск в зеленом и... много, много, много — около пяти тысяч, не меньше, воинов в красно-коричневых тканевых куртках, такого же цвета штанах и сапогах. На них не было кольчуг, легкий кожаный шлем едва прикрывал голову, среди вооружения мечи, секиры и арбалеты. Видимо пехота — наиболее многочисленная и наименее ценящаяся часть войск. Они, эти в красно-коричневом, были ниже и коренастее светлых, и это были люди. Люди. И среди убитых в центре этой громадной крепости в основном преобладали именно люди. Как могучие бородатые пехотинцы, так и стройные, тоненькие арбалетчицы, которые похоже все являлись человеческими девушками! Тоненькие, юные, хрупкие — именно они казались сломанными куклами в красном... в красной крови.

— Кажется, вы говорили, что люди здесь рабы, — холодно произнесла я.

Кесарь не удостоил меня и взглядом, он стоял молча, выражая силу, угрозу и незыблемость единой власти. Он просто стоял. Молча.

Но повторилось то, что мне уже довелось видеть — светлые, один за другим, начали

медленно опускаться на колени. Люди последовали их примеру, но опустившись на колени согнулись, касаясь лбом и раскрытыми ладонями изгвазданного окровавленного камня. И не прошло двух минут, как все заполнившие площадь тысячи воинов, в позе абсолютной покорности, выражали готовность следовать воле нового императора... или старого, тут как посмотреть. Остались стоять лишь воины в серо-серебристом, издали похожие на сверкающие наконечники копья. Я так понимаю сторонники кесаря.

Пресветлый император сжал мою руку, которую продолжал удерживать в своей ладони, и заговорил.

Речь его была возвышенна, определенно усилена магией и проникновенна. Даже те офицеры, что опустившись на колени, продолжали держать подбородки гордо вскинутыми, медленно опустили головы, то ли от стыда, то ли от страха, то ли от всего вместе. Я не понимала ни слова, из речи Великого Араэдена, но что-то подсказывало мне — там не прозвучало ни единого обещания сладкой жизни. Кесарь не давал обещаний, кесарь ничего не требовал, судя по ласковой улыбке, блуждавшей на его тонких губах, он выдвинул ультиматум. Что-то вроде "Кто не со мной, тот против меня", а может: "Подчинись или умри", но скорее всего это было старое и доброе "Я вождь. Очень выносливый вождь... Готовьтесь!".

- Ты невыносима, — неожиданно и тихо сказал кесарь.

И завершил речь.

Едва стих глас императора над всей площадью вспыхнула руна. Она серебрилась и переливалась несколько томительных секунд, а затем рухнула вниз мириадам собственных копий, запечатлевшись на груди каждого воина.

Перед нами заискрилось зеркальное поле.

- Что это за руна? — спросила я, ступая в портал за увлекающим меня кесарем.

- Руна единения, нежная моя, — спокойно ответил кесарь. — Руна абсолютного единения.

Это как?

- В смысле они больше не смогут предать? — спросила я, замерев на пороге перехода.

Там за зеркальной гладью виднелась новая крепость.

- Все сложнее, нежная моя, — Великий Араэден холодно взглянул на меня, — руна единения соединила их жизни с моей в одностороннем порядке. Умру я — оборвется их дыхание.

Оригинально. Я невольно взглянула на кесаря, потом на зеркальный проход, потом поняла, что кажется у меня шок. Нет, правда, шок. И дело не в том, что это был долгий, очень долгий день, и даже не в том, что кое-кто, не будем указывать пальцем кто именно, приволок меня в свой мир, дело в другом — это что за руны такие?! И как? Как подобное в принципе возможно? Это... это...

Император, игнорируя мой напряженный мыслительный процесс, шагнул в зеркальную гладь, выводя меня на постамент в очередной крепости. Мы оказались на вершине совершенно жуткого с точки зрения архитектуры здания. Скажу больше — законы архитектуры как таковые в данном строении были попорчены самым жестоким образом.

— Нежная моя, — предостерегающе произнес кесарь.

А при чем тут я?! Нет, серьезно, я не имею никакого отношения к этому конкретному издевательству над архитектурой. Я вообще в этом мире от силы часа четыре. Ну может пять максимум, а этой без всякой опоры висящей над морем крепости лет так триста-четырееста, судя по замшелыми местами стенам.

Оглядевшись, увидела, что крепость над морем висит вовсе не в одиночестве — и с права, и слева, куда простирались возможности несовершенного человеческого зрения, виднелась гряда такого же издевательства над каменным зодчеством. Крепости между собой были соединены

довольно хлипкими на вид веревочными лестницами, эта конкретная крепость являлась самой крупной, в ней даже имелись два трона на высоченном постаменте их белого мрамора, к которому вело ступеней триста, не меньше. Вот на этом постаменте мы с кесарем и оказались. Здесь битва была куда менее кровопролитной, да и в целом ее похоже еще толком и не было, потому как крепость стягивала силы — по белоснежному веревочному издевательству мчались тысячи красных воинов. Неимоверно, но из морских глубин, до которых явно было очень далеко, ну потому как до самого моря метров сорок не меньше было, так вот с морских глубин поднимались совершенно непередаваемо жуткие бескрылые и коротколапые морские драконы и... скажем так — утоляли свои пристрастия истинных гурманов, пытаясь... сожрать кого получится. В случае с воинами в красно-коричневом все получалось, к моему прискорбию — прискорбно все же наблюдать как жрут тебе подобных, но если драконы щелкали зубами возле кого-нибудь из светлых, то по этим же зубам и получали — копьями или магией, и уносились в морские глубины ни с чем. Но относились к этому явно философски, так как радостно выныривали снова, держась подальше от светлых, и радостно утаскивая людей!

- Все же должна заметить — с вашей стороны наглым враньем было утверждать, что люди в этом мире только рабы! — возмущенно прошипела я.

Кесарь, стандартно являя собой силу, мощь и власть, соответственно роли молчал, ожидая видимо пока добегут воины, которых явно по тревоге стянули в это издевательство над архитектурой. А я с трудом сдерживалась от негодования. Не могу утверждать, что я отличаюсь излишним человеколюбием, но во имя всехдохлых гоблинов, в Рассветном мире нас собственно жрут одни эти самые гоблины, а тут, похоже, все кому не лень!

И тут из глубин морских вырвалось совсем уж жуткое создание — черно-фиолетовый длинный как червь шипастый монстр. И вот он, явно решив присоединиться к поголовному издевательству над всемирным законом тяготения, завис в воздухе над крепостью, сложившись в знак бесконечности. Бесконечного издевательства.

С появлением над плоской крепостной площадью сего монстра, защитники, теснившие воинов кесаря, последних ни с чем не путаешь, они упорно ассоциировались у меня со сверкающими наконечниками копий, остановились. И над всей крепостью воцарилась звенящая напряженная тишина, более того — прекратилось активное питание человеческими воинами, в смысле из морских глубин никто зубастый более не выпрыгивал.

В этой жутковатой тишине отдаленным раскатом грома прогрохотал голос глубинного монстра:

- Харрагатан, Араэден!

- Окатарран, Згахерраэ! — величественно ответил кесарь.

Величественно, это да, но определенно была разница между тем, как он величественно вещал о необходимости ему покориться, и сейчас когда, похоже, приветствовал морского дракона... Лично у меня возникло ощущение, что оба жутко рады видеть друг друга, и вообще обнялись бы, не присутствуй здесь столько народа.

На мои мысли кесарь отреагировал совершенно неожиданно — большим пальцем он нежно провел по тыльной стороне моей ладони, после сжал руку, видимо требуя... эм, не думать? То есть это было невербальное "Нежная моя, умолкни"?

Что ж, я попыталась, правда попыталась. Стараясь совершенно ни о чем не размышлять, я проследила за обменом любезностями между кесарем и черно-фиолетовым кошмаром, о Великий Белый Дух, надеюсь, этот монстр мне не приснится ночью? С другой стороны, всяческие чудовища сущая мелочь в сравнении с кесарем, так что главное чтобы мне кесарь ночью не приснился, вот, с остальными есть шанс разобраться.

Великий Араэден бросил на меня насмешливый взгляд, отпустил мою руку и сделал шаг

вперед, явно готовясь произнести очередную речь.

Речь вышла выше всех похвал. Я правда не поняла ни слова, но это не помешало оценить всю глубину драматизма, появившуюся на лицах обреченного воинства.

Далее последовала руна. Уже хорошо знакомая мне руна. После которой фиолетово-черный морской дракон рухнул в морские глубины, остальные драконы более не показывались, воинство крепости печально стояло на коленях.

Кесарь же подал мне руку — мы вступили в появившуюся зеркальную гладь.

- Так значит люди не только рабы, но еще и корм для всяческих морских гадов и пешее обреченное мясо в каждой битве? — осведомилась я.

Мрачно взглянув на меня, император ответил:

- Мне плевать на людей, нежная моя. Усвой это.

- Но мне есть до них дело! — не сдержалась я.

Кесарь на это восклицание ответил улыбкой, не то чтобы очень ласковой, скорее очень насмешливой.

- То есть раз мне есть до этого дело, то это исключительно моя проблема? — догадалась я.

- Именно так, нежная моя.

Глубоко вздохнув, я медленно выдохнула, успокаиваясь. Хорошо, моя так моя, разберусь, не маленькая. Кесарь величественно кивнул, одобряя мое решение. И тут я заметила, что он продолжает стоять, размышляя о чем-то. Интересно, о чем? Воспитательная беседа, насколько я заметила, прошла вполне успешно, в смысле в духе кесаря, то есть более чем успешно. В чем же проблема?

Император прекрасно считал все мои мысли, но продолжал молчать, глядя куда-то перед собой. В чем же дело?

А потом я поняла — руна. Руна которую он использовал... Можно ведь было обойтись руной... ммм... подчинения к примеру. По идее должна быть такая. Кесарь же использовал одностороннюю связующую руну, поставив жизни своих воинов в прямую зависимость от собственной жизни. К слову это странно, если учесть, что кесарь в принципе бессмертен... Хотя, если подойти к этому делу с умом, то... А в прочем не о том думаю. Вернемся к руне.

- И на кой гоблин вы именно ее наложили на ваше цветастое войско? — поинтересовалась я.

- Потому что руна подчинения, на них уже есть, нежная моя, — сухо ответил кесарь.

Оу... Мда.

- Сочувствую, — тихо сказала я. И тут же уточнила: — Элионей?

- Да, — кесарь, как и всегда, был немногословен.

Вспомнив о том, что магия темных защищала дворец, уточнила повторно:

- С помощью темных?

— Да.

Я невольно подумала — каково это, вернувшись домой, узнать что твои войска вынуждены подчиняться твоим врагам, потому что их откровенно предал твой родной брат... Представила себя на месте кесаря, вспомнила, на что способна Лориана и поняла... С этим нужно что-то делать. Определенно.

- Что у нас дальше по плану? — спросила у кесаря.

Он сжал мою ладонь, глубоко вздохнул и мы вновь шагнули в зеркальную гладь.

А здесь был бой.

Высоко в небе надрывно кричали птицы, и взглянув вверх я поняла, что это не просто птицы — боевые орлы, оседланные... похоже что темными. При нашем появлении, орлы что до того кружили над полем боя, пошли на снижение и в итоге зависли напротив нас с кесарем, позволяя

мне рассмотреть своих всадников. У темных была темная, почти черная кожа, алые сверкающие словно сотней граней глаза, широкие белозубые ухмылки, столь же клыкастые как и у светлых, совершенно черные волосы, в основном или выбритые по виску, так чтобы хвостом спускались на спину, или же собранные в высокие хвосты, опять же отброшенные на спину. Одежда... как таковой ее в принципе не было. У женщин, а среди орлиных всадников оказалось две представительницы моего пола, грудь была перехвачена широкими кожаными ремнями, помимо этого имелись кожаные же брюки. И все. Остальной одеждой они себя не обременяли, мужчины и вовсе красовались голыми торсами.

Примечательно, что как только эти семеро зависли напротив меня и кесаря, бойня вниз, в долине, мгновенно прекратилась. И стало ясно, что темные и светлые сражались единым могучим и превосходящим раз так в двадцать фронтом против серебристых сторонников кесаря. То есть силы были определено неравны. И вообще, глядя в какие тиски взяли сторонников кесаря, сходу стало ясно — мы прибыли определено вовремя. Вот только... только вопрос, есть ли у нас шанс противостоять объединенным силам.

И тут один из орлиных всадников прыгнул с орла, встал, сложив руки на груди, и насмешливо глядя на кесаря и произнес:

- Хагаррак тэр иварсакан, Араэден!

Короче я понятия не имею, что он произнес. Но мне очень хотелось бы знать, что это было, если честно, хотя и так ясно — какое-то оскорбление. Мой кесарь повернул голову, посмотрел на меня, улыбнулся едва заметно, вновь посмотрел на темного и...

И темный упал.

Вот только что стоял, издевательски ухмыляясь, и тут как рухнет... Наземь.

- Агаэээээээр! — истошно завизжала одна из темных.

И тоже рухнула. Она упала, а ее крик еще несся над полем битвы. А потом рухнули остальные орлиные всадники. Просто упали бездыханными трупами, вызвав ступор у войск. Потом кесарь протянул руку, с его пальцев сорвались сверкающие искорки, окружили орлов, и растворились в сбруе, седлах и прочем, что на могучих птиц было приделано. И орлы мотанув головами, словно избавились от чар, разом закричали, раскрыв клювы. А затем медленно, устало, понеслись в небо... кажется, возвращаясь к себе домой. Они были в плену? Что-то мне подсказывало, что да. И я утвердилась в этом предположении, когда самый крупный из орлов, сложив крылья рухнул вниз, удержавшись в нескольких метрах над землей, и склонил голову перед кесарем. Явно выражая признательность. Пресветлый император ответил ему полным достоинства полупоклоном и гигантский орел вновь взмыл в небо.

- Создается впечатление, что с каждым монстром Эррадараса вы знакомы лично, — заметила я. После сопоставила слово "монстр" собственно с кесарем, и невольно улыбнулась. Просто улыбнулась и только улыбнулась, но Великий Араэден удостоил крайне внимательным взглядом.

Дальше традиционно была речь.

Впечатляющая, чеканная, полная ледяной ярости, так присущей нашему бессмертному. А еще в этой речи звучало... кажется, обвинение. Да нет, не кажется, кесарь действительно обвинял. Жестко и основательно, в смысле у него определено были для этого основания.

И когда речь его завершилась на поле боя вспыхнуло пламя!

Точнее как пламя... вспыхнули воины.

Светлые воины и некоторые из... людей в красно-коричневом.

Последнее заставило меня понервничать, но я не посмела выступить против... похоже казни. Никто не посмел. Над полем и тысячами замерших воинов пронеслись вопли гибнущих, смешанные с ревом пламени, после гибнущие рухнули на покрытую грязью и пылью землю.

Люди упали без движения, больно царапнув меня осознанием хрупкости моего вида, лорды остались живы. Обгорелые до черноты, покрытые одним сплошным ожогом, они лежали на земле и тихо подвывали от невыносимой боли. Но они определенно выживут — люди нет!

Речь кесаря завершилась.

Мы шагнули в зеркало, возникнувшее перед нами.

* * *

А вышли в спальне.

Великий Араэден отпустил мою руку, прошел к огромному окну, на пол стены этой громадной спальни, и встал, сложив руки на груди и глядя вдаль. Молча. С ненавистью. С яростью, для которой не было выхода. И вместе с тем с тоской.

А я все пыталась понять, что не так. На мой взгляд возвращение к власти прошло более чем триумфально — дворец не просто под нашим контролем, но его вообще выстроили заново. Основные тактически важные военные крепости теперь полностью подконтрольны власти кесаря, более того — они поставлены в прямую зависимость от его жизни. Фактически, проводи подобный маневр любой из наших правителей, сейчас бы весело расплясывал... а кесарь нет. Создавалось впечатление, что он переживает настоящее горе... Неожиданно вспомнила убийство темных и освобождение гигантских орлов. И свою дурацкую фразу: "Создается впечатление, что с каждым монстром Эррадараса вы знакомы лично".

И совершенно неожиданно я поняла — орлы! Они были пленены и закованы, но чтобы их пленить, требовалось сначала победить их — гордых, могучих и готовых сражаться за свою свободу до последнего.

— Да, нежная моя, — тихо отозвался кесарь. — Все эти годы я переживал за мать. Все мои мысли и тревоги были о ней... я испытываю стыд, понимая, что о самых преданных своих сторонниках практически не вспоминал...

Он замолчал на миг, затем еще тише, с болью, ощущающейся в каждом слове, продолжил:

- Крылатый народ — погибло две трети, гнезда разорены, большая часть выживших в плену, под темными. Керуххарн лишь предполагает, что некоторой части его стаи, в том числе его орлице с выводком, ради которых он подставился под магическую сеть, удалось скрыться среди северных гор, но точно ему не известно. Орлы в снегах... не выживают.

И я поняла то, о чем не сказал Араэден — этот могучий орел даже не знал, выжила ли его пара... выжила ли его семья...

- Морукаи, — продолжил с ледяным спокойствием, наполненным тяжелым равнодушием, кесарь, — морской народ... выжила одна десятая. Леса Марии сокращены вдвое. Марийские дриады воинственный народ, об их реальной численности неизвестно никому, но каждое дерево священного леса — вместилище дриады... нет дерева, нет... той что дышала им!

Они замолчал.

Несколько долгих секунд смотрел вдаль, затем добавил:

- Агэкхери — песчаные демоны... уничтожены.

- Почему?! — я воскликнула, прежде чем даже поняла это.

Кесарь усмехнулся уголком рта, и повторил уже сказанное:

— Все эти годы я переживал за мать. Все мои мысли и тревоги были о ней... я испытываю стыд, понимая, что о самых преданных своих сторонниках практически не вспоминал... Агэкхери были первыми, кто ощутил, что я гибну. Трое суток они пытались прорваться на территории Эррадараса. Они бились... за меня. Когда пали воины, темные уничтожили

поселения. Сведений о выживших на данный момент нет.

Не знаю как кесарю — от осознания масштабов катастрофы лично мне было больно. Больно, даже при том, что я практически не знала о ком конкретно речь. Но их преданность заслуживала уважения. А жестокость темных...

Я запрокинула лицо, глядя вверх, на белоснежный искрящийся куполообразный потолок спальни, глубоко вздохнула, вытерла слезы и... я наследница Оитлона, я Катриона Ринавиэль Уитримана, я не из тех кто сдается и опускает руки, и уж тем более не буду плакать там, где нужно действовать.

- Насколько я понимаю, меня вы оживили? — обратилась я к кесарю.

Пресветлый император медленно обернулся ко мне, холодно взглянул своими жуткими сверкающими глазами.

- Да бросьте, я проткнула себя мечом... что б вас! — при воспоминании об этом, хотелось пожелать кесарю, чтоб его гоблины сожрали. Но речь сейчас шла не о нем.

- Мы можем попытаться оживить ваших песчаных демонов, — сказала я.

- Миновал год, нежная моя, — ледяным тоном произнес кесарь.

Пожав плечами, я напомнила:

- Если я не путаюсь... хотя должна заметить смерть могла и несколько повлиять на субъективное ощущение времени, вы примерно так часов пять назад впитали в себя силу Аршхана. И не знаю, станет ли это для вас новостью, учитывая ваши возможности бывать в каждом месте Рассветного мира в любой момент, но существует прецедент оживления массового побоища посредством моего с ракардом страстного поцелуя. Почему бы не попробовать? Все лучше, чем страдать о потерянных преданных сторонниках!

Безразлично слушавший меня кесарь, при последней фразе взбешенно сузил глаза, но...

- Но я права, — заметила вслух.

- Как сказать, решительная моя, — улыбнулся пресветлый император. — Механизм возвращения к жизни, а точнее к моменту гибели, запустила ты, поцелуй ракарда являлся лишь спусковым крючком. Но если ты еще не забыла, нежная моя, в этом мире магии ты лишена.

Не забыла. Впрочем, если быть откровенной — я и в своем мире особо о магических способностях не вспоминала, привыкнув обходиться без них. А что касается заявления императора:

- Если я не путаюсь... хотя должна напомнить, что смерть могла и несколько повлиять на субъективное ощущение времени, вы примерно так часов пять назад впитали в себя силу не только Аршхана, но еще и мою страстно высосали!

- Выцеловал, — с усмешкой поправил кесарь.

И подал мне руку.

И я пошла. Без сомнений и сожалений, не взирая даже на то, что — примерно так пять часов назад этот светлый высосал всю силу у меня, Аршхана и Динара, а после... Отбросила это воспоминание. Отшвырнула, с диким чувством сожаления и решимостью выжить и вернуться. И плевать какой ценой! Пусть даже ценой помощи своему врагу.

— Я не враг тебе, нежная моя, — спокойно произнес кесарь.

Спорить я не стала, молча положив руку в кого раскрытую ладонь.

Пальцы императора сжались, вызвав невольную ассоциацию с железными скобами прочнейшей ловушки.

А затем открылся портал.

Порой мне казалось — засну стоя. По потом накатывало осознание — нет, стоя не получится, потому как совершенно определенно я сейчас рухну в эту красноватую пыль от усталости. И уже не встану. Точно не встану.

Кесарь, полуобнаженный в темно-коричневых кожаных брюках, заправленных в странные местные сапоги, мягкие, с мягкой подошвой и плетением из ремешков, стягивающих эту обувь, и с широкими кожаными браслетами на руках, остановился, развернулся и посмотрел прямо на меня, словно слышал мои мысли... Хотя о чем это я, он их совершенно определенно слышал.

Вздыхнув, подумала о том, что уже и понять нельзя, даже мысленно. Все нормально со мной, на ногах пока держусь, и спину ровно тоже держу, и вообще излучаю спокойствие, рассудительность и прочие приличествующие пресветлой леди эмоции. Усмехнувшись, кесарь вернулся к малоприятному делу — собиранию останков. Останков! За год от них мало что осталось, но Великого Араэдена это не особо смущало, и его доверенных военачальников так же. На данный момент с нами было пятеро из семи доверенных. Двое временами появлялись среди находящихся метрах в ста от нас, конструкции из серых и розовых валунов, прибегали к кесарю, припав на колено и опустив голову, отчитывались перед своим полуголым вождем... Судя по скорости движений и неутомимости, это был очень выносливый вождь...

Отчитывались, полагаю, о текущем подчинении всех войск и территорий власти вернувшегося императора. Кесарь молча выслушивал, после произносил несколько слов, и возвращался к прежнему занятию. Собираению останков. В основном при помощи магии, но не чурался прикасаться и руками, вытаскивая из красноватокирпичного песка черепа разного размера. Здесь было много детей. Меня поразило это. Не только жестокостью темных, не пощадивших даже новорожденных крох... жестокость наших противников лишь заставила более серьезно к ним относиться. Поразило то, что кесарь перенес нас сюда и вот уже несколько часов старательно восстанавливал все, что мог восстановить. Восстанавливал тела здесь. В поселении. При том, что воины этих песчаных демонов находились далеко отсюда и по идее, нужнее были именно они.

И не то чтобы я осуждала, нет, с точки зрения морали это было правильным, просто... простоя помнила Мират... там ведь тоже были дети.

Резко отвернулась, не желая видеть кесаря, не желая даже знать, как он отнесется к этой моей мысли, если сумеет... когда сумеет ее прочитать. На сердце было мутно и гадко, от усталости шатало все явственнее, дышать было тяжело из-за песка, побеспокоенного старательными копателями и ветра, поднимающего и несущего частицы пыли по ветру.

Задумчиво сделав несколько шагов, я увидела в песке мутный отблеск. Заинтригованная находкой подошла и попыталась наклониться, чтобы поднять... Ключевое слово — попыталась. В этой гоблинской пародии на нормальную одежду столь низкие наклоны предусмотрены не были! Подавив очередную вспышку раздражения, я изменила тактику и медленно, изящно присела, чтобы протянув руку обнаружить, что до металлического кругляшка мне все таки не добраться. Появилось безумное желание психанув, сорвать с себя все это нагромождение ткани разной степени жесткости и...

— И это плохая идея, — раздалось надо мной.

После чего кесарь молча протянул руку. Так же молча приняла помощь, поднялась.

Полуголый пресветлый император наклонился, взял заинтересовавшую меня штучковину, отряхнул от песка и передал мне.

Это оказалась погремушка.

Я выронила ее на песок, едва осознала, что держу в руках. Запрокинула голову, глядя в зеленоватое небо и прилагая неимоверные усилия для того, чтобы сдержать слезы.

Кесарь, стоящий рядом и пользующийся преимуществом в росте, подошел ближе,

наклонился, закрывая небосклон чужого мира от меня, и холодно произнес:

- Я был слишком зол, чтобы думать о детях Мирата, нежная моя.

Значит, считал и эти мои мысли.

- Знаете, мне вот вдруг любопытно стало — вам что, кроме моих мысленных разговоров, больше слушать некого? — враждебно поинтересовалась я.

- Тюремная камера? — убийственно ласково поинтересовался он.

Мда, нашла с кем спорить.

Кесарь понятиливо усмехнувшись, извлек из воздуха белый шелковый платок, нежно вытер слезы, прочертившие влажные дорожки по моим щекам, затем ледяным тоном произнес:

- Ты желаешь покинуть это место?

Я желаю покинуть этот мир, если честно. И мне очень хочется домой, но:

- Нет, мой кесарь.

- Я твой муж, — отрезал он.

После чего протянул руку к песчаному холму, близ которого и была найдена погремушка, и песок разметало ветром, обнажая останки явно женщины, прижимающей к себе двух малышей... Я сделала глубокий вдох и подумала о том, что темные будут уничтожены. Да, это не моя война, но... темные будут уничтожены!

Кесарь, едва слышно простонав, опустился на колено перед телами, протянув руку, коснулся иссушенной, ставшей словно пергамент щеки женщины, глухо выругался. И я поняла, что он знал ее. А еще стало ясно, что ее убили ударом меча, раскроив череп на две неравные половины...

Резко отвернувшись, я вновь запрокинула лицо и посмотрела в небо. В огромное, зеленоватое кристально прозрачное небо... Местное черное светило сейчас как раз находилось в зените, а вот белое клонилось к закату. Да уж, мир под двумя солнцами — черным и белым. Жестокий мир Эррадараса. А впрочем, чего еще можно было ожидать от земли, породившей самого жестокого правителя из всех, кого я знала?! Вопрос риторический.

Еще около часа потребовалось чтобы разыскать все останки. Насколько я поняла, кесарь их всех пересчитал, словно знал какое конкретно количество должно быть. Это удивило. Нет, я понимаю знать точное количество воинов, но что касается членов их семей...

- Это песчаные демоны, нежная моя, — отряхивая руки и подходя ко мне неизменно легкой, полной грации и сдержанной угрозы походкой, произнес император, находясь во все том же непристойном полуобнаженном виде, — рождение ребенка у них — событие. Детей мало и это великая ценность, охраняемая всем племенем.

Я вспомнила о найденной погремушке. Золотой погремушке...

Затем перевела взгляд на композицию, завершаемую военачальниками в серебристых полудоспехах — да, они тоже пораздевались, видимо, чтобы удобнее было работать. Результатом их труда стал круг, состоящий из трех секций. В первой с предельной осторожностью были уложены останки детей, во второй женщины и девушки, в третьей секции уложили стариков и наиболее поврежденные останки. А в центре имелся круглый щит, и именно к нему меня решительно повел кесарь. И вот этого я уже не поняла.

- А я вам зачем? — спросила с искренним удивлением.

- Я собираюсь повторить то, что совершили ты и ракард в лесах у границ Даллarii, — последовал ответ.

То есть и случившееся там кое-кто преотлично видел!

- И вот мне вдруг стало интересно, — придерживая край платья и неловко ступая вслед за увлекающим меня императором, произнесла я,

— а если бы мы с Динаром не спаслись, как бы вы тогда выкручивались с вашим эпичным возвращением в родной Эррадарас?

Кесарь ответил не сразу.

Для начала он довел до того самого щита в центре композиции, после помог на него ступить, встал следом сам, обнял меня за талию, рывком прижав к себе, вторая его рука, пробравшись под покров, коснулась шеи, скользнула на затылок, фиксируя мою голову, потянул, вынуждая запрокинуть лицо.

И склонившись к моим губам, насмешливо произнес:

- Я мог бы многое рассказать, нежная моя, но смысл?

- Смысл?! — возмутилась я. — Смысл как минимум в том, что я бы многое поняла!

- Например? — император издевательски усмехнулся. — Кари, моя Кари, поверь, я уже смирился с тем, что некоторые вещи тебе, видимо, не дано понять. Смирился и нашел в этом массу положительных моментов. Расслабься.

Расслабление было крайне далеким состоянием от имеющегося, и вообще мне хотелось бы внести ясность.

- И что именно мне, по-вашему, не дано понять? — воинственно спросила я.

Кесарь улыбнулся. Это была странная улыбка, выражающая снисхождение, насмешку, иронию и массу всего прочего, мне совершенно непонятного и по моему скромному мнению к вопросу не относящегося!

- Нежная моя, — он улыбнулся чуть лукавее и поинтересовался, — а тебя никогда не удивляло, к примеру то, что я всегда, и в любом споре в альянсе, становился на твою сторону?

Я открыла было рот и... и закрыла. Я столько раз слышала, что кесарь мне благоволит, но не особо верила, слишком хорошо зная, что за человек... в смысле не человек наш бессмертный. С другой стороны, могла ли я тогда даже предполагать о том, что я всего лишь идеально воспитанный, правильно обученный, старательно возвращенный кадр! Да и выходя замуж, я полагала, что получаю титул пресветлой императрицы, а оказалось, что меня понизили до управляющего.

бб

Идеально воспитанного, правильно обученного, старательно возвращенного управляющего империей пресветлого императора! И осознание этого злит невероятно!

— Приступайте к ритуалу, — раздраженно потребовала я.

Повелитель всего Эррадараса загадочно улыбнулся и продолжал улыбаться, даже целуя. Мягкое, нежное прикосновение теплых сухих губ, и привкус горечи в душе — горечи, досады, злости на себя. Моя душа рвалась на части, раскалывалась под гнетом понимания ситуации и осознания необратимости произошедшего, сердце болезненно билось, а тело, завершающим штрихом к ощущению полной загнанности в ловушку, было сжато сильными руками кесаря. И мне хотелось выть от отчаяния! Забыть про то, что я наследная принцесса Оитлона, про насущную необходимость выживать и в очередной раз бороться за себя, за жизнь, за возвращение домой... О, Великий Белый Дух, как же сильно я хочу домой! К Динару, шенге, маме, папе, Лоре... в Оитлон. Столько лет я тяготилась долгом наследницы... и как сейчас была желанна эта ноша... я бы все отдала, лишь бы вернуться! Только бы вернуться!

И поцелуй кесаря становится жестче, вырывая из глупых и наивных надежд в осознание безнадежной болезненной реальности!

Боль ошеломила меня!

Физическая и моральная, она рвала на части душу и тело, сводила с ума, сотрясала изнутри, покрыла испариной кожу.

Кесарь держал крепко, забирая часть моей боли себе с каждым движением в этом безумном поцелуе, с каждым вдохом, но это не спасало.

А затем вспышка...

Мой крик...

Яркая россыпь звезд на черном небосклоне...

Звезды... они были повсюду... Мерцающие, манящие, болью взрывающие мое сознание...

И вдруг меня затопило светом.

Нежным голубым светом летнего неба в Рассветном мире...

Мне казалось я стою, запрокинув голову, и смотрю на родное до боли знакомое с детства небо... такое родное, такое правильное...

- Динар...

Голос Мейлины раздался совсем близко.

Я резко опустила голову и увидела...

Храм.

Храм, в котором нас всех практически принесли в жертву сегодня! Увидела отчетливо и ярко, отмечая каждую деталь и едва сдерживая крик ликования, потому что... Потому что тут был тенге! И Рхарге! И ТаШерр!

- Динар, я прошу тебя, — вновь взмолилась Мейлина.

Она замерла в шаге от повелителя Даллarii. А Динар... Динар стоял на коленях перед залитой кровью белоснежной шкурой, на которой совсем недавно сидела я. Рядом валялся окровавленный меч Мрано, висели уже не нужные бесполезные цепи.

- Сынок, — голос ведьмы Вишневого острова дрожал от несдерживаемых слез.

Рыжий, казалось, не слышал. Ничего не слышал. Он стоял все так же на коленях и смотрел туда, где совсем недавно была я... На его бесстрастном лице не читалось ни каких эмоций. В его серых глазах плескался океан боли...

"Динар!" — попыталась было закричать я.

Попыталась и не смогла. Мой рот словно был запечатан, из меня не вырывалось ни единого звука... Да и меня — не было! Я в ужасе осматривалась, но там, где должна была быть я, мои руки, ноги, тело... не было ничего. Я не была даже призраком... Меня просто не было! Не было! Исполненная ужаса, я метнулась к Динару и не смогла... Ничего не смогла. Я продолжала висеть в воздухе без возможности пошевелиться, обозначить свое присутствие, да даже перестать видеть и слышать...

Ошеломленная, потрясенная этим, я застыла, не понимая, что происходит. Что со мной? Что делать?

Вспыхнул портал — один из лесных орков привел маму и отца. Лориана, уже пришедшая в себя, с радостным возгласом соскочила с алтаря и бросилась к отцу. Король Оитлона даже не увидел этого...

Отец стоял и смотрел на пятно крови на белой расстеленной шкуре...

Он все понял с первого взгляда. Он понял — а мама нет.

- Лора, где Катриона? — дрожащим голосом спросила она, растерянно обнимая дочь.

Лориана замерла, затем неловко отступила. А мама...

- Джашг, — обратилась она к тенге, — а Кат она сейчас тоже из портала выйдет, да?

Ей не ответили. Никто не ответил. Мама переводила вопросительный взгляд с одного, на другого... все отводили глаза.

- Нет... — прошептала королева Оитлона. — Нет, пожалуйста... Нет!

Она заплакала, обессилено оседая на каменный пол... отец не поддержал. Он словно оглох, а взгляд его все был словно прикован к мечу Мрано... с которого, застыв, уже не капала моя кровь...

И вдруг Динар произнес:

- Почему он унес тело с собой?

Его вопрос повис в воздухе. Повис без ответа.

- Это не логично, — продолжил правитель Даллarii. — Все логично, а это нет!

- А то, что она убила себя ради сохранения твоей жизни, ты тоже считаешь логичным?! — прорычал вдруг Аршхан.

Динар даже не обернулся, но его плечи поникли.

Мне казалось, его боль я ощущаю всем сердцем, всем своим существом... Невыносимую боль, от которой хотелось умереть на месте, только бы не ощущать, как душа рвется на части...

Шенге почувствовал это. Он медленно подошел к Диару, коснулся его плеча и тихо произнес:

- Моя дочь отдала свою жизнь, чтобы ты жил. Это было важно для нее. Ты должен жить, Алое пламя, должен жить ради нее.

Лора, оставившая безуспешные попытки поднять маму, повернулась, посмотрела на Дианар, а затем, осторожно подойдя к нему, опустилась на колени рядом, коснулась его ладони и сказала:

- Мне нужен муж, Динар. Теперь, когда нет Катрионы и императора, альянс прайды... наш.

- Уйди... — прошептал он.

И Лориана мгновенно сменила тактику:

- Ее реформы, Динар, все, во что она вложила столько сил, столько души... Ты не можешь позволить всему этому погибнуть, Катриона не простила бы. Ты же знаешь, как это важно для нее, Динар!

Уничтожение парка, разрушение дворца — она так переживала о них, всем сердцем. Мне нужен муж, Динар, мы должны сохранить наследие Катрионы... ради нее... пожалуйста...

Он молчал.

- И перо Фахеши, Динар, — едва слышно прошептала она. — Ты подписал, помнишь? Если мы не поженимся, ты погибнешь.

И вот тогда Динар тихо ответил:

- Я уже мертв, Лора. Я умер вместе с ней. Я подох, с ее последним вздохом... А он не оставил мне даже ее тела, чтобы я мог его оплакать... Не-е-ет, кесарь забрал все!

- Динар...

- Уйди, Лора!

Она вздрогнула, а затем, едва не плача, простонала:

- Катриона меня бы не бросила, Динар... Оглянись, отец, кажется, совсем обезумел, он будет винить себя в ее смерти до конца жизни, она ведь предупреждала... а папа поверил кесарю, и вот итог... Отец не оправится, Динар, ни он, ни мама. А я, я ведь ничего не знаю, о том, как править, как управлять страной... целым альянсом. У меня никого не осталось кроме тебя, Динар, никого, понимаешь? Мне очень страшно. И этот титул императрицы... Пожалуйста, не бросай меня... Катриона бы не бросила, ты же знаешь. Динар, прошу тебя.

Боль!

Боль пронзила насквозь, я словно взорвалась изнутри!

Закричала, ощущая, что рот все так же скован! Забилась, пытаюсь вырваться, спастись, выжить... И услышала ненавистный голос:

- Все, уже почти все, нежная моя.

Дрожа всем телом, чувствуя, как холодят кожу мириады бисеринок проступившего от неимоверного напряжения пота, я отстраненно ощущала осторожные прикосновения его губ, переходящие во властный поцелуй, и дышала, практически его дыханием, пытаюсь успокоиться. Вдруг промелькнула мысль, что я как бы вообще не должна была в этом участвовать, учитывая, что вся моя магия осталась в моем Рассветном мире...

Родном...

А кесарь продолжал целовать — нежно, чувственно, уверенно, заставляя иссохнуть струящиеся по щекам слезы, заставляя вернуться в этот мир, заставляя забыть! И когда я внезапно осознала, что мне самым жестоким образом стирают память, первым порывом было вырваться, высвободиться из его объятий, с самого начала бывшими исключительно стальной хваткой... это же было и вторым порывом, и третьим, и четвертым... Но кесарь держал крепко. Переживая истерику, подавляя сопротивление, вынуждая подчиниться.

Он просто был сильнее...

И когда пресветлый император Эррадараса отстранился и взглянул в мои глаза — слез уже не было. И сожалений. И чувства, что где-то там в другом мире случилось что-то непоправимое и это непоправимое моя смерть...

Повелитель Араэден улыбнулся мне, с нежностью, заботой и уверенностью, которая наполняла каждый его жест, и тихо сказал:

— Нежная моя, оглянись.

Словно во сне я медленно, будто околдованная, оторвала взгляд от него, повернула голову и потрясенно застыла... от нас до самого горизонта простирались не пески — простиралась цветущая степь! Зеленая, колышущаяся высокой травой и яркими цветами! Наполненная голосами и возгласами! Наполненная детскими криками! Детскими! Мой взгляд стремительно метнулся туда, где еще недавно лежали иссушенные ветром и солнцем останки... а теперь там были дети! Не человеческие, со странной желтовато-красной кожей, смешными наростами на головках, маленькими хвостиками, и почти без одежды, потому что последняя не ожила, что вполне объяснимо... Но дети! И они были совершенно и абсолютно живые! Мы оживили детей! У нас получилось! Мы...

А потом я поняла, что не только детей! Потому что со второго круга к ним бежали женщины. Тоже практически без одежды, в истрепанных лохмотьях, но живые песчаные демоницы! Они расхватывали детей, голоса и не сдерживая слез... А по небу летели орлы! Огромные невероятно огромные орлы! Они летели к нам практически со всех сторон! И драконы... Сначала я подумала, что это тоже орлы, но это были... драконы... А потом я увидела бегущих строем по траве песчаных демонов! Они были огромны! Ростом превосходя кесаря на порядок! Их доспехи и одежда оставляли желать лучшего, но сам факт...

А потом до меня дошел этот невероятный факт...

- О, Великий белый дух, — потрясенно прошептала, осознавая, что оживить, похоже, получилось всех!

- Большинство, — насмешливо произнес император.

Переведя изумленный взгляд на него, я... я... я потеряла дар речи, и дар мыслить похоже тоже. Кесарь улыбнулся мне, обнял крепче, видимо догадываясь, что я нахожусь в полубомбочном состоянии, и пояснил:

- Большинство из тех, кого за истекший год уничтожили темные. Песчаных демонов, крылатый народ, орлов, уничтоженных морских драконов, горных, удалось даже поднять дриады. Затем направил зов. Все, кто способен прибыть быстро — сейчас стягиваются сюда. А тебе следует отдохнуть, нежная моя.

* * *

В спальню кесарь внес меня на руках, и я не возражала — сомневаюсь, что смогла бы сделать хотя бы шаг самостоятельно. Не закрывая портал, император бережно уложил на постель

— рабыни появились тот час же.

- Отдыхай, жизнь моя, — произнес практически бог.

Улыбнулся моей ассоциации, развернулся и, оглянувшись еще раз перед тем, как войти в портал, покинул меня.

Рабыни подступили неслышно, и неощутимо начали меня раздевать. Приподнявшись, позволила им снять с меня оба верхних платья, но едва дело дошло до нижнего, жестом отпустила. Девушки, совсем юные, каждая с тонким плетеным ошейником из черного металла на шее, поклонились и отступили. Затем мне принесли напитки и фрукты, разместили на прикроватном столике, и с поклоном практически растворились. Идеальные рабы. Ни звука, ни вдоха, ни запаха... как призраки.

Призраки...

Выпив стакан воды, я обессилено рухнула на подушки. Слезы душили, душа рвалась на части, сердце нестерпимо ныло... То, что в присутствии кесаря отступило на задний план, сейчас обрушилось на меня страшным осознанием — я умерла для них.

"Я уже мертв, Лора. Я умер вместе с ней. Я подох, с ее последним вздохом..."

И я захлебываюсь криком, уткнувшись лицом в подушку...

"А он не оставил мне даже ее тела, чтобы я мог его оплакать... Не-е- ет, кесарь забрал все!"

Кесарь забрал больше, Динар, гораздо больше, чем мы могли себе представить даже в самом кошмарном из сновидений! И пусть я была искренне рада, что удалось оживить песчаных демонов и тех гордых, могучих орлов, но... но ценой спасения его мира, была магия моего... Магия всех тех, кого безжалостно выпил кесарь. Безжалостно и без сожалений. Осуждала ли я? Сложно сказать. Скорее нет — ради Оитлона я поступила бы так же, но мне было больно за Динара и маму... за себя... за свой мир...

Я плакала долго, изливая свою боль и тоску...

А потом села, вытерла мокрое лицо, перевернула подушку влажным пятном вниз и...

И вспомнила о том, кто я!

Я Катриона Ринавиэль Уитримана, урожденная Ароиль Астаримана!

Я рождена и воспитана, чтобы править!

Я не сдаюсь, не отступаю и не проигрываю!

Никогда!

Поражение — удел тех, кто сдался! Я не умею сдаваться! Я не буду сдаваться! Я никогда не сдамся! Я найду способ и вернусь домой! И мне плевать какой ценой — я вернусь!

"Но если ты возродишь мою страну, способная моя, и пожелаешь вернуться... — пауза, пристальный взгляд в мои глаза, — обещаю — я открою для тебя путь в Рассветный мир." — один вариант возвращения у меня уже был.

Как истинная Астаримана я должна была бы заготовить еще один.

Но...

Кесарь оказался прекрасным учителем, лучшим из всех, и я запомнила его урок — одного плана для исполнения задуманного мне мало, требуется как минимум семь! Семь продуманных, четко выверенных, просчитанных до мелочей планов!

И магия, которую я себе верну. Еще не знаю как, но определенно верну!

И приняв это решение, я встала и отправилась умываться, чтобы по возвращению, сняв платье, лечь спать.

Потому как на завтра у меня были планы. Грандиозные планы.

А ночью случилось странное!

Я проснулась из-за невозможности повернуться. Почему-то я всегда сплю весьма подвижно, а не как подобает принцессе, но сейчас повернуться на другой бок не удалось. Я сонно возмутилась, меня, сонно же возмущаясь, отпустили... Странно. Повернувшись, я вместо одной из подушек, ощутила что-то из кожи... со странным мужским запахом, подумала, что проснувшись, поговорю со служанками по поводу использования кожаного постельного белья, вместо нормальной ткани и попыталась вновь погрузиться в волны спасительного сна, но... Но внезапно поняла, что это не подушка или одеяло... Это кто-то! Живой. Внушительно размера! Твердый и мускулистый!

И что-то мне подсказывало, что это кесарь!

- Исключительно из любопытства, а что именно тебе сейчас подсказывает, нежная моя? — раздался голос повелителя.

Что-то!

- Информативно, — усмехнулся он.

И обняв крепче, притянул к себе.

Я лежала, широко распахнув глаза и испытывая нарастающий шок. И шок достиг предела, когда пресветлый император, этой претемной ночью, проявляя преполнейшую наглость, прижался губами к моему плечу.

- Что, опять? — возмущенно воскликнула я.

Кесарь не ответил, явно пытаясь вновь заснуть.

- Ага, то есть больше никого оживлять мы не будем, так? — догадалась я.

Ответом мне было глубокое мерное дыхание императора. Спящего в моей постели императора! В моей постели! В моей спальне! Со мной и... и кажется совершенно без одежды!

- Исключительно из уважения к справедливости — спальня моя, кровать так же, на счет одежды замечание верное, — сонно произнес повелитель Эррадараса.

Мои глаза ощутимо округлились.

Но прежде, чем я успела не то что сказать — а даже подумать, кесарь жестко произнес:

- Нежная моя, я безумно устал. Для того, чтобы не подвергать тебя более участию в ритуалах возвращения утраченного, я вложил массу сил в произведенное восстановление жизни. Я измотан и неадекватен. Поэтому ради твоей собственной безопасности — просто спи!

Неплохо так!

- Мой повелитель... — начала было я.

- Моя повелительница, — хрипло прервал он, — умолкни!

И неожиданно поправ все свои заявления о том, что устал и хочет спать, кесарь приподнялся на локте. Его льдистые глаза слегка фосфоресцировали во тьме... а затем неожиданно полыхнули белым сиянием.

В тот же миг за дверью спальни раздался крик умирающего... Не громкий, сдержанный, наглядно продемонстрировавший, что погибший определенно являлся воином.

И на наше совместное пребывание в данной постели и данной комнате я взглянула под иным углом — защита?

- Да, догадливая моя, — усмешка, — ты будешь спать со мной, во избежание порчи дорогого мне имущества.

- В каком смысле «дорогого»? — тут же спросила я.

- Как память о Рассветном мире. Спи, нежная моя.

И кесарь вновь расслабленно лег, собственническим жестом притянув меня к себе. Нет, я все понимаю — необходимость защиты и желание скинуть воссоздание империи на приволоченного из другого мира лично воспитанного управленца могут сподвигнуть на многое,

но... Но будем откровенны, я не представляю отца, спящего совершенно голым в одной постели к примеру с лор дом-распорядителем! Это нонсенс! Это не нормально! Это...

- Это возмутительно! — прошипела взбешенная я.

- Что-то еще, дорогая?! — ласково поинтересовался кесарь.

От его ласкового тона я невольно содрогнулась и он не мог этого не заметить — заметил. И даже отреагировал успокаивающим поглаживанием по тому месту, где ранее у меня наблюдался внушительный живот, которого теперь не было. У меня вообще теперь много чего не было.

Внезапно за окном раздался еще один крик. Затем шум крыльев, рычание... тишина.

Я так понимаю, к охране возвратившегося домой пресветлого императора присоединились драконы? Что ж, теперь вполне объяснимо, почему кесарь столь старательно и ответственно подошел к оживлению своих сторонников, видимо ожидал нападения. Или нападений... Интересно, сколько самоубийц сегодня пытались избавиться от кесаря?

- Тысяча двести восемь, — любезно просветили меня.

Ого!

- А чего им нейдет? — поинтересовалась я.

Нет, действительно, это казалось странным до невозможности. В принципе я понимаю стремление избавиться от кесаря, и даже одобряю, если быть откровенной, но рассмотрим ситуацию исключительно с разумной точки зрения — глупо нападать вот так с ходу. Гораздо разумнее и практичнее выждать некоторое время, пока в стане союзников кесаря начнутся разногласия, заручиться поддержкой готовых предать сторонников и уже после этого действовать.

- Мм, — скептически отозвался император, прижимаясь губами к моему плечу.

Нет, ну ни в какие ворота же!

И кстати о воротах — данный дворцовый комплекс возвели сегодня! То есть у нападающих ни планов расположения комнат, ни схемы жилых помещений, ни данных о расстановке стражников — ничего! Нападать сегодня — чистейшее самоубийство, и судя по тому, что самоубийц набралось уже свыше тысячи двухсот индивидов, Эррадарас меня откровенно пугает уровнем развития интеллекта у населения. Мне предстоит строить империю у идиотов?

- Твои рассуждения порой ставят меня в тупик, — сонно произнес кесарь.

Прижал крепче, скользнул губами по моей шее и добавил:

- Их попытка немедленного уничтожения обоснована, нежная моя.

- Чем же? — холодно поинтересовалась я.

- Дело в пророчестве.

- Что, опять?! — возмущенно воскликнула я, подскочив на постели и пребывая в полнейшем шоке.

Вмиг соскочив с постели, я остановилась в растерянности, обнаружив на себе вовсе не ту ночную рубашку, в которой ложилась спать. Но все это были мелочи! Совершенно не существенные мелочи!

- Какое еще очередное гоблинское пророчество?! — заорала я. — Вы издеваетесь?!

Вспыхнул свет.

Раздраженный, злой, невыспавшийся и да — совершенно обнаженный кесарь сел на постели, мрачно глядя на меня. И смотрел он так, что я мгновенно заткнулась, и даже неуверенно подошла к постели... вот только лечь так и не решилась и осторожно спросила:

- Возможно, будет лучше и приличнее, если я устроюсь... к примеру на кресле?

И указала на обозначенный предмет мебели, расположенный у небольшого круглого столика.

В следующее мгновение кресло перестало существовать, разметавшись по спальне мелкими

клочками и щепками. Очень понятливая принцесса Оитлона тут же вернулась в постель. Свет мгновенно погас. Кесарь лег, собственническим жестом притянул меня к себе, и прижимая не в пример крепче, заснул.

Спрашивается — зачем я вообще вставала и поднимала тему переселения на другую мебель?!

К счастью император спал и никак на мои мысли не отреагировал.

Меня же сон совершенно покинул.

Некоторое время я молча лежала, разглядывая потолок, и пыталась ни о чем не думать, дабы не мешать его злейшему почитать... Потом принялась считать... нет, не овечек — самоубийц. Насчитала еще пятьдесят четыре акта насильственного прерывания жизни и поняла, что сон меня все же одолевает, несмотря на пугающее соседство. Очень тесное соседство... совершенно лишенное одежды и определенно с ЭТИМ. Стоило подумать о кесаре — сон пропал снова. Скосив взгляд на спящего повелителя Эррадараса, вспомнила обнаженную блондинку в его спальне, и то как при моем появлении пресветлый облачался в халат, под которым явно ничего не было, и поняла, что видимо у элларов есть определенная склонность к наготы. И вот спрашивается, почему при столь явных склонностях одеяния их женщин скрывают вообще все тело, включая кончики пальцев?!

А потом на меня неожиданно снизошло — кесарь забыл свою возлюбленную в Рассветном мире! Точно! И как я раньше не подумала, блондинка осталась во дворце... Перед глазами пронеслась картинка моего гибнущего сада и разрушающегося дворца... И я поняла, что нет, не забыл — похоронил.

- Нежная моя, ты невыносима! — простонал неожиданно властитель Эррадараса.

А в следующее мгновение вновь ярко вспыхнул свет!

Ярче, чем в прошлый раз.

А после единым слаженным рывком, император Араэден переместился на меня, придавив всем своим телом к постели.

- Не всем, — насмешливо произнес он.

Проморгавшись, распахнула ресницы, с ужасом посмотрела на повелителя эллара и нервно уточнила:

- Это так же относится к мерам обеспечения моей безопасности?

Ответом мне была странная улыбка. А затем легко и естественно,

словно проделывал это множество раз... впрочем, явно и проделывал, жесточайший император Рассветного мира устроился между моих ног, и удерживая свой вес на локтях, ладонями обнял мое лицо. Моей реакцией на эту крайне недвусмысленную позу была мысль "лучше бы и дальше самоубийц считала" и нервный смешок, при отстраненных размышлениях о том, что кесарь крайне... эээ... своеобразно обращается с рабочими кадрами. И мне невольно вспомнились айсир Илери, айсир Девари, Хайто... Кстати тоже очень ценные кадры кесаревского государственного аппарата, возвращенные и воспитанные лично нашим бессмертным.

- Еще одна инсинуация в подобном духе и это будет последняя ночь для твоего девичества, нежная моя! — холодно произнес пресветлый.

Проблема в том, что я даже ничего не говорила, а остановить мысленный поток было довольно проблематично, особенно в создавшихся условиях.

- Поверь, это вполне комфортные условия, — жестко усмехнулся кесарь.

Да верю я, верю, а теперь можно меня отпустить уже, дабы у меня не возникло более никаких инсинуаций и прочего... похоже явно относящегося к действительности.

- Кари.

Сказано было тихо, но угроза скрипела на зубах. И я затихла, стараясь вовсе ни о чем не думать.

Кесарь улыбнулся и произнес:

- Запомни, нежная моя, мысли — то единственное, что ты гарантированно можешь контролировать.

Хотела было возразить, но Аразден добавил:

- Мысли определяют сознание, сознание формирует реальность — контролируй мысли.

Затем глубоко вздохнул, придавив меня сильнее к постели, и приказал:

— Смотри на меня.

Я-то смотрела, но отдаленно промелькнула мысль, что смотреть в данном процессе дело вовсе не обязательное... Потом испуганно оформилась более четкая мысль "Это вообще что такое? Я в принципе управляющая, а не любовница! Я... я... я..."

Додумать не успела — льдистые глаза бессмертного мирового зла внезапно заискрились сильнее, словно каждая из граней кристалликов начала подсвечиваться серебристо-голубым сиянием, и это поглотило все мое внимание. Как замороженная я смотрела в его глаза...

Их сияние обрушилось на меня вместе с болью!

Дикой, изматывающей, ледяной болью!

Кажется, я закричала... Точно знаю, что пыталась вырваться, но кесарь был неумолим и держал крепко, не позволяя отвернуться, отстраниться, спастись... В какое-то мгновение крик оборвался, став хриплым стоном, тело утратило способность к сопротивлению, и только слезы струились по лицу, сползая на шею и там, проложив влажные дорожки, срывались на простыни...

Наверное, я умирала...

Но, честно говоря, меч Мрано, пронзивший меня насквозь, причинил гораздо, гораздо меньше боли. И ритуал возвращения к жизни сторонников кесаря тоже... А то, что происходило сейчас было мучительно, изматывающе больно... настолько, что у меня не оставалось сил даже на вдох...

Кесарь считал и эти мысли, сделал глубокий вдох и выдохнул в меня, заставляя легкие работать, но ни на миг, ни на секунду, не прекратил этой пытки.

Зачем?! Я просто не могла этого понять, и именно это непонимание вернуло к жизни. Да какого дохлого гоблина здесь происходит?! Это что, месть за то, что помешала его злодейству спать голым в моей компании и перестала реагировать на его убийственно ласковый тон?! Да я...

И боль перешла на новый уровень, совершив резкий виток!

Вот теперь я уже стонала не переставая, глухо и отчаянно, проклиная все на свете и собственно этот свет вместе с кесарем...

Свет, видимо оскорбившись, сменился совершеннейшей тьмой!

И я провалилась в нее, как в пропасть, всем телом ощущая падение...

А потом все закончилось.

Отдаленно, так словно это было не со мной и это ощущала не я, почувствовала, как кесарь поднялся и поняла, что моя ночная сорочка мокрая насквозь... И постель...

На этом какие-либо ощущения завершились.

* * *

задумчиво смотрел на ту, что завладела всем его сердцем. Всею душой. Всем существом. Его Кари Онеиро, его звезда, его путь, его жизнь... Взгляд императора задумчиво блуждал по тонким чертам лица, изящному овалу, длинным черным ресницам, нежной белой коже, возвращался к нежным, манящим губам, вызывая очередной полный тоски и с трудом сдерживаемого желания стон.

Легкий перестук каблучков и в спальню властителя вошла Элисситорес.

- Сын? — вопросительно произнесла она.

Мимолетно взглянув на нее, он вновь вернулся к той, что держал на руках, пока рабыни бесшумно перестилали постель. Его пресветлая мать не произнесла более ни слова, и так позволив себе больше, чем когда-либо, допустив и вопросительный тон, и оттенок тревоги в несколько более быстрых, чем полагалось, шагах. Он понял ее вопрос, и ее намек. Проигнорировал.

Рабыни завершили приводить спальню в порядок и бесшумно исчезли.

Только после, Элисситорес решилась произнести то, что тревожило:

- Сын, ты назвал ее императрицей.

Она допустила паузу, затем добавила:

- Но эллар не делит темное время суток с супругой. Эллара не позволяет рабам слышать... что-либо. Ты назвал ее императрицей, сын, но позиционируешь как наложницу. Я твоя мать, я обязана сказать то, о чем шепчутся.

Араэден медленно перевел взгляд на Элисситорес, и произнес:

- Я назвал ее пресветлой Черной звездой, мать. Императорская чета? Хватит. Я уже был императором и здесь, и долгие триста лет в ином мире, подарившем мне мою нежную Кари Онеиро. Мою богиню.

Пресветлая, изумленными округлившимися глазами несколько секунд взирала на сына, а затем сдавленным сиплым голосом спросила:

- Ты... ты не ограничишься рамками Эррадараса?

Он улыбнулся очередному подтверждению того, что был рожден поистине умной женщиной, и кивнув, подтвердил:

- Я исполню пророчество этого мира.

Элисситорес глубоко вздохнув, прошла к окну, взглянула на город, простирающийся у подножия возведенной сыном горы, и произнесла:

- С того самого момента, как ты впервые толкнулся в моем чреве, я ощутила это в тебе, сын. Мой муж и супруг требовал уничтожить отродье темных, но я чувствовала — ты не сын Архаэра, ты сын Эррадараса, земли светлых, ты тот, о ком поет ветер, о ком плачет дождь, для кого светит солнце... Оба наших солнца.

Величественно обернувшись, она взглянула на сына, на ту, что он держал на руках, и тихо спросила:

- Ты назвал ее богиней.

Император склонил голову, подтверждая.

- Ваши высокие отношения выше рамок и условностей супружеских традиций элларов?

Вновь кивок.

Элисситорес приняла и этот ответ, затем произнесла:

- У меня много вопросов, сын, но ты измотан и устал, а крики, что наполнили дворец и были слышны всем, как я понимаю, не имели никакого отношения к долгу, что супружество налагает на женщину. И все же, я просила бы тебя быть... нежнее с той, что стала смыслом твоей жизни.

В его взгляде промелькнуло напряжение и великий Араэден холодно спросил:

- Это заметно?

- Я твоя мать. Я помню, как ты смотрел на Элиэнару. Я никогда не смогу забыть то, чем это завершилось. И если бы я не связала твою жизнь с дыханием этого мира... — она оборвала себя на полуслове.

Но император все понял.

И тихо произнес:

- Ты никогда не говорила мне об этом.

Вновь повернувшись к окну, Эллититорес едва слышно ответила:

- Твой отец... — она запнулась и тут же исправилась, — мой супруг горел желанием уничтожить тебя, едва узнал о том, что я понесла от темного. Не сочетай нас свет Эррадараса, он убил бы тебя еще в моем чреве... Но причинить мне вред он не мог и был вынужден ждать, когда ты покинешь мое тело. Много ночей я с ужасом думала о том, что подарю тебе жизнь лишь для того, чтобы он тут же отнял ее... И пресветлый супруг не скрывал этого, одергивая меня каждый раз, когда я прикасалась ладонью к животу, откликаясь на твои движения... Но я мать, ты мое дитя, и кем был твой отец, для меня уже не имело значения... Я долго искала способ защитить тебя. Долго и упорно. Мне помогли белые колдуньи, предупредив о цене ритуала. Это была непомерная цена для эллары, и сущая мелочь для матери, что желала защитить свое дитя.

- Вот как ты лишилась своей магии, — сдавленно произнес император.

- Да, сын, — она не обернулась, продолжая смотреть на залитый лунным светом город вдаль. — На вторые сутки после ритуала, ты был рожден и он отнял тебя, едва ты огласил этот мир первым криком. Он позволил мне даже взглянуть на тебя...

Несколько секунд эллара молча взирала на раскинувшийся вдаль пейзаж, затем тихо продолжила:

- Я не знаю, пытался ли он тебя убить... Сколько раз он пытался тебя убить... Запертая в своих покоях я молила вернуть мне мое дитя, но он оставался глух к мольбам, а без магии мне было нечего противопоставить моему жестокому супругу. И лишь согласием на рождение Эпионея, я добилась права хотя бы посмотреть на своего сына... Тебе было семь лет, ты уже доказал свое право на имя, данное тебе при рождении, ты даже не улыбнулся, увидев меня.

Некоторое время в спальне царила тишина, а затем Араэден произнес:

- Мне было почти восемь, я разнес половину дворца и вынудил того, кого был обязан называть отцом, выпустить тебя из заточения. Его сила уступала моей. Но его коварство — превосходило коварство темных в разы, и я понял это, когда увидел охранительный браслет на твоей руке. Браслет — прямое свидетельство того, что он получил желаемое. Был ли у меня повод улыбаться?

Эллититорес промолчала. А затем, с несвойственной ей робостью, попросила:

- Расскажи, где ты был, Расскажи о ней.

Легко поднявшись, император отнес свой дар иного мира на постель, бережно уложил, укрыл покрывалом и, глядя на бледную девушку, начал рассказывать:

- Они убивали меня долго. Слишком долго, испытывая на прочность и мое желание жить и способность этого мира удерживать искру жизни даже в самом искалеченном полутрупце. И как я понимаю, Эррадарас реагировал — всколыхнув все истинные народы, от песчаных демонов, до горных драконов. Это вынудило Араэна предпринять попытку избавиться от меня более кардинальным образом — они вышвырнули меня в другой мир. Это было... неприятно. Примерно так же, как трое суток непрерывных попыток убить меня. Что такое истинная боль я узнал лишь в Рассветном мире.

Он усмехнулся и продолжил:

- Меня нашли Мейлина и Дарика, та, что стала мне второй матерью. Она владела магией

исцеления, но магия ее мира не действовала на того, кто был сыном мира иного. К счастью, она оказалась умной женщиной и осознав бесплотность приносящих мне лишь боль попыток оживления, позволила моему телу восстанавливаться самостоятельно, поддерживая, контролируя, ломая кости в случае, если срастались неверно, вырезая органы, если те функционировали не должным образом, экспериментируя с пищей, подбирая ту, что нужна была мне. Прошло около года прежде, чем я смог начать ходить.

- Года? — воскликнула Эллититорес.

- Да. В Рассветном мире я провел более трехсот лет.

Не удержавшись на ногах, пресветлая начала медленно опускаться, Араэден создал мягкое кресло прежде, чем она даже осознала, что может упасть. А затем вернулся к рассказу:

- Дарика вернула меня к жизни, но вернуть мне магию была неспособна, как впрочем и возвратить меня в Эррадарас. Несколько лет мы искали пути, но все, что она смогла, это произнести посетившее ее в трансе пророчество: "Когда в сердце твоём воцарится нежная страсть, отдавшей жизнь за любовь позволь дышать". Убийственное пророчество для того, кто поклялся более никогда не любить, не так ли?

Он не ждал ответа и продолжил зло и отрывисто:

- Мне не повезло, оказаться там, на начало Смутных времен. Или повезло, но только мне, а не Дарике с Мейлиной. Я часто уходил в горы, ища пути возвращения домой и раз за разом предпринимая попытки восстановить магию, и не предугадал, а должен был бы... Дарика была наделена магией, а Мейлина, ее юная дочь, слишком красива... Красота нередко играет фатальную роль для тех, кто остается без защиты... Мейлину насильно сделал своей ТаЭрхадан, местный набирающий силу царек, практически архимаг. Дарика пыталась защитить дочь, и была убита. Я почувствовал что-то... отголосок тревоги, когда она умирала. Мгновенно сорвался с места, загнал трех лошадей, но когда прибыл, все, что я уже мог для нее сделать — лишь похоронить истерзанное тело. Похоронил... и попытался спасти Мейлину.

Некоторое время он молчал, затем вернулся к рассказу:

- К ТаЭрхадану было не подобраться, и я сделал все, чтобы архимаг сам возжелал встречи со мной, отправив к праотцам многих его воинов. План увенчался успехом, в результате правитель возвысил меня, переведя из статуса скованного по рукам и ногам заключенного, сразу на должность первого советника. Спустя несколько дней я получил в подарок Мейлину. И это стало путем к спасению.

- Мейлина? — шепотом переспросила Эллититорес.

- Тот факт, что я был вынужден искать тепло женского тела в тайне от нанимателя, по причине того, что никогда бы не осквернил домогательствами ту, что была дочерью моей фактически приемной матери. Мейлина жила в моих покоях и считалась моей наложницей, но я проводил ночи у наложниц ТаЭрхадана. И после одной из них, неожиданно испытал всплеск необъяснимой боли. После, наедине с собой, попытался определить источник и зажег свечу не прикасаясь к ней. Вместе с той свечой зажглась и моя надежда — я нашел способ получить магию. Пусть не свою, не прежние возможности, но магия была вновь со мной. Со временем я осознал, что кроется за родовым именем моего настоящего отца — "Архаэры поглощающие силу". Это оказалось не просто титулом.

Изумленно вскрикнув, эллара хотела было что-то сказать, но затем отрицательно покачав головой, попросила:

- Продолжай.

Усмехнувшись, император произнес:

- Все поведенное мной только что, включает в себя период трех лет. Три года... Пожалуй, знай я о том, что впереди меня ожидают еще три сотни лет в Рассветном мире... Я рад тому, что

не знал.

Он вновь замолчал, и на этот раз молчание длилось долго. А затем Араэден с трудом вернулся разговору.

- По началу я не терял надежды. Думая о тебе, о мести, о том, как вернусь. Представляя себе этот миг в деталях... Я искал способы возвращения, десятки, сотни, тысячи раз наблюдая за тем, как мучительно гибнет надежда, и все больше склоняясь к тому, что предсказание Дарики имеет смысл. "Когда в сердце твоём воцарится нежная страсть, отдавшей жизнь за любовь позволь дышать"... Я засыпал с этой фразой, и просыпался с ней же... Долгие сотни лет... Потеряв надежду на то, что к моему возвращению ты еще будешь жива... Окончательно осознав, что месть уже не свершится — мне будет попросту некому мстить... Но когда погибла надежда, осталась холодная решимость — вернуться вопреки всему. Я не сдавался. Сотни, тысячи бледных и не очень копий Элиэ... Я жаждал полюбить, желал этого со всей определенностью и... не мог. Юные, прекрасные, влюбленные — их было много в моей постели, но сердце не затронула ни одна. За триста лет я уверился в том, что полюбить не способен, но не прекращал пытаться, как впрочем и не оставлял попыток открыть путь между мирами иными способами. Путем долгих изысканий, я определил, что мне нужен маг жизни. На тот момент таковым был лишь Ран Эниэль Уитримана, но вот досада — как маг он был слаб, а все пятеро его дочерей и вовсе не обладали силой. Каково же было мое удивление, когда четвертая из дочерей, Ринавиэль, понесла дитя, в котором магия пульсировала неимоверной силой. И это была девочка. В тот момент, я смотрел на ее мать, удивительно прекрасное светловолосое создание, и думал — а что если? Что если совместить и заполучить и сильного мага жизни и девушку, которую я смогу полюбить? Надежда, она появилась снова.

Резко выдохнув, император продолжил:

— И разбилась в день, когда Катриона родилась. У нее оказались темные, слишком длинные для новорожденной волосы. Совершенно черные... Для меня, с ненавистью относящемуся к темным, что сплошь черноволосы, это стало ударом. Глядя на крохотную девочку, в руках Велереи, я испытал растерянность. Изматывающая тоска, обрушившаяся с новой силой... Я внезапно понял, насколько одинок. Насколько всегда был одинок, будучи чужим и для светлых, и для темных, оказавшись совершенно посторонним в Рассветном мире. И решил, что мне нужен кто-то... хотя бы кто-то один, кто будет понимать меня, кто будет расти в условиях подобных тем, в которых рос я, кто станет таким же как я, кто будет рядом со мной и вернется в мой мир вместе со мной. У нее были черные волосы и смешные черные глазки — я подумал, что мы будем как два наших светила — белое и черное, и назвал ее Кари Онеиро. Велерея слышала это как "Катриона" и именно это имя было дано той, что должна была повторить мой путь и оказаться в условиях отдаленно напоминающих мое детство. Чары были наложены, в тот же день от Кари отказалась мать.

Эллиситорес судорожно вздохнула, но не произнесла ни слова, позволяя сыну продолжить.

- Еще через год Ринавиэль родила вторую дочь, — произнес император. — Очаровательную светловолосую девочку с удивительно прекрасными изумрудными глазами, ребенка — взявшего от родителей лучшее. Но магии Жизни в ней не было ни капли, и Велерея сделала все, чтобы дар перешел от Катрионы к Дориане. Я не стал препятствовать, здраво рассудив, что Дориану, если та вызовет отклик в моем сердце, принесу в жертву для открытия портала между мирами, а Катриону, как и планировал, заберу с собой. Расчет был идеален, но... ошибочен.

Он протянул руку, коснулся щеки спящей девушки, и продолжил:

- Спустя четырнадцать лет Ароиль Астаримана представил мне свою младшую дочь. Она была очаровательна. Яркая, красивая, по-девичьи стройная, с огромными зелеными глазами, за которыми скрывалась... пустышка. Лживая, эгоистичная, самовлюбленная пустышка. Ни ума, ни

самоиронии, ни умения ставить цели и достигать, ни желания учиться, развиваться... ничего. Девушка, мечтающая о балах, поклонниках и всеобщем восхищении. Я надеялся полюбить ее, но Дориана вызвала лишь одно чувство — чувство глухого раздражения. Очередной мой план рухнул. Неистово досадуя, я приказал представить мне старшую из дочерей, уже предчувствуя еще одно разочарование.

Он вновь коснулся ее лица, нежно провел пальцами по щеке, и произнес:

- Разочарование... было убийственным.

Ладонь сжалась в кулак, давая эмоции железной волей, сдерживая чувства. Великий Араэден Элларас Ашеро из рода Архаэров поглощающих силу рывком поднялся, отошел к окну, встал рядом с матерью. Гордый, нестигаемый, сильный, не позволяющий себе и тени эмоций, он сухо продолжил:

- Предсказание Дарики начало сбываться в то же мгновение — я ощутил возвращение собственной магии прежде, чем осознал, что неотрывно смотрю на Кари практически час, забыв о времени. Потеряв ощущение времени...

Там, за окном, и Эллиситорес это отчетливо увидела — охраняющие дворец драконы ринулись на материализовавшегося прямо в воздухе темного. Две быстрые хищные тени, две сверкнувшие огнем пасти... два куска некогда единого тела искусного воина полетели вниз... Сторонники кесаря жестоко расправлялись с рискнувшими бросить вызов возвратившемуся правителю Эррадараса.

- Их... много, — осторожно произнесла пресветлая.

- О пророчестве стало известно, — спокойно отозвался Араэден.

- Пророчестве? — полувопросительно переспросила Эллиситорес.

Он ответил полукивком, затем процитировал:

- "И возвратится дыхание жизни Эррадараса, и воссияют Белый свет- и его Черная Звезда, и тьма покорится свету".

Эллиситорес замерла, неверяще глядя на сына. Секунда, вторая, третья... пресветлая, тяжело дыша, пыталась понять, осознать, принять... а затем испуганно выдохнула:

- Ты назвал ее Черной Звездой!

Император промолчал, все так же глядя в окно. Он смотрел уверенно и спокойно, с решимостью воплотить в реальность то, что написал собственной кровью в истерзанном детстве. То, что не позволило сойти с ума. То, что заставило стать тем, кем ныне являлся.

- Ты... — голос пресветлой сорвался.

- Планировал? Да, — сухо ответил он.

И Эллиситорес поняла, что спорить и отговаривать бессмысленно. Но страх, свой страх она все же облекла в слова:

- Они не допустят этого, Араэден. Ни темные, ни светлые!

Медленно повернув голову, он посмотрел на мать, и произнес, допустив тень насмешки:

- Полагаешь, у них будет выбор?

Потрясенная Эллиситорес отрицательно покачав головой, прошептала:

- Это невозможно, сын.

Ответом ей было уверенное:

- Нет ничего невозможного.

Я проснулась с невероятной головной болью. Больно было настолько, что хотелось выть, причем не переставая. Повернувшись на другой бок, обнаружила, что сплю в новой и незнакомой мне. Сильно удивилась, припомнила события ночи, и так же сильно расстроилась. Хотела бы я знать, что это вообще такое было. Хотя нет — не хотела бы. Я бы вообще не хотела бы никогда знать ни что это было, ни в принципе кесаря.

И тут до меня донеслось испуганное:

- Как пожелает пресветлая.

Это было странно. Очень странно, потому что одновременно с осознанием услышанного, пришло и другое осознание — фраза была произнесена на ином языке. Певучем, переливчатом, со странными восходящими интонациями и... и я поняла каждое слово!

Я. Поняла. Каждое. Слово!

Очень медленно, стараясь не потревожить нестерпимо болящую голову, я села. Затем так же медленно и осторожно открыла глаза.

- Пресветлого утра, Звезда моя, — раздалось справа.

Очень медленно повернув голову, я увидела сидящую в кресле и определенно ожидающую моего пробуждения мать кесаря. Перед пресветлой Эллиситорес склонились две рабыни, третья стояла сбоку от нее, в полусклоненном положении удерживая поднос с мелко нарезанными фруктами.

- Ддоброе утро, — нервно ответила я.

И поняла, что говорю на другом языке. С несвойственными мне интонациям, восходящими, более напевными, с обилием гласных.

- Нет, Звезда моя, не так, — мать кесаря радостно мне улыбалась, — мир Эррадараса ценит не эмоции, свойственные твоему миру, а свет — эль.

Медленно, голова все так же дико болела, я исправилась и произнесла:

- Сияющего утра, пресветлая.

Она улыбнулась, величественно кивнула и похвалила:

- Замечательно.

Кошмар! О Великий Белый Дух — это же какой-то кошмар!

И я рухнула обратно на подушки.

Итак, делаем выводы — болезненный акт был совершен кесарем дабы обучить меня местному языку. Не спорю — он сэкономил мне массу времени этим, так что по идее я должна быть благодарна. По идее — потому как боль до сих пор не дает ни сосредоточиться, ни ощутить какое-либо чувство помимо боли и злости. Кстати о боли — помнится вселенское зло Рассветного мира превосходно умеет избавлять от нее.

Я снова села.

Посмотрев на наблюдающую за каждым моим движением пресветлую, вежливо осведомилась:

- Не будете ли вы так любезны, пресветлая, сообщить мне, где бы я могла найти... — нет, не то, — эм... встретиться с сиянием Эррадараса, вашим пресветлым сыном?

* * *

Не то, чтобы мое любопытство удовлетворили сразу, увы нет — для начала пришлось встать, и это далось мне не легко. Скажу больше — подняться мне помогли две рабыни. Хотелось бы назвать их служанками, но язык не поворачивался — служанки были у меня в Ирани, в оитлонском королевском дворце. Они были говорливые, иной раз не в меру, старательные, но не

особо, имели яркий характер и собственное мнение... пусть даже частенько крайне оскорбительное по отношению ко мне. Но то были личности! Это — тени. Бледные, тоненькие, бесшумные, безголосые, не поднимающие глаз и не встречающиеся со мной взглядами — тени.

- Звезда моя, твой пытливый взгляд выражает недоумение с оттенком неодобрения, — произнесла пресветлая мать кесаря. — Рабыни вызвали твое неудовольствие?

Стоит отметить — при ее словах рабыни не то чтобы напряглись, о нет, они не позволили себе даже вздрогнуть, просто в их опущенных глазах явственно промелькнула обреченность. Обреченность несовместимая с жизнью. И только. Я поморщилась, досадуя не то чтобы на себя, скорее на пресветлую, проявляющую чрезмерное внимание к моей персоне и к моим эмоциям, которые она старательно считывала. Это... не то чтобы вызвало неудовольствие, это разозлило. И меня вполне можно понять — мало мне кесаря, считывающего все мысли до единой, так у него еще и матушка проявляет недюжие способности в определении эмоций, которые я не горела желанием делать достоянием гласности.

Ко всему прочему нестерпимо болела голова, что не добавляло мне ни сдержанности, ни собственно желания сдерживаться.

- Рабыни вызывают... недоумение, — холодно произнесла я, — о неудовольствии речи не идет.

И повернувшись, с вызовом посмотрела на пресветлую.

Эллиситорес, никак не отреагировав на вызов, задумчиво осматривала меня. Ее лицо оставалось бесстрастно-приветливым, излучая даже не эмоции — оттенки эмоций, прикрытые воспитанием, вышколенностью, учтивостью, холодностью, скрытностью... и прочим. Говоря откровенно — рядом с ней самая воспитанная из оитлонских леди смотрелась бы деревенщиной вытащенной из коровника. О том, как рядом с пресветлой смотрелась я сама, постаралась просто не думать. Я в принципе и до наших леди не дотягивала, что уж говорить о пресветлой... Что там кесарь мне говорил про путь от уродливой шлюхи до свинарки?...

- Недоумение? — эхом отозвалась Эллиситорес, вынырнув из мыслей, в которые, похоже, была погружена.

А быть может, просто держала паузу...

Я посмотрела на нее, хотя и так смотрела, но сейчас просто взглянула в глаза... Пресветлая посмотрела на меня учтиво, благожелательно и вежливо.

До меня медленно, но верно, начало доходить, что таки держала паузу...

И от этого по спине прошелся нехороший холодок... Просто если вот эта — в высшей степени воспитанная пресветлая держала паузу определенно с минуту, значит и остальные в Эррадарасе придерживаются примерно тех же правил в общении... Это сколько в таком случае длится одна банальная беседа, состоящая из обмена любезностями?!

- Вопрос, — севшим голосом произнесла я, — средняя продолжительность визита вежливости в Эррадарасе?

Я ожидала услышать "час" — это было бы досадно, учитывая, что империю мне следовало выстроить за год всего, но терпимо. Предполагала, что могу услышать "два часа", это было бы уже досаднее, но тоже в рамках возможного.

Однако миновала минута "драматической паузы" и Эллиситорес произнесла:

- Визит истинной вежливости не может длиться менее трех суток, Звезда моя.

Трех суток??? Убейте меня!

- Вы шутите? — слабым голосом спросила я, по-детски и наивно надеясь, что шутит, хотя разумом уже понимала, что нет.

Пресветлая, благожелательно улыбаясь, выдерживала паузу.

Я видела, что она собирается вежливо ответить мне, но отчетливо понимала — не выдержу.

- Лучше бы меня сожрали гоблины! — громко, горько и обреченно простонала я.

После чего, не дожидаясь окончания "вежливой паузы", развернулась и проклиная все на свете, отправилась искать ванную.

И да, кстати, пока не забыла:

- Вина мне! — рявкнула рабыням.

Вызвав самое неподдельное удивление, на которое они были способны — у девушек слегка дрогнули ресницы. Только ресницы!

- А еще ванну и серое платье! — добавила я, дойдя до выхода, и обнаружив за ним просторное и наполненное светом помещение, менее всего напоминающее ванную.

К счастью далее искать не пришлось — тени, иначе и не скажешь, догнали меня и с поклонами проводили в купальню, где попытались помочь снять ночную рубашку.

- Вон! — разъяренно приказала я. — И двери закрыть! И вина мне! Много проклятого гоблинского вина! А лучше семедейку...

Последнее слово прозвучало со всхлипом, и не раздеваясь, я как была, залезла в прохладную воду, погрузившись в нее по шею.

* * *

В ванной я пробыла не долго. Нет, выходить из воды мне не хотелось, хотелось утопиться, если уж быть откровенной, но как настоящая благоразумная принцесса я сдержалась, несмотря на стойкое ощущение гоблинской подставы со стороны кесаря, и окончательное осознание степени отчаянности своего положения.

Вот только на стенания по поводу несчастной судьбы времени особо не было. Мне достаточно было вспомнить Динара, стоящего на коленях перед пятном моей крови, и ужас в глазах мамы, когда она поняла, что меня нет, чтобы желание вернуться домой всплыло с утроенной силой. Ко всему прочему сейчас я могла искренне поблагодарить кесаря — пусть и через невыносимую боль, но он облегчил мне задачу, наделив способностью понимать язык светлых. Это плюс. Минус — местный уклад жизни, но будем работать с тем, что есть, иного выхода нет.

Я поднялась, вышла из ванной, стянула с себя мокрую ночную рубашку, обернулась обнаруженным полотенцем и...

И в этот момент появился кесарь.

Он бесшумно вошел в купальню и остановился, выжидательно глядя на меня. Одет, великий император, был примечательно — белоснежные брюки, белоснежная же рубашка, серебристые туфли, кремовый широкий пояс, плотно севший на узкой талии и подчеркивающий как ни странно ширину плеч. Волосы пресветлого были распущенны и свободно ниспадали на плечи и спину. То есть выглядел кесарь вполне... свободно.

И на фоне моего отчаяния, раздражения и невероятной головной боли, это было очередным поводом сорваться. Я не стала отказывать себе в удовольствии, заявив:

- В высшей степени лишен всяческой справедливости тот факт, что вы позволяете себе столь комфортные одеяния, в то время как пресветлые леди вынуждены таскать доспехи, ошибочно именуемые одеждой!

Ответом на мою тираду стала... ожидаемо — улыбка!

- Ожидаемо? — иронично поинтересовался император.

Тот факт, что он все так же беззастенчиво читает все мои мысли — бесил до невозможности!

Кесарь улыбнулся вновь, а затем холодно приказал:

- Подойди.

Внезапно я испытала жгучее желание послать пресветлого императора на свидание к гоблинам! Но сцепив зубы, медленно подошла, игнорируя свое не особо одетое состояние. А и какой смысл стесняться, кое-кто вообще спит голым, и ничего!

Усмехнувшись, кесарь ответил кратким:

- Повернись.

Я послушно развернулась спиной к... не будем об этом, и перейдем к наиболее важным вопросам:

- Тормознутость как я понимаю, распространенный стиль общения в Эррадарасе? — язвительно поинтересовалась я.

И вздрогнула, едва прохладные руки кесаря, властно легли на мои плечи.

- Распространенный? — холодно переспросил он, и тут же ответил. — Нет, не распространенный — единственно существующий.

Слов нет.

Впрочем их и не осталось, едва боль начала исчезать, с каждым новым прикосновением пресветлого. И это было спасением.

И все же я не могла не высказаться по поводу озвученной информации:

- Очаровательно, — ядовито проговорила я. И жестко добавила: — Это недопустимо, соответственно будет изменено.

Кесарь никак не отреагировал на мое решение. Его ладони, нежно массируя, прошлись по шее, коснулись головы, затем спустились на спину, дойдя до края полотенца, остановились, после чего уже совершенно лишенной боли мне, спокойно сообщили:

- Традиции в общении можешь менять, нежная моя, традиции в одежде — нет.

И пока я пыталась сформулировать вспыхнувшее негодование в какую-либо хотя бы мысленную форму, кесарь меня покинул.

А я просто-таки горела праведным возмущением!

Что значит традиции в одежде — нет?! Да он хотя бы раз это подобие одежды надевал вообще?!

Но отвечать мне, естественно, никто не собирался.

Не став терять время, я покинула купальню и обнаружила рабынь, которые уже ожидали меня, дабы сопроводить в гардеробную. Просторное светлое помещение изобиловало зеркалами и пугало наличием уже готовых и висящих на вешалках традиционных нарядов для пресветлых леди. Более того — один пыточный костюм уже ожидал конкретно меня, расположившись на вытянутых руках рабынь.

И мое раздражение вспыхнуло с новой силой.

Все в том же полотенце, я развернулась и стремительно покинула гардеробную, стремясь высказать кесарю все, что я думаю по поводу одежды, в которой думать особо не получается вообще!

Разъяренной фурией я ворвалась в спальню, которая как оказалось принадлежала не мне, и остановилась, обнаружив пресветлого императора за накрытым к завтраку круглым столиком у окна. Кесарь к слову был не один — напротив его восседала пресветлая Эллиситорес, рядом с императором пустовало место, видимо приготовленное для меня.

В момент моего появления пресветлая степенно намазывала крохотный квадратик белого, судя по виду рисового хлеба ярко-синим пюреобразным нечто, и едва не выронила нож, при виде крайне раздетой меня.

Кесарь же о моем появлении явно был осведомлен заранее, считав вероятно весь тот

десяток эпитетов, который сейчас крутился у меня на языке.

Итого — на меня был направлен ледяной взгляд, и не менее ледяным тоном великий император произнес:

- Нежная моя, потрудись облачиться в куда более приличествующий твоему положению наряд.

И что на это сказала я?

Разъяренная я на чистейшем оитлонском взбешенно сообщила:

- Катитесь к гоблинам с вашими предпочтениями в традиционных одеяниях, мой кесарь!

Едва ли Эллиситорес могла понять, что я конкретно сказала, но видимо мой тон был достаточно красноречив, и пресветлая отреагировала испуганным вскриком. Реакции кесаря не последовало — пресветлый, словно заледенев, взирал на меня с явной угрозой во взгляде. Но я не собиралась внимать и покорно следовать идиотскому пожеланию работодателя.

Однако и срываться на крик смысла не было. Судорожно вздохнув, я максимально успокоилась и отчеканила:

- Опираясь на условия достигнутого нами соглашения, я могу с уверенностью сделать вывод, что мы с вами находимся в условиях отношений "наемный работник-работодатель". Соответственно, как наемный работник, я могу и требую адекватных условий работы, и к такому каноническое одеяние пресветлой леди не относится ни коим образом!

Великий император, продолжая смотреть на меня, растянул губы в улыбке. Убийственно ласковой. Неизменно вызывающей непроизвольный ужас и желание как минимум умолкнуть, как максимум просто исчезнуть.

Но если бы кесарь ограничился только улыбкой...

- К слову об отношениях, — холодно произнес он, — нежная моя, в пылу своей безосновательной ярости, ты упустила немаловажный факт наличия между нами предельно родственной связи.

- В смысле? — несколько растерялась я.

Кесарь выдержал паузу, в издевательско-ледяной манере, и ласково добил:

- Ты мне жена, нежная моя. Что-нибудь еще?

Я молча развернулась и вышла.

Вернувшись в гардеробную остановилась, напряженно размышляя о ситуации. Нет, пассаж конечно убийственный, впрочем, кесарь на иные и не способен. Жена значит... И развод мне, похоже, еще придется заслужить. Мерзкая ситуация!

- Ладно, приступайте, — дала я дозволение рабыням.

И трех минут не прошло, как я была затянута в традиционное облачение, мои волосы, туго заплетенные, были спрятаны под покров, обруч припечатал все это сверху, венчая образ пресветлой леди.

- Благодарю, — сухо произнесла я.

Девушки выразили удивление... да, только ресницами. Мир светлых безусловно продолжал "радовать"!

Когда я вернулась в спальню, кесарь, поднявшись галантно отодвинул для меня стул, а едва я села, столь же галантно придвинул его к столику. После чего сел, и с невозмутимым видом, словно не было никаких демаршей с моей стороны, поинтересовался:

- Чай, сок, вода?

- Вода, вы очень любезны, — вежливо ответила я.

Несколько недоумеваю по поводу того, что кесарь сам лично

ухаживает за мной за столом, я проследила за тем, как в хрустальный стакан мне была налита кристально чистая вода, к слову кесарь так же пил воду, затем император не спрашивая

моего на то желания или нет, положил в тарелку передо мной несколько странных кусочков судя по всему сыра. Зеленого цвета. С зеленью и кусочками предположительно орешков.

- Предположение верное, внимательная моя, — сообщил, возвращаясь к завтраку, император.

И мы все приступили к трапезе. Точнее они продолжили, я приступила. Странного вида сыр на удивление оказался весьма недурен, после же я последовала примеру Эллиситорес, и взяв хлебец, начала экспериментировать с вареньем, намазывая последовательно синее, оранжевое и фиолетовое. Получился весьма забавный цвет, менее всего вызывающий желание пробовать плоды эксперимента на вкус. Кесарь, насмешливо наблюдая за моими манипуляциями с незнакомой мне едой, холодно сообщил:

- Сегодня тебе запрещено покидать пределы дворца, нежная моя.

Ой да неужели мы опять собираемся ритуально прибить кого-

нибудь? Да ради Великого Белого Духа — в своем мире можете прибивать кого угодно!

Но вслух неизменное:

- Да, мой император.

Кесарь протянул руку, безапелляционно отобрал у меня результат творческого подхода к кулинарии, всучил намазанный им хлебец с сыром, и продолжил медленно сдержанными глотками попить воду. Я же недолго думая, откусила от странного бутерброда, удовлетворенно кивнула, оценив вкус и потянулась к стакану с водой, но рука замерла, едва я увидела взгляд Эллиситорес. Светлые глаза светлой посветлели. Тавтологическое описание, конечно, но факт оставался фактом. К посветлению добавилось и значительное округление этих самых глаз.

- Мама? — среагировав видимо на мою реакцию, спросил кесарь.

Эллиситорес вздрогнула, нервно улыбнулась и вновь продолжила мазать свой хлебец. Вот только руки ее при этом дрожали. Что, как я понимаю, являлось следствием сильнейшего нервного потрясения. Не могу понять, правда, что вызвало подобное потрясение? Посмотрела на свой надкусанный хлебец с сыром, намазанный для меня кесарем, потом снова на пресветлую, подумала и прямо спросила:

- У вас тут тоже масса предрассудков связанных с едой?

Она невольно кивнула, затем отрицательно покачала головой уже гораздо величественнее, но в то же время и лживее, взяла себя в руки, благожелательно улыбнулась, и произнесла:

- Звезда моя, в конце вопроса, полагается добавлять "пресветлая", или же "светлая" если речь не о высшей аристократии, в некоторых случаях добавляется "лучезарная".

Я улыбнулась, стараясь максимально точно отзеркалить благожелательную улыбку Эллиситорес и... и не стала ничего спрашивать. Во-первых, это мне было не особо интересно, во-вторых, тот факт, что я являюсь ему женой, кесарь мне уже напомнил, еще и как, а в-третьих...

- Почему мне запрещено выходить из дворца? — обратилась я к... супругу.

- Оживление, — совершенно спокойно ответил император Араэден, задумчиво глядя на меня.

- Оживление? — переспросила с нажимом, требуя объяснений и подробностей.

- Требуя? — насмешливо поинтересовался кесарь.

Ну да, перегнула палку слегка.

- Настаивая? — произнесла, берясь за стакан с водой.

- Полагаешь? — откровенно посмеиваясь, кесарь насмешливо посмотрел на меня.

Ладно, мы пойдем другим путем:

- Нижайше умоляю поделиться толикой информации? — мило улыбаясь, предложила я.

Уклончиво поведя головой, император произнес:

- Нежная моя, ты и нижайшие умоления мало совместимы, не находишь?

Я находила, что работать в условиях недомолвок, недоговоров и постоянного ухода от темы крайне и крайне сложно!

Улыбнувшись, не ласково, нет, скорее слегка устало, кесарь сказал:

- Я ответил на твой вопрос предельно откровенно, нежная моя. Да, лаконично, но прямо и точно. Сопоставь факты и произошедшее вчера, а затем подумай, что бы ты предприняла, узнав, что на подконтрольные тебе территории заявила та, что способна оживлять твоих давно почивших и с трудом убитых врагов?

Что ж, я сопоставила факты. Подумала, и пришла к неутешительным выводам — наши противники предпримут любые, даже самые беспрецедентные действия ради уничтожения элемента, потенциально превращающего армию врага в неиссякаемый ресурс. Одна проблема:

- Оживление, мой кесарь, провели вы.

Император встретил и мой взгляд и мое заявление совершенно спокойно, слегка улыбнулся, и в свойственной лишь ему манере говорить с ледяным спокойствием, ответил:

- Нежная моя, сопоставь факты.

Я вспомнила все случившееся, многочасовую подготовку к ритуалу, сам процесс, и поняла, что:

- Ритуал оживления без меня невозможен?

- Именно, — подтвердил кесарь.

В душе что-то отозвалось нехорошим предчувствием. И было намеренно и осознанно подавленно мной, я же задала на этот раз правильный вопрос:

- Сколько времени у вас уйдет на решение данной проблемы?

- Сутки, — последовал ответ.

Поразмыслив, озвучила необходимое:

- Карты, подробные с отражением ресурсов Эррадараса, как минимум четыре секретаря для начала, доступ к законодательным актам и сводам, неограниченные полномочия, и да — портные.

- Последнее зачем? — холодно поинтересовался кесарь.

Вдохнув поглубже, выдохнула, и с ледяным спокойствием ответила:

- Внешне я согласна соответствовать заявленным вами требованиям в одежде, но по факту отказываюсь вечно пребывать в состоянии терзаемого пытками человека. Соответственно ткань среднего из платьев будет замене подобной, но менее травматичной и стягивающей. И заметьте — это компромисс.

- Я заметил, — отозвался император.

Мы вернулись к завтраку.

Некоторое время молчали, поглядывая на Эллиситорес, старательно делающую вид, что все в порядке, но я определенно понимала, что что-то не так.

Интересно, что?

Или не интересно? Подумав, склонилась ко второму варианту. Поймала на себе пристальный взгляд кесаря, мило улыбнулась, допила воду в стакане до дна и поинтересовалась:

- Когда я получу все вы [неозвученное?]

Император ответил не сразу.

Несколько томительных секунд он молчал, затем произнес:

- Ты завершила с трапезой, нежная моя?

Я утвердительно кивнула. Мне подали руку, помогая подняться.

Дворец выстроенный императором Аразденом поражал своим величием, сдержанной роскошью, размерами, качеством постройки, масштабами. Следуя за кесарем, я с интересом рассматривала белый мраморный отполированный до зеркального блеска пол, сверкающие стеклянные потолки, невесомые башенки и балконы, огромные витражные окна, аккуратные растения в широких кадках. Во внутреннем интерьере преобладали три цвета — белоснежный, серебро и зеленый от многочисленных растений. Во внешнем декоре обращали на себя внимание золотой и перламутр, раскрашивающий даже верх стеклянной галереи во все цвета радуги.

- Это Радужный дворец, — почему-то пояснил задумчивый кесарь.

- Название... знаковое? — поинтересовалась я.

И не получила ответа.

Мы продолжали величественно идти по совершенно пустой галерее, заполненной ярким солнечным светом еще достаточно долго. Устав от однообразия, я повернула голову и посмотрела в окно... там было на что смотреть — в небе парили драконы. Они кружились, замирали, поймав воздушный поток, пикировали вниз и в последний миг расправляя крылья приземлялись. В общей сложности я насчитала двенадцать драконов, несущих патрулирование над дворцом. Помимо них прямо на крыше стояли охранники из светлых, они сверкали на солнце, поэтому через сверкающее же стекло я не сразу их заметила...

Зато просто не могла не заметить внезапно возникшую в небе чернокрасную стремительно приближающуюся тучу.

Кесарь мгновенно остановился.

Затем отпустив мою ладонь, развернулся и направился к казалось бы монолитной стене. Так только казалось. Или так было до момента, как император возжелал внести изменения в архитектуру — но хватило движения его руки, чтобы стена вдруг подалась вперед, трансформируясь в хрустальный балкон, на который, открыв стеклянные двери, вышел кесарь.

Я торопливо последовала за ним, с некоторой опаской ступив на хрустальный балкон, который был достаточно прозрачен для того, чтобы отчетливо увидеть всю ту прорву расстояния до земли, что располагалась под ним.

Мы остановились на балконе, я ближе к двери, кесарь дошел до края. Постоял, глядя на подлетающую тучу.

Та, громыхая и сверкая багрово-алыми молниями на всех парусах мчалась к нам... ровно до границы начала стен дворца. А там прямо в воздухе, незримые до самого момента столкновения, вспыхнули мириады золотых искорок... и разъели тучу, примерно как ржавчина разъедает незащищенное ничем железо, только гораздо быстрее. А затем искорки исчезли. И туча исчезла. Остались я, и крайне задумчивый вернувшийся правитель Эррадараса.

- Что-то идет не так? — заинтересованно спросила я.

Ответа снова не последовало.

Но после недолгого молчания, император произнес:

- Я усилю твою охрану, нежная моя.

И призвав портал, подал мне руку.

Мы перенеслись вероятно в одну из башен — по крайней мере куполообразный потолок как бы намекал на это. После чего, глядя на меня, кесарь сообщил:

- Прикосновение пальцем — увеличивает, раскрытая ладонь — уменьшает. Все здесь в твоём полном распоряжении. Дворец не покидать. Успешного дня, нежная моя.

И правитель Эррадараса исчез в портале. Затем исчез портал.

Осталась я.

В полной тишине.

Медленно повернувшись, обнаружила, что зато не в полном одиночестве.

Передо мной, сидящие в креслах и стоящие в проходах, а так же застывшие в дверях обнаружили светлые. Много светлых. Я даже пересчитала — двадцать три светлых в белоснежных костюмах, отделанных серебряной вышивкой. В остальном белая кожа, вообще я в принципе так понимаю, что кесарь среди них был самый... загорелый, платиновые волосы, неестественно светлые глаза, каменные лица.

В следующий миг все присутствующие отмерли, разом рухнули на одно колено и под потолок унеслось единое и слаженное:

- Светлого дня, пресветлая императрица!

Что?! Кто?! Какого дохлого гоблина? В смысле какого гоблина я и императрица?! Впрочем, получить ответ на этот вопрос было не особо

юз

критично, куда больше заинтересовало иное. Обведя взглядом пространство поверх голов склонившихся передо мной светлых, я обратила внимание на странную зеркально-гладкую стену, на которой отражалась покрытая сетью призрачных белых полос полусфера. Сама стена была отгорожена от общего пространства невысокой оградой, имевшей проход посередине и белую ярко выраженную дорожку, покрытую казалось бы искрящимся снегом.

Заинтересованная как стеной, так и сферой, я и направилась к интересующему меня объекту, по пути произнеся:

- Да воссияет свет над вашими деяниями, пресветлые. Кто главенствует в сиянии истинных мыслей?

Мгновенно поднялся самый грузный из светлых. Среди привычных мне айсиров высшего совета Прайды он казался бы тощим, но здесь, среди светлых, выглядел наиболее широкоплечим, к тому же у него был самый выдающийся нос и наименее острый подбородок.

- Пресветлый Эдогар, пресветлая императрица, да осветятся дни ваши благодатным светилем, — с поклоном сообщил мне сановник.

Я величественно кивнула, принимая и его пожелания и сан, и приказала:

- Представьте мне остальных, пресветлый Эдогар.

С этими словами я подошла к стене.

Призрачная неясная сфера отреагировала на мое приближение вспышкой, и расцветилась красками — голубой, всеми оттенками зеленого, серым, снежным... в общем и целом превратившись в подобие карты. Заметно изумленная я, подошла ближе, вспомнила слова кесаря, и прикоснулась наобум к точке на карте, отдаленно напоминающей высокую покрытую снегом гору...

И с трудом удержалась на ногах, когда карта начала стремительно, так стремительно, что создалось ощущение падения, приближаться. За несколько секунд указанная гора предстала передо мной во всем своем величии! Еще мгновение, и я разглядела подобие снежного барса, подбирающегося к мирно пасущимся диким горным козам... Рывок. Зверь атаковал стремительно! Испуганные козы брызнули во все стороны, словно осколки разбитого стекла, а жертва, обливаясь кровью и захлебываясь жалобным криком, который я отчетливо расслышала, забилась в пасти барса...

Испуганный взмах руки, и карта закрутилась перед глазами, сменяя климатические зоны, ландшафты, территории... Прикосновение пальцем — калейдоскоп картинок замер, остановившись на бескрайних морских просторах, и одиноком скалистом острове, где под яркими лучами солнца нежился огромный морской змей. Лоснящееся тело блестело на солнце, змей лениво зевнул, обнажив пасть, исполненную острейших зубов, и вновь растянулся на черных камнях, откровенно блаженствуя.

А я стояла в совершенном потрясении понимая, что передо мной то, что стало поводом для

создания оракула. И стало совершенно ясно, почему Локар был ограничен только настоящим — карта, похоже, так же демонстрировала все в настоящем времени. Вот только она была гораздо более удобна в использовании, и явно имела больше возможностей. Решив проверить свою теорию, я расположила раскрытую ладонь параллельно стене, и картинка с морским змеем начала стремительно отдаляться, вскоре став гораздо более привычной мне картой. Картой странного оттенка, с зеленоватым снегом и прочими непонятностями, но в общем и целом передо мной был вполне рабочий инструмент.

- Пресветлая императрица, позвольте представить вам малый совет императора в неполном составе, — заговорил, привлекая мое внимание Эдогар.

- Почему в неполном составе? — не оборачиваясь, поинтересовалась я.

Небольшая заминка, и мне дали предельно честный ответ:

- Не все пережили воцарение пресветлого императора Элионея.

Так, это уже любопытно.

Обернувшись, я поинтересовалась:

- А где вы... коротали время правления пресветлого императора Элионея?

- В заточении, пресветлая императрица, да сияет твое имя, — сообщил Эдогар.

Это не обрадовало, но я все равно уточнила:

- В изоляции?

Нет, дело не в сочувствии, мне нужно было выяснить насколько они в курсе текущих дел империи. Однако подтверждая мои худшие опасения, пресветлый сановник молча кивнул. И я поняла две вещи — Элионей идиот, оказавшийся неспособным перешагнуть через личную неприязнь к приверженцам брата ради блага империи, и у меня в результате сложная, очень сложная задача вырисовывается.

Вновь уделив внимание карте, я спросила:

- Кто управлял империей в ваше вынужденное отсутствие?

- Темные, пресветлая императрица, да озарит сияние твои дни.

- Достаточно использовать только "пресветлая императрица", — отрезала я.

Прикоснувшись к карте, вновь принявшей вид полусферы, крутанула ее взмахом руки и с погрузилась в темноту. Крутанула обратно, отодвинула, присмотрелась и с удивлением поняла, что мне доступна только половина этого мира, вторая была погружена в совершеннейший мрак и ничуть не просматривалась.

- Территория темных, — догадалась я.

- Истинно так, пресветлая императрица, — подтвердил Эдогар.

Присмотревшись к границе между сумраком и светлыми территориями, обнаружила, что по самой границе протекает река.

- Эхей, — подтвердил сановник.

Как любопытно.

А потом я увидела то, что заставило присмотреться внимательнее — несколько светлых непросматриваемых пятен на самой реке.

- Территории свободных, — с презрением сообщил Эгадар. — Не видны ни с нашей стороны, ни со стороны темных, чем и пользуются.

Как интересно.

- Свободных кого? — поинтересовалась я.

- Людей, — с еще большим презрением ответил пресветлый.

Мне стало окончательно интересно.

Но отметив полный презрения тон, я сменила тему, и спросила:

- И как много вас не пережило правления Элионея?

Ответ оказался совершенно лишен эмоций и звучал он как:

- Восемьдесят пять процентов.

Оригинально.

- Сочувствую, — произнесла я.

- Благодарю, пресветлая императрица.

Вновь повернувшись к карте, я припомнила, что своих сторонников из числа светлых кесарь, насколько мне известно, не оживлял. И зная его отношение к собственным кадрам, похоже оживлять не собирался. Жаль, но будем работать с тем, что есть.

- Мне в срочном порядке предоставить все законодательные акты, разделив на периоды правлений императоров, — произнесла я, скользя ладонью по карте.

Позади меня воцарилось напряженное молчание.

Обернувшись, вопросительно воззрилась на подчиненных.

Эдогар, сохраняя каменное выражение на лице, переспросил:

- Законодательные акты, пресветлая императрица?

В тот момент я еще не поняла, всю глубину своих проблем, списав его вопрос на возможно мои поверхностные познания в языке светлых. Все же у обучающего метода кесаря были погрешности, не могли не быть, как минимум потому что внедренный в мою голову язык был построен на связи образ-слово, а язык светлых, как я уже убедилась, имел массу метафор и прочего, соответственно я вполне могла произнести что-либо неверно. Поэтому уточнила:

- Законы, законодательные своды, подзаконные акты, конституция? Пресветлый Эдогар продолжал стоять и смотреть на меня, сохраняя

все то же каменное выражение на лице, но от его глаза медленно округлялись, я же попросту отказывалась верить в возникшее уже подозрение.

- Хорошо, — проговорила, разделяя по слогам слово, — те документы, при помощи которых происходит регулирование управления империей? ***

Через час я сидела с бокалом вина и меланхолично взирала на уже основательно бесивших светлых с неизменно каменными физиономиями.

Итак, моя суровая реальность — законов здесь нет!

Никаких законов нет в принципе вовсе. Были ли когда-то? Ответ — нет. Никогда. В Эррадарасе потрясающим образом действовал тот единственный закон, который кесарь благополучно насадил в Рассветном мире — "кто сильнее, тот и прав". У этого закона еще имелись вариации, к примеру — "на чьей стороне сила, на той стороне и правда", или еще — "тот прав, у кого больше прав". А также — "сила есть ума не надо" и прочее.

В общем и целом государственное устройство представляло собой некий симбиоз между родоплеменным и рабовладельческим строем. То есть существовали великие рода, на их стороне была магия и соответственно сила с правдой, под их управлением находились территории и у них имелись рабы. Рабы делились на свободных, то есть еще не пойманных, и уже укомплектованных в полное владение клейменных. Все кто не был светлыми — являлись рабами, потенциальными либо уже существующими. Окромя нескольких народов, которых в начале своего правления наш великий кесарь запретил брать в рабство — список был не велик, то есть все те же песчаные демоны, дриады, гигантские орлы и драконы. Положение остальных оставалось печальным. К слову светлые имелись без магических сил и соответственно власти и правды, их именовали "надиэ", что переводилось как убогие. И последний "радостный" штрих — основой силы являлась магия. То есть весь политический строй здесь основывался на магии!

Наверху иерархии были те, кто именовался на букву А. В данный момент среди таковых числился один единственный Император Араэден.

Затем следовали те, кто именовался на букву Э — вторые по обладанию силы. Так я узнала,

что мой подчиненный Эдогар весьма и весьма силен в магии.

Затем следовали те, чье имя начиналось с Ю. Третья ступень силы, практически лишённые боевых навыков, но обладающие способностями в практической магии.

Особняком были те, кто на Л — так называемые белые ведьмы и ведьмаки, не обладающие способностями в практической магии, зато способные воздействовать на силы земли и природы.

И на этом собственно все.

У людей магии априори не было, ну по крайней мере меня в этом старательно заверили. Люди вообще находились в крайне примечательном положении — их разводили. Путём селекции. Как скот. Содержали в бараках в основном, и делили на полевых рабочих, домашних животных, воинов, рабов, наложниц и наложников, певцов, актеров и прочее. К примеру, существовали рабы специально для прогулок, хорошенькие такие, карликового размера... Меня при этой информации слегка передернуло.

И завершающий штрих — в Эррадарасе не существовало торговли как таковой. Рабы и предметы роскоши — это ведь сложно характеризовать, как развитая торговля, не так ли? А все остальное необходимое для нужд поместий и родовых замков, производилось натуральным способом в самих хозяйствах. И все. Замкнутая система. Впрочем нет, имелось ещё кое-что, точнее не имелось — дороги. Их не было. Вообще. Светлые перемещались тем путем, коим переместились ко дворцу мы с кесарем, то есть посредством порталов, расположенных по империи в хаотичном порядке, ну и возле порталов имелись прогулочные дорожки исключительно для светлых — остальным расам путь на них был воспрещен.

То есть все то, с чем я столкнулась в Праере — было пылью, в сравнении с текущим положением дел в Эррадарасе. Просто пылью. Ах да, ко всему прочему тут ещё понятия не имели о существовании единого налогового обложения! В принципе! Зато некоторые предприимчивые индивиды устанавливали плату за проезд по своим территориям.

Буду откровенна, поначалу каждая новая подробность бытия в Эррадарасе вызывала у меня протяжный стон, после смех, в результате я потребовала вина и теперь сидела, попивая его мелкими глотками... Начинаю понимать, почему кесарь столь скептически отнесся к моему заявлению по поводу того, что я справлюсь за год... Год?! Да тут пары десятилетий не хватит!

И с чего начинать? Какую модель строения империи использовать? На какие слои населения я могу опираться? Гоблин раздери этот мир!

- Пресветлая императрица? — позвал меня Эдогар, едва, не сдержавшись, я вновь протяжно простонала.

- Не мешайте, я думаю, — зло ответила ему.

И подумала, что вообще-то не думаю, а откровенно страдаю. Действительно страдаю. Гоблин раздери, что делать? Что вообще мне делать?

Допив вино из бокала практически до половины, я решила начать с того, что сделать было просто необходимо.

Итак первое: — Необходимо лишить семь великих родов Эррадараса столь явных и ставящих их практически вровень с императором привилегий. Как оказалось, кесарь не зря акцентировал мое внимание на том, что данный дворец носит название Радужный. Выяснилось, что Великих дворцов в Эррадарасе семь — Лунный дворец, Серебряный, Туманный, Золотой, Снежный, Хрустальный, ещё имелся Гранитный, но он не входил в список самых величественных строений империи Светлых. Так вот, в момент нападения темных, пять из

семи великих родов склонились к нейтралитету и не участвовали в борьбе против оккупантов, заявив, что способны самостоятельно защитить свои территории. Лично я догадываюсь — их решение было связано с тем, что их территории находились в глубине империи и темным до них просто далеко было, но в любом случае считаю это в корне неверным

— государства в государстве, это нецелесообразно собственно для империи. Соответственно, я лично займусь нейтралитетчиками.

Второе — положение людей в Эррадарасе. Даже если не учитывать, что я человек и мне банально за своих обидно, рабство — не лучший путь для развития, соответственно я займусь его отменой. И без вариантов.

Третье — развитие торговли.

Четвертое — строительство дорог и в целом развитой инфраструктуры, обособленное расположение поместий и замков меня не устраивает.

Собственно с вышеперечисленного мы и начнем.

- Эдогар, — произнесла я, разглядывая остатки вина в бокале, одним своим обращением упразднив всяческие "пресветлый" и "воссияет светило над вашими днями", — нам с вами предстоит сверх-задача, до заката наметить основные пункты развития законодательства Эррадараса. Приготовьте бумагу, писчие приспособления и идите ко мне, за мой стол. Юрданар, я продиктую вам схему первого императорского указа, ваша задача составить внятный и правильно оформленный документ, с коим обязаны будут ознакомиться все, абсолютно все светлые. Лигарамен, я так понимаю, вам подвластна стихия дождя? За то время, пока я буду занята с вашими коллегами, подумайте и решите проблему сообщения со всеми свободными племенами, ваша задача — донести до них указ императора о том, что отныне и навеки запрещено порабощать свободных людей. Вообще. То есть ни путем охоты, ни путем внушения, ни призыва, ни покупки и прочего.

В громадном кабинете под хрустальным куполом повисло напряженное молчание. Лица пресветлых, обыкновенно хранящие каменные выражения, разом вытянулись.

- Работаем, господа! — решительно объявила я. — Юрданар, записывайте, "Именем света, озаряя Эррадарас великой мудростью, я, император Араэден Элларас Ашеро из рода Архаэров, повелеваю с сего дня", укажите сегодняшний день, "считать вне закона и государства великие рода", и перечислите тех, кто отказался участвовать в войне против вторжения темных. Через полчаса представить мне документ на согласование. Эдогар, я вас жду.

Остальные в этот момент занимались тем, что либо писали свои имена на маленьком листке бумаги, чтобы я с именами не путалась, либо — правое крыло занималось тем, что писало все известные им законодательные акты темы, либо переписывали имеющиеся свободные человеческие поселения.

Эдогар подошел крайне несмело, так же несмело сел рядом, на указанный мной и принесенный по моему приказу стул, при этом стараясь не задеть меня ничем, включая полы своей одежды.

- На будущее, нам предстоит тесное и плодотворное сотрудничество, посему сантименты и прочее в общении со мной просто забудьте, — беря первый лист бумаги, сказала я.

- Это невозможно, пресветлая императрица, — с заметным испугом произнес пресветлый, — коснувшегося вас, или же обратившемуся с нарушением этикета грозит жестокая смерть. Император не прощает ошибок.

В этом он, несомненно был прав.

- Работаем, — возвестила я.

И на этом лично мной счет времени был потерян. Что впрочем, неудивительно — создание законодательства с нуля, по сути своей невероятная задача. Создание законодательства в условиях, когда мне практически ничего не известно о государстве, традициях, устоях и прочем — задача практически непосильная. Но у меня была решимость достичь цели, и практически неограниченные ресурсы, которые я использовала в полной мере не щадя ничего и никого, и себя в первую очередь. О неудобстве одежды было забыто, едва мне принесли первый

затребованный двенадцатый том летописи Эррадараса. Затем последовал труд некоего Ютарэха^М "Шепот шагов дочери света". Открыв его, я ужаснулась для начала витиеватости языка, после всем тем наставлениям, коие, как меня уверил Эдогар, наизусть знает каждая светлая леди. В трактате на восемьсот десять страниц исписанных мелким забористым почерком, расписывалось все, то есть абсолютно все, что "полагалось" знать леди. От правил поведения, до требований к обращению с рабами, основ домоуправления, и прочее и прочее... Меня впечатлил тот объем информации, который местным дамам вдалбливался в обязательном порядке, помнится, в Оитлоне в качестве подобного выступала брошюрка страниц на двадцать текста, щедро разбавленного картинками. Решила отложить себе в качестве чтения на ночь, исключительно для развлечения. Поинтересовалась, если ли что-то вроде этого, только для мужчин. Мне принесли пять томов

"Искусства войны". Пять томов, по тысяче шестьсот страниц каждый. Как оказалось, это должны наизусть знать все пресветлые лорды. Я осознала, что придется иметь дело с умными, эрудированными, и подкованными противниками... Не могу сказать, что меня это обрадовало. Помимо двух указанных ранее обязательных к изучению трудов, и лорды и леди изучали так же: "Мудрость предков" — четыре тома по две тысячи страниц каждый, философских изречений других таких же умных и образованных светлых, которым просто повезло жить раньше и потому учить меньше; "Сэирн" — буквально обычай, традиция — всего три тома, по три тысячи страниц, аккурат на рождение, бракосочетание и смерть; И "Эль" — свет, учебник магии, десять томов по три тысячи страниц. Десять томов обязательных к изучению. Я едва ли каждый из них могла удержать в руках... И это все являлось неполным обязательным начальным образованием аристократии, овладеть коим аристократы должны были в ранней юности, а далее уже переходили к образованию исходя из возможностей и способностей. То есть это все был образовательный минимум. Минимум! Честно и откровенно — я почувствовала себя абсолютно тупой. Еще честнее и откровеннее — я понимала, что для разговора на равных мне придется все это как минимум прочесть, потому как тщетных надежд на изучение такого объема информации я не испытывала.

Несмотря на все открытия и терзания, работа двигалась. Для меня стало очередным неприятным открытием узнать, что в отличие от Эррадараса у темных законодательство, причем вполне развитое, имелось. А так же, в отличие от светлых, они были единым сплоченным государством с ресурсами, о которых моим подчиненным было мало что известно.

А потом внезапно все присутствующие рухнули на одно колено, опутив головы и приставив правую ладонь гипотетически к сердцу, а по факту лично мне не особо была известна их физиология. На миг заинтересовавшись метаморфозой в их поведении, я вновь вернулась к бумагам, и тут рядом прозвучало:

— Нежная моя, время зари наступило.

- И? — не поднимая головы, раздраженно поинтересовалась я. — Время ужинать? Ужинайте без меня, я занята.

После чего практически вновь погрузилась в составляемый документ, но тут кесарь сказал:

- Время завтракать, нежная моя. Заря — утренняя.

Поначалу я решила, что здесь все как-то иначе с временем суток... Потом подняла голову и посмотрела на хрустальный купол — там, в небе, медленно светлели звезды, а горизонт постепенно окрашивался розовым. И стало ясно, что без перерыва мы проработали почти сутки. Посмотрела на своих подчиненных — странно, никто не падал, не ныл, вообще не жаловался и признаков усталости не выказывал, и их работоспособность мне откровенно импонировала.

- Рад, что светлые оправдали твои надежды, — холодно произнес император и подал мне руку.

Не став препятствовать, я прихватила с края стола ” Шепот шагов дочери света”, после чего вложила ладонь в протянутую руку и позволила утащить себя в портал. Оказавшись в спальне так же безропотно разрешила рабыням раздеть себя до нижнего платья, после чего позевывая прошла к кесарю, уже сидевшему за столом и молча поедавшему какую-то красноватого оттенка рыбу.

Передо мной было поставлено блюдо с чем-то подобным, но у меня хватило сил только на теплое темно-фиолетовое пюре непонятно из чего и пол стакана воды. После я откинулась на спинку витиеватого стула и посмотрела на кесаря. У меня к нему было много вопросов. Очень много вопросов. Они даже были выписаны на листочек, который я забыла на столе в императорской канцелярии. Еще они были написаны на языке Прайды, поэтому я вообще не опасалась, что их кто-либо прочтет, но... глядя на слишком подчеркнуто высокомерного императора Эррадараса, я внезапно поняла, что у меня нет никаких сил на конструктивный диалог. На неконструктивный сил не было так же. За окном стремительно светало, слышалось пение птиц в отдалении, наступал новый день, который обещал быть не менее сложным, чем предыдущий, а мне еще требовался отдых.

- Ложись спать, нежная моя, — безапелляционно приказал кесарь.

Умом я понимала, что будет правильным последовать указанию. Посмотрев на приготовленную для сна постель, вспомнила, что прошлую ночь император изволил спать со мной и осторожно поинтересовалась:

- А где вы планируете провести рассветные часы?

Но не дождавшись ответа, который по сути и не имел значения, я высказала то, что действительно было важным:

- Уровень знаний светлых превосходит мой в десятки раз.

Мне тяжело было это признавать, но факт оставался фактом.

Император Араэден искоса взглянув на меня, спросил:

- Нежная моя, моих основополагающих знаний будет достаточно?

Без слов и объяснений, с полунамека я сразу поняла, что речь идет о передаче информации, подобного тому, как сегодня утром кесарь передал мне знание своего языка. Тело содрогнулось от одной мысли о той боли, что придется испытать повторно.

- Я не считаю это необходимым, — произнес Великий Араэден, — в ином случае, информация была бы передана тебе еще в пятнадцать лет. Описанные великие мудрости — по факту теряют смысл с твоим появлением в этом мире. Что касается обучения магии — у тебя ее нет, нет и смысла что-либо изучать о природе света и его возможностях.

Своя логика в его словах имела, но...

- Но? — переспросил кесарь.

Я так устала, что не было сил объяснять что конкретно "но".

Посидев молча несколько мгновений, спросила:

- Мы можем это отложить до возникновения на то необходимости?

- Да, нежная моя. Ложись спать.

И это было самым верным решением. Поднявшись, я вышла в гардеробную и бесшумно появившиеся рабыни разоблачили меня столь же бесшумно, не прикоснувшись к моему телу и пальцем. От их услуг в ванной комнате я отказалась. В ванне лишь ополоснулась, после, надев банный халат, умылась и вышла. Чтобы обнаружить ночную рубашку неприличной длины, ожидавшую меня на расстеленной и приготовленной ко сну постели. И да — кесарь все так же находился в этой комнате, совместив ужин, с рассмотрением проекции той карты, что была предоставлена в мое распоряжение в башне императорской канцелярии. И все бы ничего, но я сочла более чем аморальным переодеваться в присутствии своего... будь он проклят, повелителя.

- Забудь про мораль и аморальность в отношении меня, нежная моя, — не отрываясь от изучения доступной ему половинки этого мира, приказал кесарь.

- Знаете, я все же вынуждена настаивать на отдельной спальне, — раздраженно и устало сообщила ему. Затем добавила: — И менее всего я расположена переодеваться в вашем присутствии.

Ничего не ответив на мой выпад, кесарь как-то угрожающе развернулся, пристально посмотрел на меня и... и мой халат осыпался к ногам белоснежными лепестками роз. Я застыла. Великий Араэден Элларас Ашеро из рода Архаэров поглощающих силу, смерив меня заинтересованным взглядом с головы до ног и обратно, иронично поинтересовался:

- Что-нибудь еще, нежная моя?

Ничего не говоря и стараясь в принципе ни о чем не думать, я перешагнула ворох лепестков, прошла к постели, молча натянула на себя ночную рубашку. После так же безмолвно легла и укрывшись одеялом, постаралась просто заснуть. Не думая, не возмущаясь, не позволяя вскипевшему гневу проявиться ни в чем.

Впрочем, мысли навалились практически сразу — и мне было о чем подумать, о целом, гоблин его подери, законодательстве с нуля. Об устройстве страны — с нуля! О том, что нужно создавать производственные мощности и я еще не знаю какой тип использовать — гильдии и соответственно полностью автономные мастерские сообщества, или оставлять все производство под жестким контролем государства... Пока не известно, зависит от характерных черт населения... Опять же проблема с населением...

- Просто спи, — прервал мой мысленный поток кесарь.

Приоткрыв глаза, посмотрела на него и поняла, что сам император спать, похоже не собирается.

- Я способен обходиться без сна, — подтвердил он.

Замечательная способность, мне бы пригодилась. Особенно учитывая тот факт, что работы безумно много и...

Кесарь поднялся. Подошел к испуганно затихшей мне, протянув ладонь коснулся моей щеки и прошептал:

— Спи, нежная моя.

И я провалилась в сон в то же мгновение.

* * *

Великий Араэден Элларас Ашеро из рода Архаэров поглощающих силу медленно опустился на край постели, не отрывая ладони от лица спящей девушки. На мгновение в его глазах мелькнула нежность. Он привычно подавил эмоцию, и внимательнее всмотрелся в свой "подарок Рассветного мира". Тонкие черты, изящный овал лица, длинные черные ресницы, белоснежная с удивительным розовым отливом кожа... Дочь мира, ставшего ему тюрьмой натри сотни лет, стремительно менялась. То, чему он положил начало смешав их кровь, в Эррадарасе невероятно ускорило.

Становясь проблемой.

Он поднял ладонь, разместив ее над лицом принцессы Оитлона и воздух заискрился радужным сиянием. Император поглотил этот выброс силы, затем, склонившись над Кари Онеиро прикоснулся к ее губам и нежно целуя, безжалостно выпил все оставшееся. Внезапно понял, что поцелуй по необходимости, неуклонно перерастает в нечто большее. Остановился, замер, тяжело дыша и напряженно глядя на ту, что давно стала его самым болезненным из

желаний. Самым сильным. Самым неистовым...

Резко поднявшись, император вернулся за стол, взяв стакан, сделал медленный глоток, попытался сосредоточиться на карте, но мысли вновь вернулись к его Черной Звезде. К той, кто превосходно усвоила его главный урок "Нет ничего невозможного", к той, что не умеет сдаваться. И сколько бы он не давил, не угрожал и не ставил на место, отчетливо понимал — она выждет время, соберется с силами, на сей раз приготовит план не два, а семь вариантов развития событий, и нанесет удар. По той простой причине, что ей есть за что сражаться. И она будет сражаться до последнего. Она будет сражаться, даже если он отнимет это последнее.

Одна проблема — он тоже.

* * *

Я проснулась как от толчка, села, распахнула ресницы, увидела все ту же спальню. Повернув голову, обнаружила все так же сидящего за столом кесаря. На миг промелькнула мысль, что все-таки безумно хочется спать, но...

- Ммм, как позвать рабынь? — спросила я.

- И тебе доброго утра, нежная моя, — задумчиво ответил император, глядя на карту.

Я так поняла, спать ему сегодня не довелось.

А потом совершенно не поняла как, но дверь открылась и вошло сразу пять рабынь. Призракоподобные девушки остановились у входа, не поднимая на меня глаз и ожидая приказаний.

Отбросив все размышления по поводу способа их вызова, я распорядилась:

- Ледяную ванну, горячий чай, платье.

Так же бесшумно и безмолвно, рабыни, пятясь назад, нас покинули.

- Ледяная ванна? — переспросил великий император.

- Да, жизнь сурова, — подтвердила я, резко поднимаясь с постели, и направляясь в купальню.

Ванна для меня была приготовлена в соответствии с озвученными требованиями — ледяная. В смысле на ее поверхности радостно плавал лед. Содрогнувшись от предстоящей экзекуции, я сорвала с себя ночную рубашку и погрузилась в воду. После шенге закалка у меня была отличная, вот только в воде горного ручья лед не плавал.

Выскочила я уже через секунду, обтерлась полотенцем, подсушила волосы и надев очередной халат, вышла в спальню. Вытирая волосы третьим по счету полотенцем, осведомилась:

- Мой кесарь, не уделите ли вы несколько минут вашего драгоценного внимания ценнейшему кадру, насильственно вывезенному из Рассветного мира?

Ответом мне стал вопросительный взгляд.

- Сочту это полным и абсолютным согласием, — язвительно сообщила я.

По тонким губам пресветлого скользнула ироничная усмешка. Главное, что не ласковая улыбка.

- Итак, — начала я, — как мне стало известно, в Эррадарасе ценят магию и только магию. Обладающие сильной магией устанавливают законы, обязательные к исполнению для всех, кроме собственно их установивших. Таким образом, на данный момент мы имеем шесть родов и возглавляющих их более чем влиятельных лордов, которые не горят желанием обременять себя какими-либо государственными рамками. Что будем делать?

Кесарь пристально посмотрел на меня, недвусмысленно требуя продолжения моей мысли.

Я продолжила:

- Сильное государство — это единое государство. На данный момент ситуация такова, что мы фактически имеем шесть государств в государстве. Для единой империи это неприемлемо. Власть великих лордов следует для начала ослабить, в дальнейшем устранить. Без вариантов. Невозможно превратить в верного союзника тех, кто привык сам устанавливать правила, они просто не подчинятся нашим. Более того, всегда остается шанс объединения могущественных лордов. Да, ваше имя начинается на "А" и вы сильнее, но выстоите ли против объединенных противников?

- Без сомнений, — последовал спокойный ответ.

Я могла бы язвительно усомниться, но... тут кое-кто вчера в одиночку вернул себе государство, так что мне пришлось просто принять как факт, что кесарь способен на все. На все в принципе. Даже в одиночку. Вот только какой урон после подобного столкновения понесет народ и государство?!

- В любом случае, — сказала я.

И получила ироничное:

- Они твои, нежная моя.

Это радовало. Кивнув, я сходила в купальню за расческой, вернувшись и принявшись разбирать влажные пряди волос, коснулась главного для меня:

- Рабство.

- Нет, — безапелляционно ответил кесарь.

А я не была готова принять его "нет". Прекратив разбираться с волосами, посмотрела на великого императора. И решительно произнесла:

- Да.

- Нет, нежная моя, — насмешливо ответил он.

- А я говорю — да! — настойчиво повторила.

Улыбнувшись, кесарь с нескрываемым сарказмом проговорил:

- Настойчивая моя, отменить рабство, это признать, что люди равны светлым. Это нонсенс, и это неприемлемо.

Я многое могла бы высказать по данному поводу, как минимум высказать, насколько меня лично оскорбляют подобные заявления, но принимая во внимание действительно имеющиеся различия между элларами и людьми, высказала иное:

- Рабство — тормоз для развития экономики. Мне нужен средний класс. Мне требуются мастерские сообщества, ремесленники, торговцы и прочее. Будут ли заниматься этим эллары?! Сильно сомневаюсь.

- Всегда можно приказать.

- К гоблинам рабство! — сорвалась я.

И тут же осеклась, вспомнив при ком соизволила повышать голос.

- Приятно видеть, что разумность все еще не чужда тебе, нежная моя, — улыбнулся кесарь. Затем издевательски поинтересовался: — И как же ты собираешься претворять в жизнь совершенно излишнюю идею об отмене рабства? Издашь указ о повсеместной свободе? Закон о равенстве и братстве?

Издевку в вопросе я, несомненно, уловила, но наступив на горло собственной гордости, холодно ответила:

- Шенге научил меня одной несомненной мудрости: полученное без усилий — выброшенное. Никаких законов о "равенстве и братстве" не будет. Свобода станет привилегией, и получают ее достойные. Как уже было сказано, мне нужны мастерские, ремесленники, торговцы. Те, кто сумеет заплатить за свою свободу служением империи.

Взгляд кесаря несколько изменился, а затем он произнес то, чего я не ожидала услышать без боя:

- Что ж, не имею ничего против.

Впору было издавать радостный возглас.

- Издавай, — язвительно произнес великий император, в очередной раз напомнив, насколько открыты для него все мои мысли.

Ничего, я готова смириться даже с этим, в конце концов, если приноровиться, можно неплохо экономить время на обсуждение рабочих вопросов.

И все же следующий пункт я озвучила, произнеся вслух:

- Дороги.

По пути в столицу Эррадраса мы коснулись данного вопроса и я превосходно помнила раздраженно брошенное мне "Этим ты и займешься", но — учитывая обстановку, я ожидала, что просто так дороги строить мне никто не даст. По той простой причине, что хорошие дороги с одной стороны путь для развития страны, но с другой — комфортный путь для завоевания.

- Я рад, что ты это понимаешь, нежная моя, — задумчиво произнес кесарь.

Подумать ему действительно было о чем.

- Дороги нужны, просто необходимы, — сказала я.

Кесарь величественно кивнул, подтверждая, что превосходно меня услышал.

И в этот момент я услышала трель.

Странную, тревожащую переливчатую трель, которая прозвенела сначала казалось бы над всем замком, а затем неожиданно отчетливо и явственно уже непосредственно в спальне. Я, так и замерла, удерживая прядь волос, а вот кесарь... Кесарь всем телом подался вперед, его глаза засверкали так, как сверкал бы идеально ограненный бриллиант, попади на него солнечный луч.

- Интересная характеристика, — зло произнес император. А затем приказал: — Нежная моя, приведи себя в достойный вид.

Между тем трель усилилась. Она становилась все громче, явственно действуя мне на нервы.

- У меня странное ощущение, что с вами пытаются связаться, — заметила я, без возражений направляясь в гардеробную.

И уже когда была там, услышала:

- Им придется подождать до твоего возвращения.

И кто бы мне сказал, почему от этих слов на моих губах заиграла улыбка. Впрочем, сама знаю почему — нам явно предстояла встреча с главными противниками, и мне было безумно приятно, что кесарь не отстранил меня от этой встречи.

Рабыни появились как и всегда безмолвно, и так же без единого звука растянули на руках каждая по второму платью, после чего замерли, видимо... предлагая мне выбрать? Не совсем уверенная в правильности предположения, я подошла, коснулась первого жемчужно-серебристого платья — нежная, упругая при растяжении ткань только выглядела как прежние доспехи, на деле была явно не в пример удобнее. Вторая оказалась еще нежнее на ощупь, третью я не стала даже трогать. Молча указав на первое платье, безропотно позволила себя одеть, постояла, нервно постукивая ногой, пока мне заплетали волосы, выпрямилась когда надевали покров и обруч поверх, и едва не упорхнула не обувшись.

Рабыни не остановили, нет, просто ближайшая к двери рухнула на колени, обратив тем самым мое внимание на себя. И едва я недоуменно посмотрела на девушку, все так же молча протянула мне бархатную подушечку с лежащими на ней жемчужными туфельками. Не говоря ни слова, я схватила туфельки, набегу надела, радуясь тому, что новый вариант облачения позволяет нормально наклониться, и стуча каблучками выбежала в спальню...

Впрочем это уже была не спальня. Так как я спешила, то от порога пробежала несколько

шагов и после остановилась... Нет, это уже была не спальня. Огромное залитое проникающими сквозь хрустальный купол светом помещение, искрилось всеми оттенками белоснежного, серебристого и слегка золотого. Пол, устланный белым мрамором с едва заметной золотистой руной вязью, полупрозрачные, словно сотканные из горного хрусталя стены с серебристо-белыми колоннами, открывающийся за стенами вид на пушистые белоснежные кучевые облака, и всего два изящных витых стула в центре помещения, с хрустальным сервированным к завтраку столиком перед ними.

Кесарь ожидал меня стоя у полупрозрачной стены и любясь совершенно сказочной композицией облаков. При моем появлении он повернулся, выждал мгновение, давая мне оценить те изменения, которые претерпела спальня и протянул руку, призывая к себе. Я подошла, испытывая странное недоумение по поводу его направленного на меня восхищенного взгляда, вложила пальчики в его ладонь, после чего император проводил меня к столику. Усадив, галантно пододвинул стул, сел рядом и вопросительно посмотрел на меня.

Естественно я кивнула, испытывая невероятное чувство нетерпения — как же, судя по все продолжающемуся звону, нас все так же желал видеть главный враг.

- Твое нетерпение забавляет, нежная моя, — с неожиданной нежностью произнес кесарь. А затем жестко добавил: — Контролируй мысли.

И все нетерпение, любопытство и интерес к предстоящему, исчезли, уступив собранности.

- Полагаете, темные так же способны читать мысли? — мгновенно спросила я.

- Недооценивать противника — глупо.

- Переоценивать не менее глупо, — парировала, с самой очаровательной улыбкой на губах.

Я была готова к схватке. Кесарь так же. Тянуть далее смысла не видел.

Император величественно кивнул, соглашаясь со мной и откинулся на спинку стула, сосредоточив взгляд в центре этого преобразившегося помещения. И центр залы засверкал радужно-серебристыми осколками. Они потянулись друг к другу, образуя внушительное, как минимум в два человеческих роста зеркало, в котором в первую секунду отразились мы — пара величественных светлых (моих темных волос не было видно под покровом, под этой одеждой в целом мало что было видно), а затем, мигнув, отразило иное, сумрачное, освещенное красными стилизованными под глаза фонарями. И в свете этих жутких фонарей я разглядела массивный овальный деревянный стол и сидящих за ним шестерых темноволосых мужчин, облаченных в черные шелковые рубашки, с распущенными разметававшимися по плечам иссиня черными волосами, смуглой кожей, надменным и чем-то неуловимо схожим высокомерным выражением лиц, и красными, искрящимися, сверкающими словно угольки на ветру глазами. И мгновенно сделала вывод — эти шестеро родственники. Присмотревшись, поняла, что темный в центре вероятно отец, его плечи и телосложение отличалось массивностью, остальные похоже сыновья. И... это успокоило. Говоря откровенно я ожидала куда более сильного противника, но один авторитарный папаша и пять марионеточных сосунков-сопровителей — это по большому счету не проблема.

— Нежная моя, ты восхищаешь, — на оитлонском произнес кесарь.

«Комплимент могу вернуть многократно», — подумала я, выжидающе глядя на темных. Темные с не меньшим ожиданием, но с гораздо большим интересом взирали на нас. Молча.

Молчание затягивалось, я же начала почти физически ощущать исследующие меня взгляды. Темные банально раздевали глазами, и это заставило порадоваться невероятно скромному одеянию. Не то чтобы я чего-либо смущалась, но удовольствие доставляла сама мысль о том, что противникам придется использовать всю свою фантазию, чтобы представить меня, и даже это им не поможет. Впрочем, им уже мало что поможет — будем откровенны, я и кесарь, это сила способная свернуть горы. В смысле я сама по себе сила, а кесарь реально способен сворачивать

горы.

Ощутила на себе внимательный взгляд, чуть повернула голову — кесарь с улыбкой смотрел на меня. Я едва заметно улыбнулась в ответ. Он протянул руку, коснулся моей ладони и сжав пальчики, повернулся к нашим врагам.

Игра началась.

- Тьмы вам, Архагарандар Властитель Ночи, из рода Архаэров впитывающих силу, — с высочайшей любезностью, подчеркнутой надменностью и оттенком легкой насмешки произнес император.

А я улыбнулась чуть шире, старательно сдерживая эмоции, нахлынувшие от двух потрясших меня моментов — наш противник именовался на «А», это являлось прямым свидетельством того, что по силе он равен кесарю. И второе — «Архаэров впитывающих силу»? Серьезно? Они с кесарем родственники?! Если так, то вероятно оооочень дальние.

- Это мой отец, — негромко и на оитлонском произнес император Араэден.

«Подумаю об этом позже!» — однозначно решила я, глядя на Архагарандара Властителя Ночи с гораздо большим вниманием, чем мгновение назад. И словно в ответ на мой взгляд, мужчина слегка склонил голову, приветствуя, и произнес:

- Света тебе, Великий Араэден Элларас Ашеро из Радужного рода и рода Архаэров впитывающих силу.

«Вам», «тебе» — неплохо так раскладка по позициям. Интересно, кесарь стерпит?

Мои пальцы слегка сжали, и властитель Эррадараса издевательски поправил собеседника:

- «Сияния вам».

Не знаю, показалось мне, или нет, но глаза темного полыхнули алым, словно на тлеющие угольки подул ветер. И Архагарандар холодно выговорил:

- Сияния вам, Великий Араэден Элларас Ашеро из Радужного рода и рода Архаэров впитывающих силу и вашей пресветлой Черной звезде.

И собственно этим все было сказано — нас оценили, сочли достойными внимания противниками и единой командой. Да, мужик сходу понял, что иметь дело придется теперь с двумя, а не одним очередным «сыном». Темный умен. Это радует — люблю побеждать умных противников.

И в этот момент произошло явное нарушение протокола встречи — там, у темных, со скрипом открылась дверь и раздался нежный женский голос:

- Араэн?

Свет от открытой двери высветил мгновенно скривившихся молодых темных, в то время как реакция всепапаши удивила — он пристально уставился на кесаря. Не знаю, чего конкретно ожидая, но явно рассчитывая хоть на какую-то реакцию. Реакции не было — это же кесарь, в принципе я не знаю, каким кесарь был ранее, но теперь закаленный тремя сотнями лет в Рассветном мире он был непоколебим фактически ничем, и в глазах Архагарандара промелькнуло разочарование. Любопытно. Но об этом я тоже, несомненно, подумаю позже.

Между тем тот самый Араэн поднялся неимоверно быстро, его сильное гибкое тело метнулось за пределы нашей видимости и дверь была закрыта, а диалог остался неизвестен. Вернулся «сын» довольно быстро, сел на свое место и на насмешливые взгляды братьев ответил злым:

- Ни звука.

И я могла бы промолчать в данной ситуации, да с точки зрения морали, этики и в принципе воспитания, мне следовало промолчать, но... Как умный и дальновидный политик, я была просто обязана использовать ситуацию.

Вопросительный взгляд на кесаря, его едва заметная усмешка, и я произношу, обращаясь

тому самому Аразну:

- И часто вы приказываете братьям?

Темные застыли.

А я продолжила:

- Не целесообразнее ли в этом случае, назначить встречу, в которой с темной стороны присутствовали бы лишь вы и всецело уважаемый Архагарандар? — вопрос был задан самым невинным из тонов.

Кесарь, незаметно вновь погладил мои пальцы, незримо выразив полную и абсолютную поддержку, а вслух с легким оттенком укоризны, сказал:

- Нежная моя.

- Прошу прощения, мой император, — медовым тоном извинилась я. И продолжила все с той же невинно-удивленной интонацией: — Возможно, у меня сложилось несколько ошибочное впечатление, но с первой секунды данной встречи, я определила в уважаемом Архагарандаре Властителе Ночи единственного полномочного и непререкаемого правителя, и искренне удивилась присутствию тех, кто, насколько я поняла, не обладает ни правом голоса, ни собственным мнением, ни разрешением на какие-либо действия без высочайшего дозволения Властителя ночи, который, насколько я понимаю, является их отцом? Я права?

И выступление кесаря:

- Да, нежная моя, ты совершенно права — Властитель ночи является отцом присутствующих.

Кесарь великолепен! Он начал с того, что я «совершенно права» — продолжение фразы уже просто не имеет значения, и фактически дело сделано, как бы сейчас не попытался извернуться Архагарандар. Он и не пытался — темный действительно был умен, и сейчас с откровенной яростью, но молча взирал на меня. А вот его сыновья оказались не столь опытны и крайний справа в бешенстве воскликнул:

- Это ложь! Мы — соправители и...

Договорить ему я не позволила, недоуменно переспросив:

- Ложь? Разве можно назвать предположение ложью? Утверждение, догму, и даже факты — да, но предположение?!

В следующее мгновение связь прервалась и мы остались с кесарем вдвоем, во все том же наполненном светом пространстве. Император Аразден с нескрываемым восхищением посмотрел на меня, чуть склонил голову, в признание моей победы, и с нежностью произнес:

- Великолепно. Но твою охрану я увеличу.

В принципе, решение имело смысл — это не Прайда, здесь никто трепета и ужаса перед кесарем не испытывает... пока не испытывает. Впрочем, меня достали и там — я с содроганием вспомнила о попытке отравления и резко поднялась.

Предстояло много, очень много работы.

- Мне требуется свобода передвижений, — сказала я, высвободив пальцы из ладони кесаря и направившись к стене — было безумно интересно, какие конкретно за ней облака, настоящие или иллюзия. — И защита меня и моих людей... хм... моих элларов на территории великих дворцов.

Вновь раздался звон. Настойчивый, нервный, злой.

Так и не дойдя до стены, я обернулась и посмотрела на кесаря. Император Аразден молча взирал на меня.

- Сомневаюсь, что мы можем услышать что-то новое, — выразила я свое мнение.

Кесарь величественно кивнул, выражая полное согласие.

- Возможно позже, — я развернулась и продолжила идти к стене. — Безумно раздражает то,

что их территория полностью скрыта от нас. Сегодня к ночи я постараюсь решить данный вопрос, для чего мне потребуется доступ к финансам и несколько крепких парней... хм... элларов, чтобы безопасно передвигаться по преступным кварталам.

- Не уверен, что в Эррадарасе существует преступность, — задумчиво отозвался император.

Я могла понять отсутствие у него подобной уверенности — достаточно вспомнить Прайду: такой испуганной, забитой, и не высывающей нос преступности я не встречала более нигде, но... даже в Прайде преступность имела место быть. А там, где существуют люди без чести, совести и трепетного отношения к законам, всегда можно нанять парочку ловких шпионов... И тут я вспомнила, что здесь нет законов. Здесь даже законов нет!

- У меня много, очень много работы! — напомнила я самой себе, и так и не увидев облака, развернулась и поспешила в башню под

стеклянным куполом, бросив напоследок: — Удачного дня, мой кесарь.

* * *

Дорогу нашла практически с первого раза, в любом случае было не сложно, так как стоящие на всех входах-выходах охранники опускаясь на одно колено в знак уважения ко мне, заодно и указывали направление движения.

- Да воссияет светило над вашей жизнью, да осветит его свет деяния ваши, да прибудет сияние в помыслах и свершениях. Доброго дня, господа, — сходя в императорскую канцелярию, произнесла я.

И не глядя на склонившихся при моем появлении подчиненных, направилась к своему столу, за которым меня уже ждал Эдогар. И как оказалось, не только он — на столешнице, прикрытая алой, обвитой белоснежной блестящей лентой, розой, лежала белоснежная же папка, на которой уверенным почерком кесаря было выведено «Пресветлое право». Не веря собственным глазам, я подошла, сдвинула розу, открыла папку и затаив дыхание, начала перелистывать страницы. Это было невероятно! На основе всего, что мы вчера проработали с Эдогаром и служащими, на основе оитлонского законодательного творчества, древних законов Прайды, обычаев и традиций Эррадараса, кесарь за одну ночь составил четкий, логичный, пусть краткий и схематичный, но прекрасный свод законов. Я перелистывала и перелистывала страницы, отмечая частное право, публичное право, с некоторым удивлением увидев наиболее скромный из разделов под названием «военное право», и у меня просто не было слов.

Впрочем нет, слова нашлись:

- Работаем, господа, — садясь на свое место, приказала присутствующим.

Работы хватало, задания и направления я раздала еще вчера.

- Эдогар, садитесь, — указала подчиненному на стул рядом. — И ознакомьтесь.

С этими словами передала ему свод Пресветлого права, и с улыбкой занялась конкретно Великими пресветлыми родами. Улыбка не покинула меня даже когда посыльный принес сверкающий серебром, усыпанный мелкими бриллиантиками свиток на серебряном сияющем блюде. Посыльного и сам свиток обыскали и проверили трижды — охранники на входе, два сверкающих серебряными доспехами воина, появившихся прямо из воздуха где-то посреди залы, и вновь в этот воздух отступившими и собственно Эдогар, едва опустившийся на колено эллар, протянул мне послание. Я не удивилась, нет, кесарь же сказал, что усилит охрану, а слов на ветер наш бессмертный никогда не бросал.

Свиток взял Эдогар, он же развернул, еще раз проверил магически, пробежался взглядом по строкам, и лишь после передал мне.

- А мне казалось, послание адресовано мне, — мягко укорив за предварительное прочтение, сказала я.

- Прошу простить, пресветлая императрица, — искренне произнес Эдогар, — я обязан следить за поступающей к вам корреспонденцией, приказ кесаря.

В таком случае о возражениях не могло быть и речи.

И я погрузилась в чтение.

Чтение вышло занятым.

«О, пресветлая Кари Онеиро Элларас Ашери из рода Уитримана дарующих жизнь» — это меня несколько удивило, в принципе накануне я подписывала указы именем Уитримана, без каких-либо характеристик, откуда пресветлому... (я посмотрела на подпись внизу послания) пресветлому Элатену Ларвейну, известно о том, что мой дед был магом жизни? Любопытная деталь.

Далее на практически все пространство свитка следовало перечисление пожеланий мне. Пожелания отличались витиеватостью слога, но отнюдь не разнообразия — пресветлый желал света, сияния, светила над головой и прочего. И вот только после всего этого, в одной строке примерно за два абзаца до финала послания, я узрела то, ради чего мне в принципе и написали: «Великие предки завещали равным равно повелевать слабыми». Ну и далее опять перечисления пожеланий, все о том же, то есть о свете. Внизу подпись с перечислением всех титулов и званий этого самого Элатена Ларвейна и на этом все.

В общем и целом я, со всеми моими идеями о создании единого государства, была послана пресветлым примерно так к гоблинам. Вежливо, тактично и непреклонно.

Так мило.

- Юрданар, предоставьте текст послания, разосланного накануне пяти главам Великих родов, — приказала я.

Светлый поднялся, мгновенно принес образец и список тех, кому свитки были разосланы. Вчера мы разослали по всем домам сообщение «Именем света, озаряя Эррадарас великой мудростью, я, император Араэден Элларас Ашери из рода Архаэров, повелеваю с сего дня считать вне закона и государства великие рода, возглавляющие Лунный, Серебряный, Туманный, Хрустальный и Гранитный дворцы». И не важно, что вчера у нас законов еще не было, зато сегодня они, слава кесарю, уже практически имеются, а вот у Великих элларов после получения всеми домами подобного послания, уже точно не имеется сторонников. В принципе в этом и была причина масштабной рассылки. Вторым этапом я планировала использовать вечный как мир принцип — разделяй и властвуй, для чего каждому из глав Великих родов было отправлено послание с предложением объединиться в борьбе против ренегатов. Властитель Лунного дворца отказался первым... что ж, с него и начнем.

— Юрданар, со всеми соответствующими положению пресветлого Элатена Ларвейна эпитетами составьте послание, за два... хм... нет за три абзаца до финала вставьте строку «Великие предки вымерли», и далее все чем положено мараить бумагу в подобных случаях, после предоставить мне на подпись и отправить вышеуказанному пресветлому, — приказала я.

Жестко и безапелляционно, но если мужик умный поймет, что мне в данной ситуации очень нужна показательная в прямом и переносном смысле казнь кого-либо и он идеальная кандидатура на роль жертвы. А вот если не поймет, тогда отдам его кесарю на растерзание...

И тут я поняла, что все еще сияю совершенно неподобающей улыбкой, при одной мысли о том, что у меня есть кесарь. А это аргумент, с которой всем приходится считаться вне зависимости от того, хотят они этого или нет.

Светлые работали быстро — через четверть часа у меня на подписи было послание для владетеля Лунного дворца, и я с радостью его подписала и передала к отправке. Через пять

часов Эдогар завершил с изучением законов, вернув мне их с пометками и пояснениями, причем крайне незначительными. Впрочем, я не была удивлена, зная сколь основательно кесарь подходит к выполнению любого дела. Но он наметил лишь основы, нам полагалось еще расписать каждый из пунктов.

К сожалению, работать я сегодня начала позже, чем следовало, посему время заката наступило неожиданно быстро. Посмотрев на купол, за которым открывался вид на медленно сереющее небо, я решительно закрыла свод законов, и спросила у Эдогара:

- Имеются ли у вас планы на сегодняшний вечер?

Пресветлый с трудом сдержал изумление, и тщательно подбирая слова, ответил:

- Пресветлая императрица желает... продолжить работу?

- Несколько изменить форму деятельности, — пояснила я. — Я планирую посетить столицу... мм... Элиргар, если не ошибаюсь?

- Вы поразительно точны, как и всегда, пресветлая императрица, — заверил меня подчиненный.

Улыбнувшись, продолжила:

- Я планирую посетить Элиргар, наиболее преступную его часть, и найти тех, кто будет способен служить на благо империи. Вы со мной?

На лице светлого отразились эмоции. Целый спектр. От изумления, до практически шока. И это было бы забавно, но тут все снова рухнуло на одно колено. Уже догадываясь о причине подобного поведения, я поднялась, улыбнувшись входящему кесарю. Пресветлый император появился не один, за ним следовал высокий довольно пожилой мужчина, с массивным телосложением, коротко-стриженными темно- каштановыми волосами, квадратным волевым подбородком, и пронизывающим взглядом зелено-желтых змеиных глаз. Новая раса? Сколько их тут еще? И утратив интерес к представителю очередного эррадарасского народа, я со всей искренностью и благодарностью произнесла:

- Спасибо, мой кесарь.

Несколько иронично улыбнувшись, он, продолжая идти по направлению ко мне, поинтересовался:

- За цветок? Не стоит благодарности, нежная моя, мне ничего не стоило вырастить его для тебя.

Цветок?! Смутно, как-то сквозь туман забот и дел, я припомнила, что какой-то цветок вроде как был. Глянула на стол... не нашла, перегнулась через столешницу и узрела несчастное растение, лежащим на полу. Видимо смахнула случайно, передвигая бумаги. К слову роза уже слегка подвяла... Наверное, следовало поставить ее в вазу с водой?

- Вероятно, — подтвердил, подходя кесарь.

Я же, вспомнив о правилах хорошего тона, выговорила:

- Роза прекрасна, мой кесарь.

- Была, — усмехнулся властитель Эррадараса, несколькоукоризненно посмотрев на меня.

Возможно, мне должно было стать совестно, но будем откровенны — где я и где совесть.

- Действительно, — иронично согласился кесарь.

А затем, отступил, открывая моему взору пришедшего с ним мужчину, и сообщил:

- Нежная моя, это Тэхарс, твой телохранитель. За пределами дворца передвигаться исключительно в его сопровождении.

- Как вам будет угодно, мой кесарь, — покорно согласилась я.

И тут появился посыльный. Тот самый, что приносил послание

Владетеля Лунного дворца. Светлый гордо вошел в канцелярию, замер, с занесенной для

следующего шага ногой, смертельно бледнея при виде кесаря, и неловко рухнул на колени в итоге, дрожащими руками держа поднос со свитком, на сей раз усыпанным жемчугом.

Мне лично было интересно что там ответил Элатен Ларвейн, и я уже хотела было попросить, чтобы мне подали свиток, но кесарь молча и сам подошел к дрожащему эллару, взял послание, развернул.

О том, что произойдет дальше, я догадалась прежде, чем все остальные, по одной единственной причине — император улыбнулся. Ласково!

- Не... — начала было я.

Договорить не успела. Они сгорели. Сначала эллар... потом свиток...

Купол над нами растворился и порыв ветра унес черный пепел... затем купол был восстановлен и в напряженной тишине прозвучало ледяное:

- Эдогар.

Мой главный помощник сорвался с места и через миг уже стоял, преклонив колено перед императором.

- Вы пропустили магию определения крови, — холодно произнес кесарь.

Эдогар, ничем не возразив, опустил голову, но судя по тому как сжались его руки, светлый приготовился к смерти. Меня такой поворот событий не устраивал вовсе, ко всему прочему я сильно подозревала, что:

- У владетелей Лунного дворца имеются свои тайные знания, не так ли?

- Да, нежная моя, — не оборачиваясь и продолжая взирать на Эдогара, произнес кесарь. — Одним из них является «Жемчужная смерть».

Я вспомнила, чем был усыпан свиток с посланием... провела параллель со сказанным императором, сделала выводы и перестала сожалеть о смерти посыльного, который, судя по его реакции, о заготовленном был осведомлен. Но, в любом случае:

- Пресветлый Эдогар мне нужен! — безапелляционно заявила я.

Прозвучало столь резко, что обернулся кесарь и изумленно воззрились на меня все присутствующие. Но несмотря ни на что я была непреклонна, и непреклонно же заявила:

- Вы передали под мое управление императорскую канцелярию, и соответственно отныне все ее служащие являются моими подчиненными. И я бы попросила, не казнить моих подчиненных! Пожалуйста.

- Звучит как требование, — усмехнулся кесарь.

- Это и есть требование, мой император, — не стала увиливать я. — И до тех пор, пока это мои подчиненные, я запрещаю их казнить без моего на то разрешения. — Подумала и добавила: — Благодарю за понимание.

После моих слов в императорской канцелярии напряжение казалось достигло предела, складывалось ощущение, что даже воздух стал вязким и словно дрожал, примерно так же, как и все присутствующие.

И тут кесарь неожиданно усмехнулся и иронично поинтересовался:

- Дорогая, можно я его казню?

Шокированная и вопросом, и тоном, и в целом реакцией, я все равно возмущенно ответила:

- Нет!

Кесарь расхохотался, чем изумил не только меня, но и остолбеневших элларов. И направился к выходу, бросив напоследок:

- Жду к ужину, так что не задерживайся в городе, нежная моя.

После ухода пресветлого императора, Эдогар поднялся с трудом и

пошатнувшись, остальные бросали на меня странные взгляды, а я... почему-то улыбалась. И

даже когда натолкнулась на внимательный, изучающий взгляд своего личного охранника, все равно улыбаться не перестала. Зато решила проверить телохранителя на профпригодность и прямо спросила:

- У вас имеется с собой фляга с крепким спиртным?

Змеиные глаза мужика непонятной расы удивленно моргнули

вертикальными внутренними веками, внешние горизонтальные слегка расширились, после чего Тэхарс полез во внутренний карман, извлек потертую кожаную флягу и протянул мне. Торжественно обойдя стол, я взяла ее, с трудом отвинтила крышку, вдохнула аромат содержимого и меня повело... с одного вдоха. Эта вещь определенно была покрепче семечейки.

- Да, вы мне подходите, — заверила заметно удивленного охранника, и протянула фляжку подошедшему Эдогару.

Светлый посмотрел на меня, на флягу, на Тэхарса, молча взял тару, сделал глоток, вернул мне. И пошатывался, пока я завинчивала крышку и возвращала охраннику его спиртное, которое теперь всегда будет у меня под рукой.

Жизнь определенно налаживалась.

- Ну, вперед на встречу приключениям? — весело спросила я у подчиненного.

Эдогар неуверенно кивнул. Не знаю, что там было во фляжке, но похоже пресветлого основательно унесло.

* * *

Императорскую резиденцию мы покидали втроем — я, Эдогар и Тэхарс, который продолжал так же странно и внимательно на меня смотреть, словно вообще глазам своим не верил.

Когда вышли на порог Радужного дворца, взгляду нашему представилась ведущая вниз лестница ступеней примерно так тысяч на пять-шесть. Эдогар, поглядев на этот внушительный путь, протянул руку — из центра его ладони появилось серебристое сияние, засияло, заискрилось увеличиваясь и образовало жемчужно-серебристый плащ с уже знакомой мне руной власти в качестве орнамента. Плащ с поклоном был подан мне, на что я выразительным жестом продемонстрировала, что одежды как бы и так достаточно. И тут, мой безмолвствующий доселе телохранитель, нечеловеческим низким рычащим голосом проговорил:

- Светлая леди не покидает пределов дома без руны принадлежности. Особенно леди, подобная вам.

С удивлением посмотрев на него, я не удержалась от вопроса:

- А вы вообще кто?

Тэхарс промолчал, несколько зло глядя на меня. Зато Эдогар, продолжающий все так же протягивать мне плащ, любезно уведомил:

- Это дракон, пресветлая императрица. Один из древнейших и сильнейших представителей своего народа, раз сумел принять человеческую форму и удерживается в ней.

И вот тогда Тэхарс прогрохотал своим жутким голосом:

- Сильнейший.

Совершенно не по-королевски я удивленно уставилась на него. Дракон? Как крылатый чешуйчатый монстр мог ужаться до подобных размеров? И кстати — а почему у нас в Рассветном мире не было драконов? Или были, но может вымерли? Надо будет у кого-нибудь узнать. У кесаря! И заодно поинтересуюсь, как этот конкретный утрамбовал себя до столь скромных, по меркам этих летающих гигантов, размеров. И еще один прелюбопытный вопрос — с чего бы

сильнейшему представителю крылатого народа охранять одну маленькую меня? А, впрочем, о чем это я, охраняют не меня, а ценный, вывезенный из Рассветного мира кадр. Мм, подумаю об этом завтра.

- Так, время, — напомнила я своим провожатым.

И без возражений накинув плащ на плечи, присела и коснулась ладонью лестницы.

Запредельное количество ступеней тот час же сократилось до десяти, самым невероятным образом. То есть стоя наверху, я видела, что расстояние до подножия холма оставалось впечатляющим, там внизу едва что-либо можно было хорошо разглядеть, но ступеней стало всего десять. Каким образом?

Эдогар, натянув перчатку, предложил мне руку. Ухватившись за его локоть, я ступила на первую ступеньку, он за мной, дракон за нами следом. Переход на вторую ступень был какой-то головокружительный, словно на миг я оказалась в состоянии свободного падения, то же чувство посетило когда продолжили спуск.

А едва сошли с лестницы, все стало как прежде, в смысле более ничего не кружило голову. Я обернулась — лестница в прежнем многотысячноступенчатом состоян и и.

- Поразительная у вас светлых магия, — задумчиво произнесла я.

- Это магия крови, пресветлая императрица, — сообщил, окончательно поразив меня Эдогар.

Поразили не столько слова, я догадывалась что у кесаря многое с кровью связано — достаточно вспомнить его эпическое испытание моей крови, да и активация лестничной магии так же проходила с кровью, так что удивило не это — а тон, с каким были произнесены эти слова. Что-то неуловимо-осуждающее, с тонкой ноткой первобытного ужаса... Странно, не правда ли.

И тут Тэхарс прогрохотал:

- Император Араэден слышит голос этого мира, способен пить свет жизни Эррадараса, оттого ему подвластна магия, что течет в телесных реках.

- Телесные реки? Я так понимаю это вены?

- Истинно так, пресветлая императрица, это нити жизни, — произнес Эдогар.

Дракон с достоинством кивнул. А я поняла главную проблему этого жителей этого мира — склонность к излишнему иносказательному словоблудию! Нет, может я, конечно, предвзята, но во имя Великого Белого духа, если у них столь явные расхождения в названии обычных банальных вен и артерий, то страшно представить, как тут обстоят дела с мерами весов и расстояний. А к слову:

- Уважаемый Тэхарс, а не подскажете ли вы, какое расстояние до Элиргара?

Ответ последовал незамедлительно:

- Четыре крыла.

Кивнув, в знак того, что он был услышан, я повернулась к Эдогару. Пресветлый сообщил:

- Пятьэлих.

Очаровательно! И разобраться с этим тоже предстоит мне.

Эдогар не говоря ни слова, создал портал, помог мне войти в него, а вышли мы уже у ворот столицы. Ворота не впечатляли. Основой их были два каменных светлых воина в доспехах и с крыльями на шлемах, их соединенные концами копья создавали арку, через которую все проходили в город по сверкающей белой дороге. Забора кстати не было, но судя по сухой почве вокруг, никто не стремился пройти коротким путем, все входили исключительно по дороге. И тут одно из двух — либо очень законопослушные, либо... присмотревшись к груде лохмотьев вдали на границе города, поняла, что определенно здесь присутствует второе «либо» и кто рискнет войти на территорию Элиргара не по дороге, останется валяться очаровательной грудой костей. Жестокий мир, что тут скажешь.

- Охранку вокруг города убрать, — решительно входя в ворота, приказала я.

Эдогар молча достал свиток, внес указание.

Войдя за городскую черту, я остановилась, с интересом разглядывая длинную широкую улицу, заставленную магазинами, лавочками, и домами с широкими окнами внизу, и неожиданно крохотными наверху. Везде гуляли красивые девушки... человеческие девушки. В ярких легких струящихся одеяниях, с распущенными расчесанными до блеска волосами, и в крайне дешевых украшениях.

- Я так полагаю бордель? — прямо спросила у попутчиков.

Эдогар нервно закашлялся, зато дракон честно ответил:

- Да, сладкие чертоги для отверженных.

К слову — нас заметили. Но если в первый миг девушки окидывали заинтересованными взглядами, то стоило им увидеть руну на моем плаще, как улицы мгновенно опустели, а на пороге каждой лавки появились коленопреклоненные люди, как я понимаю владельцы. И как я поняла приглядевшись — светлые. Это несколько удивило.

Удивило настолько, что проходя мимо пятой по счету лавочки, я не выдержала и направилась к вывеске, недвусмысленно заявляющей: «Самые сладкие прелести».

И была остановлена Тэхарсом. Дракон молча преградил мне путь, а в ответ на мой вопросительный взгляд, ехидно поинтересовался:

- Интересуетесь человеческими девушками? — И тут же жестко и непреклонно: — Недопустимое увлечение для пресветлой супруги императора Араэдена!

Внимательно глядя на него, я спокойно поинтересовалась:

- Простите, уважаемый Техарс, напомните, если вам не сложно, в момент представления вас кесарем, прозвучали слова: «Нежная моя, это Тэхарс, твой телохранитель» или «Нежная моя, это Тэхарс, твоя нянька»?!

Лицо дракона пошло пятнами. Чешуйчатými. А затем он молча и медленно отступил с моей дороги.

Так то лучше.

Ничего не говоря более, я прошла к лавке, остановилась в двух шагах от склонившегося эллара и произнесла:

- Светлых дней, уважаемый.

Мужчину затрясло, он склонился еще ниже и торопливо проговорил:

- Да воссияет светило над деяниями, да благословенны светом будут дни ваши, пресветлая императрица, да...

- Да достаточно. И поднимитесь уже. — оборвала я его. И поинтересовалась: — Позволено ли мне будет войти?

После этого вопроса светлый потрясенно воззрился на меня, а я отстранение отметила, что кожа у этого конкретного эллара чуть темнее, чем у того же Эдогара, да и прочих служащих императорской канцелярии. И нет, это не было оттенков как у кесаря, другой, чуть землистый, не слишком приятный на мой человеческий вкус. Светлый, неуверенно встав, посмотрел почему-то на Эдогара, потом с промелькнувшим в глазах ужасом на Тэхарса.

- Уважаемый, — привлекла я его внимание, — похвально, что вы уделяете внимание моим сопровождающим, но вопрос задала я, будьте любезны ответить мне!

Эллар, сглотнув, поправил дешевый потертый кремовый камзол и нервно ответил:

- Я искренне сожалею, но мне нечем порадовать высочайший вкус, пресветлая императрица.

Если по его мнению это был исчерпывающий ответ, то торговец ошибся.

- Почему? — прямо спросила я.

Побледнев до бело-серого оттенка, эллар нервно выговорил:

- За время правления пресветлого Элионея, город несколько... изменился... — он сглотнул, вновь поглядел на моих спутников, но так как я всем своим видом выражала готовность слушать, был вынужден продолжить: — Темные не отличаются терпением, и желанием скрывать низменные потребности так же... Все дома наслаждений были перенесены в начало города, чтобы темные... не тратили время на поиски и... И так же изменен ассортимент... — он гулко сглотнул, — любовных... приспособлений и прочего...

Великий Белый Дух, там что, есть что-то похуже той книжечки с картинками, которую кесарь совал всем своим блондиночкам? Как интересно...

И тут мужик рухнул на колени, и простонал:

- Пощадите, пресветлая императрица!

- В смысле? — не поняла я.

- В смысле кесарь здесь с землей сравнивает, если вы это узреете, — мрачно сообщил мне Тэхарс.

Светлый при этих словах застыл.

- Сомневаюсь, — сказала я, решительно обходя светлого и направляясь ко входу.

- Гарантирую, — прорычал дракон. И вдруг добавил: — Или я сам сожгу, к проклятому пламени.

Игнорируя его заявление, я решительно вошла в лавку, бросив через плечо:

- Полномочий няньки вам никто не передавал, если помните.

В лавке оказалось... увлекательно. В том смысле есть смотреть с точки зрения увлечений некоторыми штуками... Мне лично все это напомнило Готмир и незабвенную картину рыжего воинства покоряющего ЭТО у рыжего и... и в груди все сжалось от тоски. Отмела ненужные эмоции в единый миг, повторно огляделась. Не могу сказать, что мне было на что здесь смотреть, но вот кое-что весьма и весьма привлекло внимание. Небольшая книжечка с черной обложкой без названия и прочего.

Подойдя, я брезгливо приоткрыла и да — там были картинки.

Очень... хм... своеобразные картинки, подобные коим я уже имела несчастье видеть.

- Пресветлая императрица, — раздался дрожащий голос торговца, — это трактат о плотской любви темных. Мы уничтожим все подобные издания сегодня же, они оскорбляют чувства светлых!

Да ладно, кесарь вон светлый, а чувства у него ни разу не оскорблялись.

- Посещают ли сейчас данные увеселительные заведения? — закрывая книгу и поворачиваясь к светлому, спросила я.

Нервно вытирая вспотевший лоб, эллар ответил:

- Они... пользовались спросом в любое время, пресветлая императрица, лишь несколько меняясь исходя из запросов. В Эррадарасе много... тех, кто нуждается в... веселых девушках, чтобы... развеять грусть...

Он так старательно подбирал слова, что это даже было забавно. Складывалось ощущение, что по мнению этого конкретного светлого я вообще понятия не имею, что между мужчинами и женщинами бывает что-либо кроме... хм, веселого время препровождения, в смысле сидят и улыбаются вместе.

И меня уже подмывало сообщить торговцу любовью, что я достаточно взрослая, чтобы знать о телесной стороне отношений между людьми, как вдруг предположила невероятное — он действительно убежден, что мне совершенно ничего не известно об... увеселениях. Внимательнее взглянула на эллара, поняла что торговец от стыда готов провалиться под землю, взглянула на Эдогара — та же ситуация. Тэхарс же смотрел на меня подозрительно прищури-

глаза... то есть он допускал мысль, что я в курсе проекции чего здесь раскиданы в разных вариациях.

Но почему светлые думают иначе?!

- Уважаемый, — обратилась я к торговцу, — а эти книги, — указала на безобразия с похабными картинками, — пользуется спросом у светлых?

- Нет! — возмущенно воскликнул эллар.

Возмущение показательным не было. И это удивило. До крайности. Надо будет разобраться.

Поблагодарив за внимание и пожелав света над его деяниями, я покинула лавку сомнительных наслаждений, и задумчиво отправилась по дороге вглубь города. Подумать было о чем. К примеру о том, что кесарь светлый, а у него подобная книженция была. И учитывая, что взять ее из Эррадара он никоим образом не мог, приходится предполагать, что книженция была воссоздана нашим бессмертным самостоятельно. Ну оно и не удивительно, Великий скучал в своей скажем так «тюрьме», и пытался разнообразить досуг. Это-то ясно, не ясно откуда у него в принципе была подобная литература, если, насколько я поняла, светлые к извращениям не склонны.

Но почти сразу память подкинула отложенное на потом — информацию о происхождении императора.

- Пресветлая императрица, — обратился ко мне Эдогар.

- Позже, — отмахнулась я.

Продолжая размышлять.

Итак, вспомним представление:

«Тьмы вам, Архагарандар Властитель Ночи, из рода Архаэров впитывающих силу».

«Света тебе, Великий Араэден Элларас Ашеро из Радужного рода и рода Архаэров впитывающих силу».

Кесарь произнес «Архагарандар Властитель Ночи, из рода Архаэров впитывающих силу», где «Архагарандар» — это имя, «Властитель Ночи» получается что титул, а вот дальше шло упоминание рода. «Архаэров впитывающих силу» — правильное было бы сказать поглощающих... пожирающих, высасывающих, а что касается кесаря то и вовсе «выцеловывающих». Хм, забавно звучит «Из рода Архаэров выцеловывающих силу».

- Что вас так развеселило? — поинтересовался дракон.

Не стала отвечать, и рассеянно подумав, что это не веселость, это усмешка, причем горькая. Но не суть, идем дальше. Итак, забавно, но факт — у нас во врагах темный, с пятью темными сыновьями, и наш великий бессмертный кесарь, который по идее светлый, но тоже «из рода Архаэров впитывающих силу». Каким образом сила Архаэров перешла к кесарю гадать причин нет — император милостиво уведомил, что этот самый Архагарандар Властитель Ночи является его отцом. И достаточно вспомнить Эллиситорес, светлую леди до мозга костей, чтобы понять более чем очевидное — забеременела она от темного явно не по своей воле. Тут имело место насилие, и не иначе. Жаль, мне пока не известно, был ли на тот момент у пресветлой официальный светлый муж, но думаю выяснить это сложностей не составит... а кстати:

- Эдогар, кто правил в Эррадаре до воцарения Великого Араэдена?

Эллар мгновенно ответил:

- Пресветлый Эллар, о... — и вот тут мы выразительно запнулись, но все же продолжили, — отец Великого Араэдена и пресветлого принца Элионея.

Надо же, то есть кесарь сходу «Великий», а его братик так только «пресветлый». И казалось бы дань уважению, но нет — стало предельно ясно, что о том кто является истинным папочкой кесаря в Эррадаре известно всем... Мда, любопытно. Но это более чем объясняет, почему светлый кесарь склонен к темным извращениям. Да и более смуглый цвет кожи получил свое

обоснование.

И переходим к крайне заинтересовавшему меня:

- Эдогар, у меня к вам конкретный, но довольно интимный вопрос — как часто светлые навещают своих жен в их спальнях?

Выражение лица главы моей канцелярии стало крайне потрясенным. Но я требовательно смотрела на него, ожидая ответа, и сановник попытался ответить. Действительно попытался... однако не смог.

На помощь к нему неожиданно пришел Тэхарс:

- Столько, сколько желают иметь детей. Одно посещение — один ребенок. Время соития тщательно рассчитывается, вмешательство магии обеспечивает желаемый пол ребенка.

Что ж, ожидаемо, но крайне странно.

- А... как же увеселения? — мне правда было интересно.

- Рабыни, — со смешком ответил дракон.

Тогда все логично. Жена для разведения потомства, как и в большинстве аристократических семей в том же Оитлоне, многочисленные любовницы для души и прочего. Вполне понятно, не ясно лишь другое — по мнению торговца, я понятия не имела о том, откуда берутся дети... У светлых леди все настолько плохо? И исключительно для того, чтобы просто в ситуации разобраться, задала последний вопрос:

- Вмешательство магии так же обеспечивает после ночи исполнения супружеского долга провал в памяти у светлых леди?

Рассмеявшись, дракон уважительно протянул:

- А вы сообразительная штучка, пресветлая императрица.

Эдогар же возмущенно воскликнул:

- Дочери света должны хранить святость, чистоту и непорочность помыслов! Да, мы скрупулезно бережем своих жен от низменной стороны мужских желаний... о... простите, пресветлая императрица.

- Да ничего-ничего, возмущайтесь, я совершенно не против, — мило ответила ему.

И далее по дороге мы пошли молча. Тэхарс усмехался и издевательски поглядывал на бледного Эдогара, Эдогар явно терзался мыслью о том, что мне наговорил, а я... я... я вообще не могла понять, с чего кесарь спит со мной в одной постели, причем не стесняя себя одеждой, если он сам назвал меня женой!

Нужно будет обязательно за ужином узнать какого вообще дохлого гоблина, он столь не бережет не только ценный вывезенный с другого мира кадр, но и собственно императрицу и супругу. Между прочим я тоже желаю, чтобы мои святость, чистоту и непорочность скрупулезно оберегали, не вынуждая переодеваться при некоторых и спать с ними в одной постели. Это неприлично даже по меркам моего мира, не говоря о мире кесаря.

Вернусь скандал устрою!

С этими мыслями я свернула в ближайший проулок, надеясь покинуть длинный, очень длинный квартал борделей. Насколько длинный, что меня уже начала напрягать любвеобильность темных... Хотя, кесарь вон темный лишь наполовину, а о его любвеобильности в Рассветном мире легенды ходят. Ходили...

Тоска нахлынула снова, да так что вздохнуть тяжело стало.

Усилием воли отстранилась от подобных мыслей и перешла к насущному — поиску обители организованной преступности. Она нужна была мне как, пожалуй, самый надежный из источников информации об этом мире. И информация была мне жизненно необходима. И не столько для того, чтобы строить империю светлых, сколько для подготовки как минимум семи вариантов возвращения домой, помимо того, что мне гарантировал кесарь.

И не потому что не доверяю, напротив император всегда держит данное слово, вот только мне вовсе не хочется представлять, по каким причинам спустя год я могу отказаться от возвращения домой.

Я остановилась на следующем перекрестке, внимательно огляделась, уделяя пристальное внимание покрытию дороги. Мне нужен был указатель. Что-либо, что указывало бы на нахождение здесь элементов, не готовых к примеру поднять сломанное лезвие с дороги, потому как это очень плохая примета. Одна проблема — перекресток был пуст (ну это то понятно, мой плащ с руной принадлежности давно весь город распугал, по крайней мере сколько идем — на улицах никого, окна плотно закрыты, лавчонки так же) и чист. Последнее обстоятельство не радовало вовсе.

- Пресветлая, что вы ищете? — насмешливо поинтересовался Тэхарс.

Того, кто не побоится рассказать мне ту информацию, упоминать о которой вам запретил кесарь.

- Ищу приятного собеседника, — в тон ответила дракону.

Еще раз осмотрелась — перекресток двух равнозначных пешеходных дорог, к слову город похоже весь был предназначен исключительно для пешеходов, чистые выстроенные из белого камня стены окружающих зданий, чистая выбеленная дорога. Нет, определенно не то.

И я двинулась дальше, старательно глядя себе под ноги. Гнев рассказывал, что любые преступные сообщества исключительно всегда, создают метки, по которым их можно найти, нужно лишь уметь видеть то, что выбивается из общей картины. Правда сложность в том, что мне и общая картина не особо известна, но я искала. Шла по абсолютно пустым дорогам, делая вид, что совершенно не заметила двух драконов в небе, и нескольких следующих впереди на значительном расстоянии светлых. Уж не знаю, кто озаботился, но похоже все, что мне планировали показать — это город. Пустой город. Случайно не это ли имел ввиду кесарь, сказав, чтобы я возвращалась к ужину? Не знаю, на кого он рассчитывал — на Эдогара, или же на Тэхарса с его драконами, но если отсутствие преступности, то сильно просчитался. Как минимум потому, что год здесь правили темные, и как максимум, потому что никогда не шел на сговор с преступностью, не считаясь с ее возможностями по причине обладания феноменальной силой. У меня феноменальной никогда не было, посему я преступниками и не брезгую, чего видимо нашему бессмертному не понять.

Еще не менее получаса я бродила по улицам, под нарастающие смешки не обременяющего себя правилами приличий Тэхарса, а затем нашла!

Это, как я и ожидала, оказалось лезвие. Сломанное лезвие ножа, едва заметно поблескивающее в щели между стеной и дорогой.

- Что-то нашли? — поинтересовался Тэхарс.

- Угу, новую грань отчаяния, — язвительно ответила я.

И свернула, следуя указателю.

Следующей подсказкой была сломанная монета, я сделала вид, что не заметила ее и прошла, наступив. Затем, до упора пройдя в конец узкого проулка, я остановилась, оглядывая казалось глухие стены.

Здесь обязательно должен был быть наблюдающий, гарантированно должен был быть — но я была встречена звенящей пустотой. Это несколько огорчило, как и сгущающиеся сумерки, не позволяющие мне достаточно внимательно исследовать стены.

- Уважаемый Эдогар, вы не могли бы мне посветить? — поинтересовалась я у явно шокированного моим поведением главы моей канцелярии.

- Я могу, — перебил попытавшегося ответить светлого Тэхарс, протянул руку и от его ладони вверх метнулся столб рычащего пламени.

Естественно, нормального света пламя не давало — огонь же. И судя по довольной усмешке дракона именно этого он и добивался.

Что ж, я посмотрела на явно издевающегося Тэхарса, на не рискнувшего ему возразить Эдогара, на огонь... набрала побольше воздуха и со всей мочи заорала на весь город:

- Пожааааааар! Горииим! Спасайся кто мооооожет!

Чем шокировала до невероятности светлого, потрясла дракона, и заставила испуганно приоткрыть дверь действительно находящегося здесь наблюдающего. Последний, приоткрыв, каменную, имитирующую кладку, дверь, попытался прикрыть обратно, но было поздно:

- Открывайте, уважаемый, — потребовала я, развернувшись к столь долго отыскиваемому объекту. — И по-хорошему. Мы ведь не хотим, чтобы присутствующие поблизости драконы разобрали ваше специфическое заведение по кирпичику, не так ли?

Нервно вздрагивающий светлый, какой-то на удивление тощий гнутый, нехотя открыл дверь. Я прошла с гордым видом победительницы, воспользовалась нехотя предложенной рукой Тэхарса, чтобы с королевской грацией спуститься по узкой винтовой лестнице вниз, под город, чтобы с самой очаровательной улыбкой явиться в широкий просторный зал с кирпичными стенами, заполненный сидящими за низкими столиками преступниками Эррадараса, сверкающем в углу заготовленным видимо для бегства порталом и восседающим на троне темным.

Да, королем преступного мира оказался действительно темный. С темной кожей, красными глазами, черными ниже плеч волосами и клыкастой улыбкой, сверкнувшей в полумраке сего скрытого от глаз заведения.

- Невероятно, — низким волнующим голосом произнес тот, кого я особо еще не разглядела.

- Удачного вечера вашему дому, — я решила, что подобная фраза придется к месту.

Сотник нередко упоминал, что для преступных сообществ в чести начинать разговор с доброго пожелания «хате».

И попала в точку.

Обернулись самые мрачные из сидящих и до того меня игнорирующих, без подозрительности, оценивающе посмотрели стоящие у входа громилы и поднялся со своего подобия трона темный король криминала. И двигался он крайне примечательно — грациозно перетекая из одного шага в другой, держа спину прямо, плечи развернутыми. Своей походкой он напомнил мне Гнева, но в данный момент я могла лишь сожалеть о потере столь ценного шпиона. Ладно, будем работать с чем есть.

Я стояла абсолютно спокойно пока темный приближался, не выказала ни тени страха или нервозности, когда он, игнорируя явственное рычание Тэхарса, дважды обошел меня по кругу. Просто уже знала, что не стоит демонстрировать недоверие и опасения, раз уж сама заявила куда не звали. А когда, завершив действовать мне на нервы, темный встал передо мной, мило улыбнулась и представилась:

- Кари Онеиро, пресветлая императрица Эррадараса. Чем вы можете быть мне полезны?

Темный вопросительно выгнул бровь, намекая что как бы я должна говорить о том, чем могу быть полезна ему. И в принципе он был прав, если бы не одно маленькое «но» — он был темным. Темным на территории светлых. Нет, будь он элларом я бы несомненно повела себя иначе, но будем откровенны — мужик слишком осторожно повел себя, я не услышала в принципе ни единого оскорбления, а тот же Сотник проверяя меня на прочность бранных слов не чурался, а значит оценил как мое появление, так и выпавший ему шанс. Оценил и уже был готов сотрудничать.

И темный лишь подтвердил предположение, с ироничным восхищением протянув:

- Вы проникательны, моя императрица.

В этот момент я отчетливо поняла — мы сработаемся.

Обернувшись и через плечо приказала Эдогару:

- Поднимитесь наверх и лично проконтролируйте, чтобы нашей беседе не мешали. Тэхарс, вы со мной.

И вопросительно посмотрела на темного. Вспомнив о гостеприимстве, он радушно указал рукой на едва ли приметный проход между замшелыми колоннами, и следуя правилам преступного мира направился туда первым. Я за ним, очаровательно улыбаясь подскочившим с мест убийцам, ворах или чем они тут отличились. Не знаю. Учитывая, что в Эррадарасе до сегодняшнего утра толком законов не было, я вообще понять не могу, с чего они в преступный мир затесались.

Темный провел меня мимо колонн, под арку в чистой скальной породе, к территории отгороженной от всего прочего кирпичной кладкой, первый вошел за деревянную дверь и приказал кому-то «Исчезли!». Не то, чтобы я хотела это увидеть, но заметила как три полуобнаженные девушки юркнули за дверь ведущую куда-то в соседнее помещение и... отказалась идти куда звали. Темный не сразу осознал, что я остановилась, но поняв это обернулся, вопросительно посмотрев.

- Залы отдыха бывают различных типов, это не тот, где я соглашусь с вами беседовать, — произнесла совершенно спокойно.

И уловила тень замешательства на лице темного. Но он не растерялся, быстро позвал подручных и вскоре для нас был организован стол, стулья и светильники у кирпичной стены, а громилоподобные охранники встали в отдалении, чтобы не иметь возможности слышать и слова. Я же в момент подготовки обстановки, вдруг как-то невольно подумала, что... кабинет кесаря во дворце по факту) располагается в спальне. И к слову он завтракал с матерью прошлым утром так же в спальне. Причем моей! Ну ладно, допустим его спальне, но сути это не меняет, и по факту похоже у них тут спальня нечто гораздо большее, чем к примеру в моем мире. Ну, как минимум, я бы никогда не стала вести переговоры с врагами из собственной спальни, а император вел...И если рассматривать в этом контексте, то возможно я была не совсем права, демонстрируя безапелляционный отказ вести беседу в удобном для темного месте.

- Прошу вас, — хозяин притона вежливо указал мне на стул.

Я обернулась и не особо вежливо указала Тэхарсу на остальных охранников, которые удалились на весьма приличное расстояние.

- Не выйдет! — проявил в очередной раз свой сложный характер мой телохранитель.

- Все-таки вас неверно представили мне? — поинтересовалась с нескрываемым сарказмом.

Не отрывая от меня гневного взгляда, дракон молча, спиной вперед, отступил около двадцати шагов. Оказавшись посередине между остальными охранниками и нами. Удовлетворенно кивнув, я прошла и села, на любезно пододвинутый для меня стул. Темный устроился напротив, вальяжно откинулся на спинку стула и представился:

- Юранкар.

То есть на «Ю», значит магически одаренный. Третья ступень силы, практически лишенный боевых навыков, но обладающий способностями в практической магии. Впрочем глядя на него, я допустила, что как раз-таки боевых навыков этот конкретный темный не лишен. Вовсе не лишен. Слишком уж плавно двигается, слишком уверен в себе, ну и последний аргумент — преступные сообщества редко терпят слабаков в управлении, если конечно слабость не обусловлена преклонным возрастом. Здесь же до преклонного явно было далеко.

- Катриона, — представилась в свою очередь. И начала с вопроса: — Что продолжает удерживать вас на территории Эррадараса?

Просто он темный же. Все темные спешно покинули земли света вчера, этот же почему-то

остался. Интересно почему?

Юранкар ответил предельно честно:

- Разногласия с правителями Тэнетра.

- Тэнетра? — переспросила я, впервые услышав данное названия.

- Эррадарас — империя светлых, Тэнетр — земли темных.

То есть не империя, а земли. Вот как. Я улыбнулась темному, благодаря за информацию, и решила осторожно прощупать почву, начав с насмешливого:

- Под правителями, вы имели ввиду папочку и пятерых сосунков рода Архаэр?

Глаза темного вспыхнули красновато багряным отблеском, и он ответил:

- Именно их. Только количество сосунков вы сильно переоценили, Аразн- Принц Ночи давно проявил свой характер и доблесть. К примеру, — усмешка, — лично казнил вашего супруга, пресветлая.

Ммм, не я одна почву инспектирую, как мило.

Очаровательно улыбнулась в ответ, и произнесла то, что несомненно уже завтра станет легендой:

- Лично казнил?! Кесаря?! Юранкар, я сочла вас умным и достойным доверия темным не разочаровывайте меня. Моего великого супруга и императора не казнили, он позволил совершить попытку казни и использовал трех не в меру ретивых и младенчески наивных противников, чтобы открыть путь в иной мир, за триста истекших там лет полностью подчинить его себе, обрести невиданную в Эррадарасе силу и меня, и возвратившись, за несколько часов вернуть свой дом.

У темного оказалась прекрасная выдержка. Настолько превосходная, что несколько секунд после моих слов, он продолжал сидеть с видом совершеннейшего спокойствия, и лишь затем хрипло спросил:

- Вы дитя иного мира?!

Не говоря ни слова, я сняла удерживающий покров обруч, следом стянула покров, и с наслаждением, иначе и не сказать, распустила свои совершенно черные волосы.

Со стороны темного послышался сдавленный хрип. Затем Юранкар вскочил, да так что его тяжелый стул упал с грохотом на камни. Мужчина резко наклонившись, подхватил его, вернул на место, сел, и потрясенно глядя на меня выдохнул:

- Черная звезда!

И что-то мне подсказало, что это он не перевод имени, данного мне кесарем, озвучил.

- Вы — Черная звезда! — повторил, практически задыхаясь, темный.

«Только не очередное пророчество» — устало подумала я.

- Это пророчество! — на выдохе, прохрипел Юранкар.

Безумно счастлива! Сейчас станцую, прямо как гоблины!

- Уважаемый Юранкар, оставьте прорицания вкупе с пророчествами безумным гадалкам. Сядьте, успокойтесь и...

И тут я неожиданно подумала — стоп. В прошлый раз я совершенно наплевательски отнеслась к пророчеству. Абсолютно наплевательски, и в итоге оказалась здесь. Глупо было бы повторно свалиться в ту же яму.

- В смысле, — мило улыбнулась, — вы продолжайте- продолжайте, я вся одно сплошное внимание. Так что за пророчество?

Но темный, вместо ответа, лишь покачал головой, и сцепив пальцы сложенных на столе рук, все так же хрипло ответил:

- Есть древнее пророчество о сиянии Черной звезды, что придет из иного мира. Сиянии, что затмит земли врага и подчеркнет истинный свет союзника... И ее сияние подчинит весь мир.

Он посмотрел на меня, пристально, прямо в глаза и едва слышно продолжил:

- Свет и Тьма изначально равны во всем и соперничество за территории никогда ни к чему не приводило. Равновесие невозможно было нарушить, мир сам заботился о том, чтобы силы противников были равны. Вот только у нас, тэнеров, перенаселение, и новые земли нужны нам как воздух. Веками темные искали способ ослабить элларов... Путем невероятных жертв, они добились того, что у светлых перестали рождаться лорды высшей силы, в отличие от сыновей правителя Тэнетра, но... полукровка император Араэден превзошел в силе их всех, и равновесие вновь было восстановлено. Его попытались убить, и почти год все были убеждены, что Араэн Принц Ночи достиг желаемого... Но вы правы, император использовал наивность врагов, с их помощью отправился в иной мир и вот вернулся с вами... С легендарной Черной звездой... Он все рассчитал заранее. Равновесие будет нарушено.

«Ну и кесарь!» — восхищенно подумала я.

Нет, я знала, что все было немного не так, но итог то действительно впечатлял.

- Итак, — медленно проговорил темный, — Тэнетр падет.

- Знаете, если со всем вышеозвученным я могла бы поспорить в отношении некоторых деталей, то вот с вашим последним заявлением полностью согласна. Вы правы, у темных ни шанса.

И я улыбнулась. Боюсь, что ласково и невольно копируя мимику кесаря. Темный воззрился столь потрясенно, что, перестав улыбаться, я перешла к делу:

- Так чем вы можете быть мне полезны?

Юранкар, сев роднее и подумав несколько секунд, начал говорить:

- Я могу предоставить вам возможность отслеживать перемещения войск по Тэнетру. Мои тэны готовы по первому вашему требованию установить слежку за выбранными вами лицами. Что-нибудь еще?

- Мне нужна информация. О мире, его устройстве, обычаях и традициях как темных так и светлых. А так же, хотелось бы узнать, чем я могу быть вам полезна.

Темный не стал юлить, спокойно глядя на меня, он сообщил:

- Торговля спиртным на территории Тэнетра находится в руках правящего дома. Винокурни, питейные заведения, поля с дурманными ягодами — принадлежат им. Это огромные деньги, моя императрица, и я бы хотел...

- Возглавите гильдию питейных дел мастеров, — сходу решила я.

Чуть прищурившись, Юранкар переспросил:

- Гильдию?

- Гильдию, — поправила я. И добавила: — Иными словами — объединение мастеров, ассоциация, союз на основе рода деятельности. В моем мире ремесленники и мастера объединяются в гильдии для защиты своих интересов, лоббировании законов, организации сети торговых точек, закупок оборудования и прочего. Это удобно, экономически выгодно и позволяет снизить уровень контроля государства, способствуя свободной торговле.

Едва ли темный понял половину из сказанного мной, но суть уловил:

- Свободная торговля без... границ, произвола властей и можно будет выводить новые сорта дурманных ягод?

- Конечно, — подтвердила я.

С шумом выдохнув, Юранкар решительно произнес:

- Я ваш.

Я ни мгновения в этом не сомневалась, но ответила темному благодарной улыбкой, и начала с главного:

- На территории реки Эхеи моя карта продемонстрировала белые пятна. Что там?

- Острова свободных. Свободных людей.

Что забавно — Эдогар говорил о них с явным пренебрежением, в голосе же темного отчетливо слышалось уважение.

- В нашем обществе, как среди светлых, так и среди темных, — продолжил Юранкар, — людей принято считать тупыми, недоразвитыми, остановившимися на нижней ступени развития существами. В Эррадарасе люди что-то вроде скота — их разводят, подгоняя под нужды хозяев. Они же предмет торговли между лордами... говоря откровенно, отдельные породы приобретают даже темные. К примеру сорт златовласых наложниц производят только на юге Эррадараса, или вот — лучшие бойцы выращиваются на севере, там их растят в столь жестких условиях, что выживают один из двадцати, но зато это сильнейший и выносливейший боец, в чем-то равный даже нам, темным.

Говоря откровенно, слышать, что люди в этом мире это не просто рабы, а фактически скот — было мерзко. Узнать, что у людей есть «сорты» — еще более мерзко. Хотя допускаю, что возможно мой мозг интерпретировал это слово неверно, но менее мерзко от этого не становилось. Но я сидела, мило улыбалась и слушала. Слушала внимательно, жадно ловя каждое слово. По стенам горели шипя и искрясь факелы, стол, за которым мы сидели, приятно пах смолами сосны, сырой холод подвала вызывал желание закутаться в плащ и поджать ноги, потому что туфельки на моих стопах не согревали их никоим образом, но я продолжала сидеть и внимательно слушать, абстрагируясь от любых неудобств. Я нутром чуяла, что услышу что-то важное, очень важное и значительное.

Не ошиблась.

- Но как бы не пытались эллары и тэнеры убедить себя в недоразвитости людей, все аргументы разбиваются о племена свободных. Они оказались достаточно умны, чтобы поселиться на островах, посреди магически изолированной Эхеи. Где вплавь к ним не добраться — соприкосновение с водами Эхеи блокирует магию на семь суток у магически одаренных, и способность двигаться у тех, кто магией не обладает. Сверху к ним не подлететь — «тупые» люди сумели организовать воздушную оборону такого уровня, что сбивают на подлете даже драконов. По воде подплыть становится проблематичным, так как люди выстроили поразительную по своей конструкции систему рифов, управляемых как рычагами, так и срабатывающую автоматически, как только задевается один из датчиков. Много кораблей как темных, так и светлых, сгнули в водах Великой реки. А те немногие эллары и тэнеры, что умудрялись когда-либо проникнуть на острова, сталкиваются с дикими тайше.

- Тайше? — переспросила я.

- Да, — кивнул Юранкар. — Дикие тайше, чем-то похожи на наших ездовых тайше, только крупнее, агрессивнее, опаснее в разы и они совершенно не поддаются дрессировке. Тайше населяют скалистые части островов. Люди огородили свои города и поля высокими заборами, защищаясь от зверей, а если тайше проникают на огороженные территории — прогоняют их странными и неизвестными нам свистками, но не убивают. Смысл людям убивать тех, кто является их третьей линией обороны.

Он помолчал, затем добавил:

- Свободные умны, и пользуются всеми преимуществами своего положения. Они свободно торгуют как с темными, так и со светлыми, правда с нами чаще. Плодородная почва островов, некогда покрытых речным илом, не только щедро кормит племена, но и дает растения и ягоды, которых нет больше нигде по всему миру. Растения — целебны. Именно они главный предмет торговли свободных.

Судя по всему, Юранкар выдал мне все сведения которыми владел, так как договорив, молча посмотрел на меня. Я кивнула, за все той же вежливой улыбкой скрывая свои эмоции, и задала

следующий вопрос:

- Что вам известно о семейном укладе жизни светлых?

Темный, был сильно удивлен моим вопросом, но справившись с эмоциями в похвально быстрый срок, рассказал:

- Дочерей света растят, воспитывают и содержат крайне специфичным образом. Чистота, целомудренность, нравственность и отрицание собственного тела — пожалуй, именно так можно охарактеризовать их бытие. Чисто теоретически леди знают, откуда берутся дети, но не более. Светлые лорды показательно гордятся целомудрием своих жен, их чистотой, невинностью и возвышенностью. Жены делают вид, что им совершенно неизвестно о гаремах супругов, населенных многочисленными человеческими наложницами. Наложницы воспитываются исходя из извращенных вкусов хозяев.

Он помолчал, словно припоминая, затем продолжил:

- У светлых отношения супругов четко регламентированы. Супруг имеет право посещать спальню жены лишь для зачатия детей и на довольно короткий срок. Специальные артефакты избавляют леди от подробностей слияния, я слышал, что большинство свято верят в зачатие от поцелуя. Но утверждать не берусь. Каждое прикосновение, беседа, совместное принятие пищи — так же регламентированы. К примеру супругу не позволительно прикасаться к еде леди или заботиться о ее питании — в идеале дочь света вообще должна питаться одной духовной пищей, и забота о хлебе насущном со стороны супруга — недопустима.

Я вот с трудом после этих слов удержала на лице выражение полной невозмутимости, по той простой причине, что вспомнила наш совместный с кесарем завтрак. И вчерашний завтрак так же. Он заботился. И еще как заботился! Он мне бутерброд намазывал! Это вообще как понимать?!

- Забавно, — все так же с улыбкой проговорила я.

- Да, тут вы правы, — усмехнулся Юранкар, — но даже намек на низменные страсти между супругами запрещен, а кормить любимую женщину, это все же очень эротичный акт.

О да! Я знаю! Я этот эротичный акт прошла трижды — с Аршханом, причем с ним хоть было честно, с Динаром, вот с этим ни разу не честно, до сих пор как вспомню, так и хочется его чем-нибудь стукнуть, и в чисто издевательском формате с кесарем! Тем досаднее, что наш великий и теоретически бессмертный (не будем забывать, что с отрубанием головы я еще просто не пробовала) самым наглым образом продолжает меня кормить! Потакая своим низменным страстям прямо на глазах у матери!

Нет, точно скандал! Грандиозный! С битьем посуды и истерическими воплями! Великий Белый дух, да он же меня даже перед рабынями позорит! Он...

- С вами все хорошо? — осторожно поинтересовался темный.

О да, сейчас правда вернусь во дворец и прибью ко всем гоблинам надежу и опору империи светлых, а так да, все просто замечательно.

- Меня... забавляют традиции светлых, — мило соврала Юранкару. И тут же сменила тему, поинтересовавшись: — У темных иначе?

На лице короля местной преступности расплылась пошловатая улыбка, и он с легкой хрипотцой ответил:

- Совершенно иначе. Иначе во всем, кроме... — улыбка стала чуть шире, — гаремов. Человеческие наложницы слишком соблазнительны, чтобы их не попробовать, и мы переняли у светлых добрую традицию держать про себе наиболее сладкие экземпляры.

Именно в этот момент я окончательно решила, что львиную долю своих стараний направлю на усиление позиций человечества в этом мире! И кстати о людях:

- Мне сообщили, что все еще происходит порабощение свободных людей, но вы только что

рассказали, об их весьма защищенных населенных пунктах. — Произнесла без претензии, мне просто нужна была информация.

- Речь о свободных племенах запада, — пояснил Юранкар. — В основном они скрываются в лесах, я слышал о целых скрытых от глаз и поисковых заклетий подземных городах. Они не так развиты, как те люди, что живут на островах посреди Эхеи, и да светлые лорды любят развлекаться устроением облав, пополняя ряды собственных рабов за счет внешних ресурсов.

Рабство... рабство... рабство... Да, я уже распорядилась о запрете данной практики, но нужно будет лично проконтролировать, чтобы любые нападения на свободных были прекращены.

- Юранкар, а как обстоят дела с человеческим населением в Тэнетре? — задала я следующий вопрос.

- У нас нет рабства, — сразу ответил темный. — Люди могут свободно работать и получать вознаграждение.

Звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, и я, скрывая усмешку, поинтересовалась:

- Свободно работать кем?

- Прислужой, — честно ответил Юранкар, не испытывая ни малейших эмоций по данному поводу. — Уборщиками, дворниками, на фермах и плантациях. Но мы им платим.

Видимо, чтобы не содержать и не кормить, как делают светлые.

- У людей есть права? — продолжила я.

- Какие? — изумился темный. — Они должны быть благодарны, что мы позволяем им жить и работать.

Картина становится все яснее.

- Люди беспрепятственно могут появляться везде? — задала новый вопрос.

- Нет, естественно есть территории, к примеру храмов, где им абсолютно нечего делать.

- Так, — мне становилось все радостнее, — а что если к примеру, темному понравилась человеческая девушка?

- Она его, — ответили мне как само собой разумеющееся.

- Надолго?

- Как пожелает темный. Час, два, три, пару ночей, — невозмутимо ответил Юранкар.

То есть люди бесправны. Абсолютно.

Паршивый расклад. Но я подумаю об этом позже, а пока:

- Не могли бы ваши подчиненные принести мне бумагу и перо? — поинтересовалась у темного короля преступного мира.

Он махнул рукой одному из охранников, тот подошел, в сопровождении моего охранника, выслушав приказ, метнулся в соседнее помещение, и вскоре принес бумагу и карандаш. Определенно это был карандаш — серый грифель заключенный в деревянную оболочку.

- Почему не писчее перо? — поинтересовалась я.

Не успел Юранкар ответить, как Тэхарс сообщил:

- Потому что ценит свою жизнь. Пресветлая, волосы леди под покровом должны быть, это первое, а второе — перо пишет кровью. Неразумно позволять иным, заполучить вашу кровь.

Недоуменно взглянув на него, я ответила:

- Тэхарс, я два дня в этом мире преспокойно писала перьями с чернилами.

Даже не моргнув, дракон пояснил:

- В императорской канцелярии вам опасаться нечего.

Улыбнувшись, спокойно ответила:

- Здесь так же, поверьте мне.

На что получила мрачное:

- Лично я не доверяю ни вам, ни этому ошметку сумрака!

Темный напрягся, но не совершил ни единого резкого движения, продолжая молча сидеть.

Продолжая улыбаться, безапелляционно приказала:

- Тэхарс, двадцать шагов назад и можете продолжать терзаться отсутствием доверия. Исполняйте.

Он хотел было что-то сказать, но я повторила с нажимом:

- Двадцать шагов.

И дракон подчинился, вновь оставляя нас наедине с Юранкаром. Темный, едва дракон отошел, тихо произнес:

- Моя императрица, а вы осознаете кому сейчас рискнули отдать приказ?

- Конечно, — я прямо посмотрела на своего нового подчиненного.

В его взгляде промелькнуло уважение, смешанное с благоговением, и мы перешли к делу.

Спустя час у меня были имена всех соправителей Тэнетра.

Во главе государства вот уже более ста двадцати лет восседал Архагарандар Властитель Ночи, из рода Архаэров впитывающих силу.

В моем личном представлении имя Архагарандар в чем-то ассоциировалось с арахнид, и образ темного навеки связался с образом огромного черного паука, раскинувшего свои сети не только на темной половине этого мира, но и частично на светлой. Как выяснилось, именно Властитель ночи явился причиной того, что в Эррадарасе прекратили рождаться светлые с высшим уровнем силы. Он планировал сильно ослабить светлых, и все бы ничего, но поддавшись собственной любвеобильности и желанию уязвить противника, арахнидоименный темный зачал собственно моего кесаря. Ну и получил огромную проблему на свою голову. Сам виноват, что тут скажешь. Ситуацию для него не исправили даже рожденные в дальнейшем сыновья в количестве пяти штук и в высочайшем качестве магии, в смысле все сыновья были на А.

Правой рукой Властителя Ночи являлся его официальный старший сын — Арраэн принц Ночи. Он обладал всей полнотой власти, отчитываясь лишь перед отцом. В его ведении находились все войска Тэнетра, часть семейного дела и право распоряжаться финансами семьи. По сути Арраэн являлся наследником, уже частично вступившим в права наследования. Примерно как я при отце, разве что в реалиях этого дуалистического мира ему не доверили внешнюю политику, а так практически полностью как я в Оитлоне.

Второй по старшинству был Ависей принц Ночного ветра. «Ветерок» заведовал крылатыми войсками и на этом как ни удивительно все.

Третий — Анрахар принц Тени, командовал развед подразделениями, диверсионными войсками и прочим. То есть так же весьма ограниченными ресурсами.

Четвертый — Адрас принц Мрака. Чем занимался конкретно данный индивид помимо пьянок за государственный, то есть родительский счет, Юранкар не знал, но пообещал выяснить.

И пятый по старшинству, но не по значению — Акьяр принц Ночного страха. И мужик, как я поняла, действительно умел вселять страх. В его ведении находились все мастерские оружия, все новые разработки в данном направлении и «Черный огонь» — жуткая субстанция, теряющая свои свойства при пересечении Эхеи, или же переносе посредством телепорта, но поистине ужасающая штука на территории Тэнетра.

- До костей сжигает, — поделился Юранкар.

«Мне нужен Акьяр» — сходу подумала я.

В принципе на него и, пожалуй, Адраса я планировала сделать ставку, в борьбе с семейством поглощающих силу. Разделяй и властвуй — принцип, действенный в любых мирах, а

в этом особенно. Пора внести разлад в явно не дружное семейство.

- Юранкар, распорядитесь пусть позовут мне Эдогара сюда, а так же принесут дополнительный стул. И да, мне все еще требуется писчее перо.

Писчее перо не потребовалось, явно недовольный тем, что я ловко о него избавилась, Эдогар достал собственное. Бумага у него так же была с собой. Спустя еще пол часа, под мою диктовку и с поправками от Юранкара было составлено два письма. Преступное сообщество гарантировало мне сто процентную доставку их адресатам, а я, если честно, устала настолько, что продолжать встречу была не в силах.

Тепло попрощавшись со своим новым сотрудником, я кое-как собрала волосы, набросила поверх покров, закрепила обручем, и взяв Тэхарса под локоть, отправилась на выход.

Едва оказались вновь в городе, сделала вид, что сильно удивилась наличию двух сидевших на ближайших домах драконов и отряда сверкающих негодованием светлых. Потом поняла, что мне притворяться откровенно лень, и сухо произнесла:

- Моих работников не трогать.

- Ваших работников, пресветлая императрица?! — бледнея от ярости переспросил один из сверкающих.

- Да, отныне они все работают на меня, — устало подтвердила.

И дала знак Тэхарсу продолжать движение.

Эдогар догнал нас спустя шагов десять, видимо говорил о чем-то с главой искрящихся недовольством, и спросил:

- Пресветлая, призвать портал?

- Нет, — тихо ответила, стараясь дышать глубоко и присматриваясь к темным окнам плохо освещенного города, — мне нужно пройтись и подумать. А вы можете возвращаться, Эдогар.

- Я не оставлю вас! — резко ответил светлый.

Кивнула, принимая его решение, и продолжила идти. Просто действительно нужно было подумать, а делать это во дворце в присутствии кесаря явно не стоило. Итак, подытожим все, что мне сегодня довелось узнать:

Первое: Отношение кесаря ко мне явно выбивается из всех канонов и правил. Это странно, не приятно и требует, как минимум, жестких корректив.

Второе: Учитывая тот факт, что здесь веками искали способ попасть в другой мир и притащить оттуда Черную Звезду, шансов найти информацию о путешествиях между мирами у меня до крайности мало. В смысле информацию то я найду, но учитывая, что кесарь оказался единственным и то по чистой случайности перешагнувшим грань, толку от этой информации не будет. Разве что я милостиво позволю Арраэну, Элионею и той светлой девице сначала убивать меня трое суток, а затем вышвырнуть обратно. И ведь не факт, что я после всего этого выживу. Это кесарь у нас бессмертный, а я как бы не очень, в смысле вообще нет! И потому, на данный момент, остается лишь рассчитывать на то, что император Араэден сдержит свое слово и через год вернет домой. Но меня категорически не устраивал подобный расклад, а значит будем искать дальше, сдаваться я не собираюсь.

Третье: Хочу спать и пореветь в подушку. Громко, не по-королевски, истерично со всхлипываниями и завываниями, потому что отчаяние душит все сильнее. А потом спать. Несколько суток, не просыпаясь, не заставляя себя подниматься, и стиснув зубы создавать империю для того, кто лишил меня моей собственной! И мой дворец разрушил! И сад! И озеро с безумно дорогими золотыми рыбками! Мое озеро!

- Пресветлая, для леди недопустимо сопеть носом, — неожиданно произнес Тэхарс.

- Никогда не была леди, и меняться не собираюсь, — зло ответила я.

Хотя по факту было немного совестно, все же разозлиться до такой

степени, чтобы это стало ясно окружающим, это как-то не достойно императрицы.

- Хотите сопеть, мешать не буду, только от вашей злости у меня чешуя нагревается, вы бы контролировали свою магию, — усмехнувшись, посоветовал дракон.

Едва не зарычав, прошипела:

- У меня нет ма...

И осеклась.

Несколько минут после этого, я продолжала идти, механически передвигая ноги и стараясь никак и никоим образом, не выдать своих чувств или эмоций. Начала думать о положении людей в Эррадарасе и Тэнетре, об островах свободных людей... о чем угодно, лишь бы не допускать в сознание бьющуюся пульсацией в висках мысль — у меня есть магия! Есть! И это разом подтверждает теорию Шенге, и опровергает слова кесаря! Но к гоблинам теории, нужно понять, что мне это дает на практике. И в связи с этим маленький вопрос — а стоит ли Великому императору знать, о моей маленькой возможности?! Решила, что нет, определенно и точно нет, ему знать об этом совершенно не следует... Прикопать Тэхарса по-тихому, чтобы не выдал?!

Я осторожно посмотрела на дракона. Каким-то невероятным образом дракон уловил направление моих мыслей и сообщил:

- Меня чрезвычайно сложно убить в драконьей форме, и абсолютно невозможно в человеческой?

- Серьезно? — искренне удивилась я.

- Императрица, ты меня пугаешь, — остановившись, мрачно сообщил Тэхарс.

- Ааа, — протянула глубокомысленно. И поинтересовалась с живейшим интересом: — То есть на счет небываемости это была шутка?

- Жжжженщина! — прохрипело теоретически земноводное.

А мне пришлось осознать пренеприятный факт — о пробуждении моей магии кесарь будет осведомлен. Досадно.

- Идемте, — рассеянно приказала я, и продолжила размышлять о ситуации, нервно покусывая губы.

Тэхарса подобный расклад не устроил, и спустя несколько шагов, он возмущенно спросил:

- Слушай, императрица, мне бы хотелось уяснить один момент.

- Мало ли чего вам хочется... — протянула я. — Мне вот к примеру, хочется вас прикопать где-нибудь в уединенном месте, и сказать кесарю что так и было. — После чего я посмотрела на Тэхарса и спросила: - Так что за момент вы хотели уяснить?

- Уже уяснил, — сглотнув, произнес дракон, странно глядя на меня.

А в следующий миг перед нами сверкнул и распахнулся портал, и я обреченно слышала:

- Нежная моя.

Отпустив локоть Тэхарса, молча пошла устраивать скандал. Не потому что хотелось и силы были, а потому что запланировала уже.

Позади слышала тихое от дракона:

- Нет, императрица, до нежной тебе далеко.

Ответить не успела — портал закрылся, отсекая от оставшихся в городе спутников.

* * *

Я застала кесаря в весьма фривольном виде — великий и бессмертный полулежал на нашей... в смысле моей постели с голым торсом и в одних свободных бежевых брюках. Торс как

и всегда впечатлял до крайности развитой мускулатурой. В руке кесарь держал бокал с чем-то рубиново-багряным, полупустая бутылка с жидкостью такого же цвета стояла на полу возле кровати. Так же в МОЕЙ спальне имелся столик с ожидающим ужином на две персоны и даже ванна, заполненная водой и плавающими на ее поверхности розовыми лепестками.

- Я смотрю, посещение развратных лавок оказало на тебя неизгладимое, но весьма оригинальное влияние, — насмешливо произнес кесарь.

- Почему оригинальное? — переспросила, снимая и обруч и следом покров с головы.

- В тебе совершенно неожиданным образом проснулась тяга к собственничеству, — пояснили мне. И добавили: — Нежная моя, еще раз

- это моя спальня. Но меня так же вполне устроит определение «наша».

Выслушав все это, я тяжело вздохнула и устало сообщила:

- Сейчас будет скандал.

- Какой? — лениво поинтересовался император Аразден.

- Грандиозный, — заявила уровень предполагаемого разбирательства.

- Есть предположение, что без битья посуды не обойтись.

Кесарь отреагировал усмешкой, затем движением руки и возле меня возник столик, с одной единственной пустой тарелкой посередине.

- Достаточно? — усмехнувшись, произнес кесарь.

- Вы определенно недооцениваете масштаб моего праведного гнева,

- расстегивая платье, сообщила я.

Возле первой тарелки возникла вторая. Всего одна вторая тарелка. Меня действительно самым наглым образом коварно недооценивали.

Со стороны великого и бессмертного раздался смех, а затем тарелок стало три.

Мне бы хотелось это прокомментировать, но в этот самый момент я волосами запуталась в пучках. И в общем и целом поняла, почему светлые леди носят волосы исключительно туго заплетенными — в ином случае наряд превращался в ловушку для прядей.

Ни слова не говоря, кесарь отставил бокал на пол, гибким движением поднялся, мгновенно оказался рядом, и встав позади меня так, начал осторожно освобождать мои волосы. Молча. Прядь за прядью, столь аккуратно, что мне ни секунды не было больно. Затем, перекинув все волосы мне наперед, расстегнул верхнее платье и отбросил сверкающую паутинку материи в стороны.

- Руки подними, нежная моя.

Я без слов последовала приказу, но, когда с меня стягивали ткань, неожиданно подумала — ведь можно было ее просто трансформировать в лепестки роз, как к примеру вчера кесарь поступил с моим баннным халатом.

- Невозможно, — лишив меня и второго платья, сообщил император. — Ткань твоих нарядов защищена от магического вмешательства, нежная моя.

- Почему? — действительно интересно стало.

Ладонь кесаря скользнула на мой живот, рывком прижала меня к сильному телу пресветлого, и у виска прозвучало насмешливым шепотом:

- Чтобы ни у кого не возникло соблазна увидеть то, что принадлежит мне.

И отпустив меня, император легко прошел обратно к постели, упал на нее, не отрывая от меня издевательски-заинтересованного взгляда, и вновь взяв бокал с вином, милостиво дозволил:

- Начинай.

- Знаете, менястораживает ваш энтузиазм, — нервно заметила я.

- Он вполне объясним, нежная моя, — кесарь загадочно улыбнулся, и сделав глоток вина, пояснил, — видишь ли мне никогда не закатывали скандалов. Тем более с битьем посуды. Тарелок достаточно?

Скептически глянув на три несчастных предмета посуды, возмущенно сказала:

- Подобное количество оскорбительно, и, несомненно, не позволит выразить уровень моего гнева.

- Как пожелаешь, нежная моя, — улыбнулся император.

И тарелок стало больше раз в десять. Теперь они лежали на столике тремя готовыми к скандалу стопками. Я посмотрела на кесаря, кесарь с загадочной полуулыбкой продолжал смотреть на меня.

Необходимость начать дебош на основании праведного гнева, напрягала не меньше, чем энтузиазм нашего бессмертного.

Посмотрела на тарелки, затем на пол... мелькнула мысль, что могу пораниться осколками.

- Не можешь, я же здесь, — кесарь как и всегда не стеснясь даже для вида, продемонстрировал, что мои мысли для него открытая книга.

Не став даже комментировать, император молча сделал глоток вина, не отрывая от меня взгляда и продолжая загадочно улыбаться. Мой взгляд вдруг как-то сместился с его лица на обнаженную грудь, что привело к мыслям о постели, и как следствие — к началу скандала.

- Я требую отдельную спальню! — решительно заявила я.

- Требуешь? — насмешливо переспросили у меня.

Я посмотрела на императора, на тарелки. Сходила за стулом, скрежеща его железными ножками по полу, подтащила к столику с посудой, расположила, взгромодилась, взяла первую тарелку, придержала параллельно полу, посмотрела на продолжающего с насмешкой следить за мной кесаря и разжала пальцы.

С грохотом упав на пол, тарелка разлетелась на сотни мелких осколков!

Не могу сказать, чтобы наш великий и бессмертный хоть как-то убоился, но мне определенно стало, во-первых, легче, а, во-вторых, я ощутила вкус к подобного рода эмоциональным выплескам.

И схватив следующую тарелку, сообщила:

- Вы предоставите мне отдельную спальню!

Тарелка полетела вниз, звон разбитой посуды заполнил все пространство.

- Прекратите кормить чуть ли не с рук, позоря тем самым перед матерью!

Еще одна разбитая тарелка.

Я посмотрела на осколки, подумала, что этого явно не достаточно, и разбила еще одну тарелку, для придания большей весомости моим требованиям.

После чего с вызовом посмотрела на кесаря...

Кесарь улыбался самым коварным образом, явно получая огромное удовольствие от происходящего.

Удовольствие длилось секунд пятнадцать, но затем взгляд пресветлого медленно потемнел, глаза сузились, улыбка превратилась в ужасающе-ласковую, и император произнес пугающим тоном:

- Моя нежная девочка влезла куда не следует?

Говоря откровенно, в прежние времена я испугалась бы дрожжи вот этой его улыбки, после которой обычно сгорали айсиры, разрушались княжества и умирали даже не десятки — сотни людей. Но гоблин раздери, мы не в Оитлоне, время панического ужаса для меня прошло.

И потому, я бесстрашно переспросила:

- Куда не следует?! — И вскинув подбородок, возмущенно выговорила: — Мой кесарь, я

полагаю нам следует с самого начала расставить приоритеты. И начнем мы с того, что это на весь год МОЯ ИМПЕРИЯ!

По лицу великого Араэдена прочесть что-либо было совершенно невозможно, но мне очень не понравился блеск появившийся в его глазах. Впрочем, такая мелочь никак не могла отвлечь меня от набирающего обороты разбирательства.

- Напомню — изначально мы говорили о моем положении управляющего, что меня вполне устроило бы. Но вы, самым возмутительным образом, пожелали протащить в этот мир не только воспитанный по вашему образу и подобию ценный кадр, но и еще бредовую идею о сохранении нашего бредового брака!

Убийственно-ласковая улыбка кесаря померкла.

Я же возмущенно продолжила:

- Пусть так. В храме Матери Прародительницы я дала слово исполнить свой долг, и я его исполняю, продолжая и далее изображать вашу гоблинскую жену! Нет, я не жалею, в конце концов, в храме меня за язык никто не тянул... опустим тот факт, что у меня просто не было выбора! В любом случае слово я дала и поэтому не возражала, даже когда вы заявили о продолжении существования нашего брака и в Эррадарасе. В итоге это даже облегчает мою задачу. Но, мой кесарь, если уж вы представили меня всей империи как свою пресветлую супругу, то потрудитесь следовать вами же избранной тактике, и ведите себя со мной соответственно моему статусу пресветлой императрицы!

Глубокий вдох и переход к требованиям:

- Я требую отдельную спальню! Требую нормальные условия для нормальной деятельности по восстановлению вашей империи! Требую, чтобы в следующее мое посещение столицы, или любого прочего населенного пункта передо мной не бежал отряд ваших гоблинских светлых, стремительно убирая все, что может «оскорбить взгляд пресветлой императрицы»! И никаких «влезла, куда не следует»! Повторюсь, это моя империя сроком ровно на год и я буду вникать во все, что посчитаю нужным, от борделей до традиций супружеского бытия элларов!

И на этом я выдохлась, но была готова дать отпор при малейшей попытке возражения. При любой попытке возражения! Потому что была права абсолютно и полностью!

Кесарь выслушал меня молча, перевел взгляд на бокал с вином, покрутил его в пальцах, отрешенно наблюдая за игрой света на рубиновой жидкости, затем вновь посмотрел на меня и ледяным тоном произнес:

- Нет.

Я пошатнулась прямо на том стуле, где продолжала стоять. Просто «нет»? Одно проклятое категоричное «нет»?!

- Да вы издеваетесь! — сорвалась я на крик.

Слегка поморщившись, император поступил странным образом — щелчок пальцами и перед ним появилось нечто, с моей позиции напоминающее дымчатый полукруг, посмотрев в который кесарь произнес неожиданное:

- Тэхарс.

И я застыла.

А там, из этого крохотного переговорного портала раздалось:

- Ночи, Ар. Хочешь узнать, где шлялась твоя кровожадная?

- И в подробностях.

Наверное, в этот миг у меня перестало биться сердце, в ожидании того, что может сказать дракон. Не сказал... Ничего не сказал. В смысле я не услышала ни слова. Ни единого. Но вот кесарь информацию получал совершенно точно! Портал частично закрывал его лицо от меня, но медленно сужающиеся глаза я видела.

В следующее мгновение портал исчез с тихим хлопком.

Император Эррадараса перевел мрачный взгляд на меня, и произнес:

- Зачатие от поцелуя?.. Демонстрация низменной страсти?.. Твоя магия... — последнее было произнесено совершенно жутко. Угрожающе даже. — И столь содержательная беседа с темным...

Холодный взгляд становится ледяным.

- Что ж, — кесарь медленно поднес бокал к губам, сделал глоток, — мы начнем с наименее травмирующего твою психику, нежная моя. Видишь тарелки?

Естественно я их видела краем зрения, но тяжело дыша, почему-то побоялась посмотреть на них конкретно.

- А теперь призови свою магию и попробую опрокинуть на пол, хотя бы одну из них, — последовал приказ.

Зачем?! Но объяснять мне никто ничего не собирался. Стараясь сохранять спокойствие, я посмотрела на тарелки, протянула руку и попыталась призвать магию...

И она отозвалась!

Ветром за стеклами, энергией в крови и... дикой, выворачивающей кости болью в руке! Я закричала! Мгновенно сбросила заклинание, прижала руку к себе, сдерживая желание баюкать ее как ребенка, лишь бы стало хоть немного легче. Но боль отступала медленно! По ощущениям — словно в мою руку вцепился зверь, который нехотя и неторопливо сейчас разжимал челюсти.

- Я говорил о боли, сопровождающей любую попытку использовать магию в твоём мире, — холодно произнес кесарь, — но ты, как и всегда, слушаешь не слыша, нежная моя. В Эррадарасе я прибегнул к использованию твоей магии дважды — во время оживления детей этого мира, и во время обучения тебя языку. Оба раза ты испытала болевой шок, но выводов так и не сделала. Прискорбно.

Это... действительно было прискорбным, особенно если учесть, что у меня имелись все исходные данные, для совершения логичного вывода. Но пугало не это... К гоблинам магию, я всегда обходилась без нее, так что это не проблема. Проблема сейчас была в другом — «мы начнем с наименее травмирующего твою психику, нежная моя». И если вот это вот было «наименее травмирующим», то уже было страшно представить, что будет дальше.

Несомненно, считавший все мои мысли кесарь улыбнулся, а затем рывком поднялся с кровати. Отставил бокал и медленно, не отрывая взгляда направился ко мне. Совершенно игнорируя тот факт, что весь пол был усеян осколками битой посуды, жалобно заскрипевшими под его босыми ногами, потому что даже босиком кесарь не оставлял осколкам и шанса на выживание... Да что там осколкам — он никому ничего не оставлял!

- Рад, что ты понимаешь это, нежная моя, — приблизившись вплотную, произнес император.

Я стояла на стуле, испытывая от этого жуткую неловкость, Великий Араэден подойдя, все равно превосходил меня в росте... как, впрочем, и во всем остальном.

- Я мужчина, — насмешливо произнес он, — я априори должен превосходить тебя во всем.

Продолжая прижимать к себе все еще ноющую руку, но уже в новом, каком-то защитном жесте, нервно заметила:

- А я ваша ученица на недобровольных началах, и исходя из исторического опыта, у меня есть все шансы превзойти вас в будущем!

- Мм, — издевательски протянул он, — надеешься стать ростом выше меня?

Диалог стремительно терял логичность.

- Ростом нет, это физически не возможно, но... — начала было я.

И замолчала под ироническим взглядом императора... Потому что

превзойти его во всем остальном было так же невозможно чисто физически — у меня просто не было в распоряжении трехсот лишних лет!

И воспоминание об этом заставило четко осознать, кто стоит сейчас передо мной... О, Великий Белый дух...

- Приятно, когда жена относится к тебе как к богу, — уже откровенно издеваясь, произнес кесарь. А затем, глядя мне в глаза, продолжил: — Нежная моя, помимо отдельной спальни и показного уважения со стороны супруга, светлые леди обладают так же абсолютными ограничениями в свободе передвижения, обязанностью рожать детей, и полным запретом на демонстрацию собственного мнения в любом из аспектов жизни.

Он протянул ладонь, коснулся моей щеки, двинув большой палец ниже, тронул губы, и издевательским шепотом поинтересовался:

- Желаешь испытать все прелести светлой супружеской жизни?

- Нет! — поспешно ответила я.

Искренне надеясь, что после моего ответа кесарь уберет свои руки! Не убрал. И продолжая собственнически гладить по щеке, окончательно добил задумчивым:

- Давай рассмотрим ситуацию с моей стороны, нежная моя. Итак, у меня есть МОЯ империя, которую я сумел вернуть за несколько часов, феноменальная даже по меркам Эррадараса сила, неограниченные ресурсы времени и нежная, строптивая, до крайности притягательная жена. Жена, которую я в полном праве запереть в своем дворце, раз и навсегда лишив ее возможности демонстрировать кому бы то ни было блеск своих распущенных волос!

Внезапно я поняла, что демонстрация моего внеэррадарского происхождения разгневала кесаря именно тем, что я сняла покров с головы.

Судя по ледяному взгляду супруга, поняла верно.

- И в следующий раз, нежная моя, — мрачно глядя на меня, продолжил император, — когда ты решишься поднять вопрос об «условиях работы», «отдельной спальне» и прочих мелочах, настоятельно советую подумать о вероятности утратить возможность участия в политической жизни моего государства, обретя взамен полный набор прав истинной светлой леди.

И он убрал руку от моего лица. Судорожно вздохнув, тихо напомнила:

- У нас договор.

- Да, — спокойно подтвердил кесарь. — Потрудись вспомнить условия.

«Но, если ты возродишь мою страну, способная моя, и пожелаешь вернуться... обещаю — я открою для тебя путь в Рассветный мир» — практически дословно вспомнила я. И со всей очевидностью поняла пренеприятное: «Если ты возродишь мою страну»... А если меня запрут на весь этот год, условие выполнить я естественно не смогу и весь договор катится к серым гоблинам...

То есть да, это было поражение. Абсолютное, полное и безоговорочное. И как полностью проигравшей, мне сейчас, вероятно, следовало впасть в истерику, отчаяние и осознание случившейся трагедии... Ну или как минимум порыдать в подушку, совмещая истерику с мольбами и просьбами не отстранять меня от государственных дел, и надеяться при этом на милость кесаря.

Одна проблема — я лично ко всемдохлым гоблинам сдаваться не собиралась! Никогда и никак!

А потому вдох-выдох, вздернутый подбородок, лучезарная улыбка и невозмутимовосторженное:

- Какой познавательный скандал у нас вышел! Обязательно повторим в будущем с моими гневными высказываниями и по возможности без ваших настоятельных рекомендаций. Что на ужин?

Усмехнувшись, кесарь молча подал мне руку, но еще до того как я спустилась со стула, все осколки от разбитой посуды превратились в белоснежные розовые лепестки, и это при том, что мне они никакого вреда причинить не могли, я все еще оставалась в туфельках.

В совершенном молчании супруг проводил меня к столику, галантно пододвинул стул, едва я села, и, устроившись напротив, произнес:

- Адрас — слаб и склонен к пьянству. Ничего путного из него не вышло как из соправителя, и не выйдет как из союзника.

Попутно с этим кесарь демонстративно положил на мою тарелку несколько кусочков белой рыбы под пряным оранжевым соусом, и протянул ломтик черного хлеба. Безропотно взяла хлеб, ни единым жестом не возразила против наполнения моей тарелки, и приступая к трапезе, заметила:

- Те, кого окружающие не воспринимают иначе чем полное ничтожество, обычно крайне высокого мнения о себе. На Адраса махнула рукой его собственная семья, он очень нуждается хотя бы в иллюзии собственного величия. Поверьте, из него выйдет прекрасный союзник.

Возражать кесарь не стал, последовав моему примеру и приступив к ужину.

Я же, анализируя все произошедшее, постаралась ровным тоном задать взволновавший вопрос:

- Магия. Я так понимаю, мою вы поглощаете?

Не отвечая на данный вопрос, император сообщил:

- Первые годы в Рассветном мире мое тело пронизывало дикой болью. Я полагал причина тому — многочисленные ранения. Но раны затягивались, восстановилось даже зрение — боль не уходила. В достаточной степени она ослабла лишь раз — когда я потерял много крови.

- Магия крови, — догадалась я. — Магия вашего рода содержится в крови.

Он кивнул, вновь возвращаясь к еде.

Я же вновь вернулась к озвученному мной вопросу:

- Мою магию вы поглощаете?

- Нежная моя, ты достаточно умна, чтобы сделать правильные выводы.

Я сделала. Сделав, нервно посмотрела на постель, и совершенно отчетливо поняла — то есть каждую ночь совершенно не стесняющий себя одеждой кесарь, в довершении ко всему еще и абсолютно не стесняясь целует меня! Тут мне вспомнился Аршхан, и я со всей очевидностью решила — или целует, или трогает за голую грудь! И нет ничего удивительного, что желание иметь отдельную спальню и соответственно кровать усилилось раз в сто!

Быстрый взгляд на кесаря и я поняла — озвучивать не буду.

- Напрасно, — насмешливо произнес император.

Но так как я упорно молчала, делая вид, что совершенно занята ужином, Великий Араэден продолжил:

- Твое второе предположение показалось мне вполне заманчивым, нежная моя.

В этот момент я решила надеть платье на ночь. А впрочем, какой смысл мелочиться — надену три! Или четыре! Интересно, если надеть пять, смогу ли я приковылять из гардеробной в спальню?!

- Сомневаюсь, — заметно пытаюсь сдержать смех, сообщил император.

Что ж, обойдусь тремя платьями, и парочкой комплектов нижнего белья... Парой-тройкой... Надену комплектов семь-восемь... Или девять!

- Скромная моя, учитывая текущую тенденцию, через несколько секунд ты отправишься просить доспехи у охранников, — откровенно насмехаясь, произнес кесарь.

Точно, доспехи! Как я раньше не подумала! Они должны быть защищены от магии и возможно, если повезет, я смогу найти даже забрало!

- Одна маленькая проблема, нежная моя, — приступая к нарезанию какой-то красной рыбы на собственной тарелке, проговорил кесарь, — без моего скромного и к слову вполне целомудренного поцелуя на ночь, утром ты рискуешь проснуться от невыносимой, изматывающей, выворачивающей мышцы боли. Открывай ротик.

Да он сам приоткрылся от ужаса, чем и воспользовался пресветлый император, в очередной раз нарушив все устои и правила собственного мира, чтобы, потакая своим низменным страстям, покормить пресветлую императрицу.

- Знаете, это все же возмутительно! — нервно жуя, сообщила кесарю.

- Полагаешь? — следующий кусочек он съел сам, тщательно прожевав вначале. — Хм, на мой взгляд приготовлено вполне недурственно, но если ты осталась недовольна, прикажу казнить повара.

- Не надо! — испуганно возопила я.

А после, вспомнив, что мои мысли тут не секрет, соответственно надо мной банально поизмывались, раздраженно заметила:

- Знаете, нельзя быть столь кровожадным!

- Ты совершенно права, нежная моя, — с улыбкой подтвердил кесарь. И добавил: — К слову Тэхарс с тобой полностью согласен.

И я бы покраснела... быть может... не будь я наследной принцессой Оитлона со всем вытекающим из этого опытом содействия исчезновению людей с моей дороги. А так даже оправдываться не стала. Лишь заметила:

- Я в любом случае не стала бы его убивать.

- Правда? — иронично-насмешливо поинтересовался император.

- Конечно, — глядя на супруга большими честными глазами, заверила я.

Я действительно никого и никогда не убиваю...я же не кесарь. У меня для подобных целей всегда были специальные люди, а теперь вот будут нелюди.

- Нежная моя, ты восхитительна, — произнес император.

Мило улыбнувшись в ответ на комплимент, я перешла к действительно важным вещам:

- Мне бы хотелось завтра посетить Лунный дворец. Без приглашения и оповещения пресветлого Элатена Ларвейна.

Задумчивый взгляд серо-льдистых глаз, и категоричное:

- Я сам.

Позволив себе не согласиться с супругом, сообщила:

- Мне нужна показательная обоснованная и справедливая казнь, мой кесарь. А не убийство по причине того, что у вас настроение дурное.

- Нежная моя! — предостережение в голосе отчетливо ощущалась.

Выдав обворожительную улыбку, честно сообщила:

- Мой кесарь, как имеющая многолетний опыт общения с вами в качестве вашей подчиненной, со всей ответственностью заявляю — каждый раз при убийстве вами кого бы то ни было, мы все были искренне убеждены, что вы совершили это исключительно по причинам отвратительного расположение духа.

Глаза императора Эррадараса яростно сузились, но оспаривать факты пресветлый не стал.

Пользуясь его молчанием, я продолжила:

- Да, я поняла, что сегодня он первым посланием определил во мне человека, а вторым пытался убить, но будем откровенны — кто знает об этом кроме нас с вами?

Император медленно вернулся к трапезе. Я же наколов на вилку очередную порцию, поднесла ко рту и заметила:

- Поступим опрометчиво, и вам придется казнить всех остальных владельцев раритетной архитектурной рухляди. А это в условиях планирования завоевания соседней державы не слишком умно.

И я съела рыбу, ощущая себя просто превосходно от того, что хоть в малейшем, хоть немного, хоть по сущей мелочи, но таки уела кесаря!

- Ммм, — понимающе протянул император, — ну если это бальзам на твое пострадавшее во время «грандиозного скандала» самолюбие, то кто я такой, чтобы лишать утешения любимую жену.

Опытным путем выяснилось, что рыба съелась не вся! Она частично в горле застряла! И пока я надсадно кашляла, кесарь, обойдя стол, любезно похлопал меня по спине, затем протянул стакан с водой и издевательски поинтересовался:

- Полегчало?

И я ответить ничего не успела, как он вопросительно добавил:

- Или может все же стоит казнить повара?

Резко прекратив откашливаться, я выдохнула:

- Вы — чудовище!

- Ты изумительна, — улыбнулся кесарь, возвращаясь на свое место.

Неожиданно раздался стук в двери.

Я, заметившая, что никаких привлекающих внимание звуков тут принято не было, удивленно обернувшись, посмотрела на дверь, потом вопросительно на императора. Кесарю, благодаря его положению, даже оборачиваться не пришлось, и он лишь молча изучал дверь взглядом. Затем встал. Гордой полной грации склонного к массовым убийствам хищника прошел к двери, распахнул, придерживая створку так, чтобы стоящий за ней никоим образом не мог лицезреть меня и молча воззрился на посетителя.

- Покорно прошу простить мое вторжение, пресветлый император, — раздался голос Эдогара, — но я предположил, что пресветлая императрица пожелает дать ответ тот час же.

О да, я желала! Я даже подскочила с места, с трудом сдержавшись от того, чтобы не подбежать к Эдогару и не забрать послания лично, но поостереглась реакции кесаря.

Властитель Эррадараса взял свиток сам, молча развернул, прочел и произнес:

- Можешь подойти, нежная моя.

После чего закрыл дверь перед носом главы моей канцелярии. Но это были мелочи.

Стремительно подбежав, я схватила свиток, развернула и прочла:

"Я ваш". И подпись: "Адрас, принц Мрака".

- А вот и первая ласточка, — торжествующе воскликнула я.

В этот момент в дверь постучали снова. Император приоткрыл ее, опять же скрывая меня от взора посетителя, и взял второй свиток. Развернул, прочел, протянул мне.

В свитке значилось: "Прекраснейшая пресветлая императрица, готов обсудить условия. Акъяр".

- А вот ласточка номер два склонна к изменам, — основываясь на собственном опыте, заметила я.

И тут же поинтересовалась:

- Где я могу взять писчие принадлежности?

Кесарь молча открыл портал, куда прошел сам, все в том же полуодетом виде скрылся в нем, вернулся с пером и бумагами. Молча протянул мне.

А затем величественно удалился завершать ужин, в то время как я, используя столик выделенный для посуды на время скандала, торопливо писала ответ Адрасу. Нет, ставку я определенно делала на Акъяра, но боюсь без Адраса мне с принцем Ночного страха ничего не

светило. Написав, что готова к встрече, запечатала послание и обернулась к кесарю. Он не отреагировал даже жестом, но дверь открылась и вошла одна из рабынь с маленьким подносом для корреспонденции в руках. Я положила свиток на него, рабыня поклонилась и вышла.

А я и масса вопросов остались.

- И какие же у тебя вопросы? — поинтересовался кесарь.

- Завтра, — устало ответила я, — все завтра.

Просто сил больше не осталось. Вообще. Ни капли. Хотелось рухнуть и где-нибудь и желательно в доспехах... с забралом. Или двумя забралами... а лучше тремя...

- Мне следует еще раз напомнить, что тебя ожидает в случае возвращения магии? — отстраненно поинтересовался кесарь.

Что я могла сказать на это?

Для разнообразия, позволила себе мудрое высказывание:

- Боль — естественная часть жизни. Тот, кто бежит от нее — слаб, преодолевающий — обретает силу. Вам ли не знать об этом?

Властитель Эррадараса ничего не ответил.

Я же посмотрела на постель, на кесаря, встала и решительно пошла надевать несколько платьев, а заодно и попробовать поискать доспехи.

До двери не дошла... кажется...

* * *

Утро началось с настойчивого ощущения, что я теряю время.

Еще до конца не разобравшись с пробудившей тревогой, я села на постели, открыла глаза и... сильно удивилась. Да я думаю, каждый удивился бы, проснувшись в лесу! Ярком, светлом, явно безопасном, но лесу! В этот момент из-за деревьев вышла косуля. Посмотрев на меня большими печальными глазами, она повернулась и, помахивая смешным белесым хвостиком, ушла куда-то. Я осталась сидеть, недоуменно оглядываясь. Летали крупные яркие бабочки, пели птицы, шумела листва деревьев и колыхались травы...

Мое недоумение продолжало расти в геометрической прогрессии.

А затем исчезло, развеянное словно песок порывом сильного ветра!

Потому что из-за деревьев вдруг вышел шенге. Мой самый родной и любимый шенге! Он шел, а рядом с ним легкой пружинящей поступью шел Рарге... Рарге?! Я всмотрелась во второго орка и вдруг поняла, нет, это не мой любимый нянь, это Рурх, его сын! Малыш Рурх, который вырос! Уже вырос! Но как? Как же так? Как же так быстро! И сколько прошло времени в моем родном мире?!

Ошеломленная осознанием того, сколько времени миновало в Рассветном мире, я оторопела, а когда смогла дышать, шенге уже уходил. Он уходил, не заметив меня. Он... И подавшись вперед, я попыталась закричать, позвать, остановить! Я...

Открыла глаза и проснулась.

Приподнявшись на локтях, огляделась.

Леса не было. Не было шенге... Не было ничего, кроме залитого светом пространства апартаментов кесаря, стоящего в отдалении и накрытого к завтраку столика, и склонившихся в ожидании моего пробуждения рабынь.

С хриплым стоном рухнув обратно на подушки, я несколько секунд безучастно смотрела в белоснежный украшенный росписью из рун потолок, сдерживая слезы, затем хриплым ото сна голосом скомандовала:

— Ледяную ванну, платье.

Хотелось бы добавить вина. Очень хотелось бы. Но сегодня у меня не было времени на приступы жалости к себе.

* * *

Позавтракала я стоя стаканом холодной воды. При мысли о еде тошнило. При осознании, что кесарь ночью лишил сознания даже не щелчком пальцев, а чуть ли не силой мысли — накатывало ощущение обреченности. Абсолютной и полной обреченности на долгое, сложное и трудное противостояние. И бороться мне предстояло за многое.

В императорскую... в смысле в МОЮ канцелярию меня сопровождал охранник, следуя моему приказу. Это конечно было очень мило с их стороны прошлым утром указывать мне направление движения, но я пресветлая императрица, мне не указывают, меня сопровождают!

В канцелярию ворвалась злая как сотни тысяч голодных серых гоблинов, искренне надеясь, что мне будет на ком сорвать злость. И судьба оказалась крайне милостива ко мне — стоило войти, как Эдогар, после приличествующего приветствия, с поклоном передал свиток, усыпанный золотой пылью.

Молча приблизилась к главе канцелярии, молча взяла свиток, молча развернула и с улыбкой прочитала:

"О, прекраснейшая, озаренная светом, овеванная лучами светила, сияющая истинным светом" и прочая, прочая, прочая... На три страницы эпитетов расписал. Я даже зауважала бы, если бы не одно но — не особо уважаю трупы, а Элатен Ларвейн, владелец Лунного дворца им, несомненно, уже являлся. В смысле я как бы не особо прощаю попытки убийства меня любимой, кесарь тем более, да и на роль жертвы мужик подходил идеально. Просмотрев все три страницы эпитетов, добралась до самого главного — строчки из нескольких слов, в которых описывалось, что вышеозначенный пресветлый приглашает меня в свой дворец, дабы осыпать всеми дарами Эррадараса и загладить собственную вину.

Шикарно! Просто шикарно! Я была готова отправиться туда немедленно и отыгаться хоть на ком-то наиболее жестоким способом, но...

Но тут Эдогар передал мне не свиток. Нет, это был конверт, выполненный из крайне плохой, но все-таки бумаги.

Крайне заинтригованная, я обошла стол, села на свое место, и воспользовавшись переданным мне ножом для вскрытия писем, сорвала печать с конверта. Затем развернула и в полнейшем изумлении прочитала:

"Уважаемая странная на всю личность пресветлая императрица Эррадараса, я, Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие, сын Великого Ошрое Копье Ручка Железный Наконечник, внук Великого Ошрое Молот Кувалда Свинцовый Топор, готов уделить тебе толику своего драгоценного времени, и встретиться близ Великого Ручья Серебристая Рыба ровно в момент зенита черного солнца".

Ниже следовала приписка "Только мужа не бери, страшный он у тебя"

Еще ниже шла витиеватая роспись и имя "Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие".

Во имя Великого Белого духа я была заинтригована. Крайне заинтригована.

— Эдогар, — позвала я своего главу канцелярии, и едва светлый приблизился, протянула ему письмо, со словами: — Что скажете?

Пресветлый, прочитав послание, помрачнел и вынес вердикт:

- Безмерно неуважительный тон послания. Прошу простить, пресветлая императрица, я

приму меры, и более письма низкорослых не будут оскорблять ваш взор, и...

- Эдогар! — прикрикнула я.

Он замер, явно потрясенный тем, что пресветлая леди способна повышать голос.

- Слушайте, — устало начала я, — витиеватая, подчеркнуто вежливая и основанная на словоблудии культура элларов — не единственно верная и имеющая право на существование. Ваш мир обладает удивительным разнообразием рас и культур, и вы, как, несомненно, главенствующая раса, должны с уважением относиться к культурным особенностям иных народов. Перечитайте послание, не с точки зрения эллара, а применив более практический подход. И озвучьте мне ваше мнение. Ваше, а не зарвавшегося тщеславного и убежденного в своей исключительности представителя пресветлого народа.

Эллар нахмурился, мрачно глянул на прислушивающихся к нашему разговору сотрудников, и повторно перечитал письмо. А затем уже нормально, без всяческих "не будут оскорблять ваш взор", отчитался:

- Гномы, похоже, готовы вылезти из своих нор. Причина мне пока не ясна.

Зато мне была ясна и более чем — Юранкар. Темный проявил удивительную скорость действий, передав мне вчера ответ Адраса менее чем через час, после того, как я отправила ему предложение. И видимо помимо выполнения моей просьбы, так же приступил к распространению информации о введении свободной торговли в Эррадарасе. Иначе с чего бы гномам отправлять мне послание? В конце концов, будь у них политическое или военное предложение, они обратились бы к кесарю.

- Так, — забирая письмо у Эдогара, произнесла я, — а есть ли у нас в империи какие-либо торговцы помимо тех торгующих разной похабщиной, что старательно разбегались от нас вчера?

Ответом мне было ожидаемое, конечно, но крайне досадное:

- Нет.

Мне захотелось взять и пожалеть себя. Вот честно и откровенно — сесть, и пострадать, можно с всхлипываниями и подвываниями. Еще лучше пойти и поспать... с месяц, можно два. Хотелось много чего, и от вина я бы не отказалась, но...

Одно большое вечное «но».

Я протянула руку, взяла перо... внимательно посмотрела на него и вспомнив вчерашнюю оговорку Тэхарса, прямо спросила:

- Что не так с этими писчими перьями?

Пресветлый, несколько нервный и напряженный, впрочем учитывая мое настроение и недавний выговор, это было не удивительно, тихо ответил:

- Все написанное этими перьями дублируется в императорском архиве.

Потрясающе! Просто потрясающе! И тут же вспомнилось, что кесарь накануне вечером принес мне перо и бумагу именно из канцелярии. Великий Белый Дух, да он отказывался даже видимость моей хотя бы частичной свободы создать! Контроль, контроль, контроль — бесит!

Все бесит!

- Так, — разъяренно начала я, — у вас тут есть птицы? Гуси там, лебеди какие-нибудь?

Эдогар неуверенно кивнул.

- Хочу лебедя! — заявила я.

Глава канцелярии пресветлой императрицы оглянулся на одно из подчиненных, и тот мигом исчез в портале. Вернулся почти сразу, держа в руках сопротивляющуюся прекрасную белую птицу. Это был лебедь, определенно. Изящная изогнутая шея, великолепное оперение, умный взгляд. Красота одним словом.

- Ощипать мне на десяток перьев, — приказала я, искренне сочувствуя лебедю.

Лебедь был возмущен! Мои подчиненные были возмущены, а я просто сидела злая как

десяток голодных гоблинов, так что возразить никто не посмел и через минуту мне предоставили десять перьев, после чего поспешили унести обратно разъяренного и пытающегося всех покусать лебедя.

— Нож и чернила, — продолжила я.

Мне принесли пузырек с чернилами и абсолютно тупой нож с закругленным концом.

Я подняла голову и посмотрела на Эдогара. Выразительно посмотрела. Ножик тут же был сменен на маленький, острый и подходящий.

Изготовление писчего приспособления не заняло и трех минут, после чего я, вооружившись пером, взяла листок и начала с печального.

Итак, что мы имеем:

Первое: Кесарь отказывается толком идти на уступки — это минус.

Второе: Меня постоянно контролируют — это минус.

Третье: Никакой свободы действий — минус.

Четвертое: Хочу домой — минус.

Подумала, зачеркнула, написала пункт снова:

Четвертое: Неясны причины подобного контроля — огромный минус.

Меня это тревожило больше всего. Причина? В чем треклятая причина?! У нашего великого и бессмертного обнаружилось настолько параноидальное желание меня контролировать, что он приставил ко мне Тэхарса, через воспоминания которого самым невероятным и немыслимым образом оказался способен читать мои мысли! Как?! Вот как подобное вообще возможно?! А самое главное — зачем? И вот вопрос «зачем» он гораздо важнее.

Грустно посмотрев на список, продолжила:

Пятое: Нет адекватных предложений для встречи с гномами — минус.

Шестое: Не знаю с чего начать — минус.

Посидела, посмотрела на список снова, прошла по пунктам, вдохнула, выдохнула, эмоционально отстранилась и начала думать, как из всех этих минусов сделать плюс. Большой, серьезный и внушительный.

Кесарь отказывается идти на уступки? Ничего, бывало и хуже, будем действовать за его спиной, впрочем, как и в старые добрые времена когда я была наследницей Оитлона. Мне не в первой.

Меня контролируют? Отлично, не позволят совершить ничего фатального, а значит я могу меньше времени и сил тратить на просчет последствий каждого моего действия.

Никакой свободы действий? Значит будем искать пути и решения для обхода всех запретов. В конце концов это не стена, это ступенька, просто очень высокая — ничего, преодолею. Чтобы я и не разобралась — быть такого не может!

Не ясны причины контроля — будем выяснять, должна же быть хоть какая-то интрига в моей жизни... Опустим тот факт, что тут интриг уже столько, что не продохнешь, просто опустим и будем наслаждаться очередной проблемой от кесаря.

На пятый и шестой пункт я смотрела долго, очень долго.

После вчерашнего разговора с кесарем мне пришлось многое переосмыслить, да и на свое положение взглянуть по-новому. Кесарь слишком ясно дал понять — либо я, применив все свои навыки и знания, полученные благодаря ему использую тот шанс на возвращение, что он мне дал, либо меня низведут до положения пресветлой супруги, со всеми из этого вытекающим ограничениями. Ограничениями, которые не идут ни в какое сравнение с имеющимися...

Вчера я постаралась об этом просто не думать, а сегодня стало ясно со всей очевидностью — положению моему не позавидуешь. И терпеть мне придется все, абсолютно все, что пожелает Великий Пресветлый император! Без вариантов. Без права на возмущение. Забыв о морали,

этике и праве на личное пространство. Ничего этого у меня не будет.

Не будет до такой степени, что хочется просто выть, но...

Но за вчера я узнала очень многое о положении моего народа как в Эррадарасе, так и в Тэнетре. И будем откровенны — их положению не позавидуешь... Как и моему. Но я это я, рано или поздно выберусь, а вот мой народ рабами больше не будет. В конце концов я принцесса Оитлона, мой долг заботиться о благе людей, следовательно, именно это я и сделаю приоритетной задачей, попутно решая все прочие.

Еще один взгляд на шестой пункт и меня накрывает холодная решимость действовать.

Не знаю с чего начать? Начну с имени, которое дам этому миру.

Кесарь, помнится, мой мир обозвал Прайдой. Хотелось бы конечно отомстить, и назвать его мир тоже как-нибудь издевательски, но любое имя несет печать значения на именуемое, к примеру наши государства после наименования кесарем и дрались между собой вечно как прайд голодных львиц. Нет, на подобное я этот мир обрекать не хочу. Ему и так досталось.

А чего хочу? Чего конкретно я бы хотела для этого столь разного, многорасового, удивительного и находящегося под властью темных и светлых мира? Свободы? Увы нет, я достаточно умна, чтобы понимать — свобода одних, неизменно оборачивается порабощением других. Освобождения людей? Да, но это будет решением лишь одной из проблем. Единства? Не уверена, единение светлых и темных приведет к несомненному порабощению даже оставшихся свободными людей. Тогда быть может равенства?

Вот о равенстве я задумалась всерьез. Равенство всех рас, исходно равные возможности, равные условия существования? Да, это уже было бы интересно, а главное определенно способствовало бы развитию империи, да и всего мира. И если даже темные и светлые сохраняют что-то вроде аристократического положения за счет имеющейся магии и, будем откровенны, внушительного объема знаний и умений, то это в любом случае будет гораздо лучше ныне имеющегося рабовладельческого строя.

Да, я хочу равенства для этого мира. Определенно именно этого. И если император использовал слово, несуществующее в языке моего мира, что мешает мне воспользоваться тем же.

И поиграв немного с вариациями слова, я задумчиво произнесла:

- Сэтаран, — равенство на древне измирском.

Сидящий за соседним столом Эдогар поднял голову и вопросительно посмотрел на меня, но я не отреагировала, занятая собственными мыслями.

Итак — Сэтаран. Не Эррадарас и Тенетр, а Сэтаран, один единый равный мир. Прекрасно!

А теперь мне нужна зона свободной торговли.

- Эдогар, — поднимаясь, позвала я, — идемте со мной.

И первая подошла к карте.

А затем спросила у подошедшего пресветлого:

- Как можно делать пометки здесь?

На меня странно посмотрели.

- Мне нужно написать название этого мира наверху, над картой, — начала я, — и определить место для строительства нового города, плюс наметить дороги.

Видимо задача была сложная, потому как некоторое время Эдогар молчал, затем произнес:

- Наметить я могу, создав иллюзию и прикрепив ее к нужному разрешению карты, а вот с названием...

И тут в канцелярии раздался голос одного из служащих:

- Принести еще лебедя?

Усмешку я не сдержала, обернувшись к говорящему и мило улыбаясь ответила:

- Нет, благодарю вас, не люблю писать кровью.

Светлый в белом костюме нежно-зеленого оттенка, нахмурился и непонимающе переспросил:

- Кровью?..

- Кровью, — подтвердила я. И пояснила: — Мне требуется большая надпись, вы предложили мне лебедя. Единственный возможный вариант использования несчастной птицы для решения моей задачи — отрубить ей голову и сделать надпись кровоточащим обрубок шее. Мне подобный вариант не подходит.

Пресветлый молча сел обратно на свое место и старательно вернулся к бумажной работе. Я же вновь обратила все свое внимание на Эдогара. Глава моей канцелярии все понял, и задал лишь один вопрос:

- Что написать? Каким цветом.

- Золотым, — мгновенно ответила я, — слово — Сэттаран.

Поклон и пресветлый шагнул в портал. Вернулся с ведерком, в котором плескалась краска. Протянул мне новенькую кисть и попросил написать краской прямо в воздухе.

Несколько заинтригованная, используя все свои знания каллиграфии и языка элларов, обмакнула кисть в краску и вывела нужное слово.

Прямо в воздухе, который на прикосновения кисти отреагировал как поверхность стекла. Эдогар подхватил надпись магией, скорректировал, увеличил, придавал яркости и сияния, а затем переместил к карте и разместил над ней.

И надпись «Эррадарас» была смещена ниже, уже четко обозначая лишь светлую сторону, «Сэттаран» же занял законное место названия мира.

Вот и первый плюс.

- Замечательно, — поблагодарила я пресветлого, — теперь покажите мне где территории гномов.

Началась с картой.

Потратили более двух часов, но главное было сделано — мы наметили место для постройки трех свободных торговых зон, и соответственно города в каждой. И места выбранные мной соответствовали трем критериям — они находились вдали от каменных переместителей светлых, они были расположены рядом с территориями гномов и свободных людей, и... под ними находились пещеры и пустоши, а что может быть лучше подобного, в случае необходимости спрятать население. Да, я не кесарь, предугадать и разработать семь вариантов развития событий мне пока не под силу, но ничего, остановимся пока на четырех.

- Разработать планы застройки городов? — спросил Эдогар.

«Ну уж нет!» — мрачно подумала я.

Озвучила иное:

- Разве подобает пресветлым детям света, заниматься постройкой города для иных? Пусть строят сами.

В глазах Эдогара впервые за сегодняшнее утро промелькнуло одобрение. Светлый, что с него взять, кроме невероятной работоспособности и запредельных возможностей. И именно их, то есть работоспособность и возможности главы моей канцелярии я и собиралась подвергнуть серьезным испытаниям.

- А теперь в Лунный дворец, — скомандовала я. — Пора нанести визит истинной вежливости лорду Ларвейну.

И вот только я собиралась попросить Эдогара открыть портал, как распахнулась дверь и на пороге показался кесарь собственной персоной. Хотя, о чем это я, сомневаюсь, что он мог бы

показаться какой-нибудь иной персоной... Впрочем это кесарь, он может практически все, а чего не может, тому быстро обучается.

Великий император, едва заметно усмехнулся, вошел в мою канцелярию и холодно произнес:

- Все вон.

Что?!

- Все, стоять! — воскликнула я, прежде чем даже осознала, кому имела глупость перечить.

Но даже когда осознала, развернувшись к Великому и абсолютно же, гоблин раздери, непобедимому, все равно решила настоять на своем:

- Мой кесарь, — я сошла с пьедестала, ведущего к живой и изменяемой карте Эррадараса... в смысле Сэтарана, придерживая край платья подошла к императору, — если вы возжелали побеседовать со мной, для этого вовсе не обязательно тормозить работу всей моей канцелярии. Поверьте, мне не сложно будет выйти и уделить вам все свое внимание.

Напрасно я ожидала, что кесарь прислушается к голосу разума. Или к нему прислушаются все остальные... Увы, эллары поднялись, и торопливо, словно тени, очень напомнив мне в этот момент рабынь, покинули канцелярию через дополнительные двери. Через секунду я осталась один на один с ледяным уничтожающим взглядом великого императора Араэдена.

- Нежная моя, мои приказы не оспариваются, — холодно произнес он.

Да-да, конечно, знаю, помню, а забыть вы не дадите.

Крутанувшись на каблучках, я вернулась к карте, прикоснулась к ней

пальцем, заставляя откликнуться на мое движение, развернула, позволив изображению пресветлых земель мелькать перед глазами. И остановила движение даже прежде, чем осознала это, заметив ярко пылающее здание. Увеличила изображение и обнаружила, что горит не что-нибудь, а одна из наших крепостей по реке Эхее.

- Вы это видели? — поинтересовалась, обернувшись к кесарю.

И невольно вздрогнула, обнаружив что властитель Эррадараса стоит за моей спиной, настолько близко, что мне тут же захотелось сделать шаг вперед, но там была карта, отступить было некуда.

- Да, нежная моя, я осведомлен, — ледяным тоном сообщил император.

И стоило бы мне промолчать, но нет, я все же выдала весьма язвительное замечание:

- Ваша осведомленность вызывает искреннее восхищение, мой кесарь.

Еще бы не вызывала, император ведь умудрялся как-то находить время на дела военные, и это на фоне тотального контроля своей ценной и вывезенной из иного мира упомянутой в пророчестве супруги! Удивительно, да.

- Нежная моя, — прозвучало предупреждающее.

Да, да, молчу и даже перестаю мыслить... Могу еще перестать дышать, ну так для разнообразия и в память о некоторых прелюбопытных моментах нашей богатой на события супружеской жизни.

- Кари!

Действительно, чего это я? Видимо память у меня девичья.

- Исключительно из любопытства, при чем тут девичья память? — поинтересовался кесарь.

- Да так, забыла с кем разговариваю, — угрюмо ответила я.

А затем резко развернувшись, запрокинула голову и честно призналась:

- Мой кесарь, я определенно сегодня не в духе.

- Я заметил, — раздалось с высоты роста, возраста, положения и прочего.

- И если быть совсем откровенной, — продолжила я, глядя на властительствующего

супруга, — у меня нет сил на то, что бы вас сегодня панически бояться и демонстрировать безусловное подчинение. Нет, если вы этого потребуете, особенно в своем истинном стиле, то, несомненно, я подчинюсь, как впрочем и всегда... Но я правда не в духе. И менее всего мне хочется лицезреть вас после вчерашнего. И я была бы очень благодарна, если бы в будущем, вы были бы столь любезны, что перестали бы вызывать у меня внезапные обмороки! Знаете, это было...

А договорить мне не дали!

Совершенно внезапно, прервав меня на полуслове практически, кесарь вдруг наклонился, и приник к моим губам. Властно, уверенно, предельно категорично накрыл собственными, вынуждая заткнуться и замереть, в страхе даже помыслить о сопротивлении... Но уже в следующий миг деспотичное требование о подчинении вдруг исчезло, словно его и не было... И теперь кесарь целовал меня с явным знанием своего дела, что не удивительно, учитывая, как минимум триста лет опыта, но я не противилась. Меня обнимали, ко мне прикасались с нежностью и страстью, и это пусть на миг, пусть обманчиво и фальшиво, но отдалило то дикое чувство тоски и одиночества, что душило с самого момента появления в этом чужом для меня мире. И я замерла под прикосновениями властителя Эррадараса, едва дыша и впитывая эту ласку, как теплый солнечный свет... Мне было так хорошо, что я постаралась просто не думать о том, кто меня целует.

И вот это как раз стало фатальной ошибкой!

Кесарь остановился, взяв за подбородок, вынудил посмотреть в его заметно суженные от ярости глаза, жестко усмехнулся и поинтересовался:

- Полегчало?

Все еще пребывая в некотором тумане после случившегося, рассеянно ответила:

- Да, вы знаете, определенно стало легче.

- Я рад, — прозвучал холодный ответ. — Мне продолжать?

Чуть не ответила «да», но тут же одернула себя, вспомнив о нравственности, этике, и вообще о том, что как бы не слишком прилично себя веду... Потом промелькнула мысль, что в принципе вполне прилично, учитывая факт наличия нашего брака... Потом подумала, что обязательно нужно будет развестись перед тем как перенесусь в свой мир, потому что вот как раз выходить за муж за Динара, будучи все еще замужем за кесарем, будет определенно аморально. И вот да, надо бы уточнить:

- А в Эррадарасе приняты разводы? — поинтересовалась я.

Кесарь не ответил, глядя на меня столь холодно, что его взглядом, вероятно можно было бы океаны замораживать. С другой стороны я, наверно совершенно напрасно задала данный вопрос, в конце концов, разве о смерти мужа не говорят «ушел в другой мир»? А я буду вдовой, у которой муж просто в другом мире остался, суть в принципе та же самая.

И вдруг меня пошатнуло.

Меня пошатнуло столь основательно, что не удерживай кесарь в объятиях, я бы свалилась, не в силах удержаться на ногах.

Основательно испугавшись, я вцепилась в его камзол, тяжело дыша и пытаюсь понять, что происходит.

- Успокойся, я рядом, — раздался уверенный голос императора, — разберусь.

Дыхание вырывалось с надсадным сипением, пальцы, сжимавшие ткань его камзола, побелели, а в сознание промелькнуло ошеломительное — кесарь знал, что сейчас произойдет. Знал и бросив все, примчался ко мне. А нападение на крепость в таком случае это что, отвлекающий маневр?

Додумать не успела, следующий удар и я с хрипом начала сползать на пол, и сползла бы, но кесарь подхватил на руки, отнес к моему рабочему столу, усадил и встав максимально близко, в безусловно бесстыдной позе, вновь обхватив мое лицо ладонями, склонился к губам. Согрел дыханием, накрыл собственными и поцеловал легко, едва ощутимо, очень ласково... Отстраненно подумала, что ласковый кесарь явный признак того, что сейчас кто-то умрет, но уже в следующий миг никаких мыслей не осталось. Ничего не осталось, кроме нарастающе страстного, отбирающего дыхание, властного, уверенного поцелуя, требовательного, сильного, опытного. И я вдруг ощутила беспомощность в его руках, под напором его ласки, в ауре его властности. А где-то внутри вдруг начало зарождаться что-то бесконечно теплое, обволакивающее, заставляющее терять свободу мыслей, чувств, желаний, нахлынувшее жаждой придвинуться ближе к сильному телу, сжать дрожащими ладонями не край столешницы, а его плечи, прикоснуться не к холодному столу, а ощутить под пальцами тепло его кожи, и раствориться в ощущении абсолютной принадлежности ему.

И это напугало! Это привело в ужас! Мысли, чувства, возникшие во мне желания! В этот момент я до безумия испугалась не кесаря, я была в ужасе от себя!

Сжала пальцы, впившись в столешницу с такой силой, что ладони отозвались болью, и постаралась, сильно постаралась подумать, о чем угодно! О законах, владельце Лунного дворца, о положении людей на Эррадарасе, о возвращении домой, о шенге, о Динаре в конце концов! Но вот только при мысли о рыжем, в голове начало хоть немного проясняться...

Но усмешка кесаря, и поцелуй стал иным. Теплым, как лучи ласкового солнца, легким как морской ветерок, нежным как прикосновение шелка... Всего на миг. Уже в следующий сильные пальцы скользнули по моей шее вверх, лишая возможности отстраниться и разорвать прикосновение, и поцелуй утратил рамки и границы. Теперь кесарь целовал с нарастающей жесткой страстью, заставляя осознать, что все что было до этого являлось чем-то сродни невинным шалостям. Сильные жадные губы разомкнули мои, заставляя испуганно вскрикнуть, и вскрикнуть повторно, когда от этого прикосновения меня накрыло совсем не обволакивающим теплом, нет — по телу прошла обжигающая волна, мгновенно стало жарко, а весь мир вдруг сузился, грозясь исчезнуть, заставляя прижаться к кесарю, как к единственному существующему, как к единственному спасению, как к единственному... И я словно лишилась воли, основательно и напроочь, превратившись в одно сплошное желание.

Новый удар настиг меня в тот момент, когда кесарь властно прижал к себе, обхватив меня поперек... пусть будет талии, а я, похоже давно и самозабвенно целовала его, одной рукой обняв за шею, второй касаясь его волос.

И удар был раз в пять сильнее прежнего... Одна проблема — удар темных оказался сущим пустяком, в сравнении с тем шоком что испытала я, осознав, что творю!

Что я творю! Что я вообще творю! И с кем!

Кесарь, на момент удара замерший с закрытыми глазами и явно пытающийся определить откуда шло нападение, медленно приоткрыл глаза, взглянул в мои широко распахнутые от ужаса, и неожиданно сиплым для него голосом, хрипло произнес:

- Будет еще один удар.

Да не проблема! Проблема оказалась лишь в способе скоротать время до этого самого удара!

- Отпустите меня, — потребовала я, уперевшись ладонями в его грудь и всеми силами пытаюсь от себя отодвинуть.

Глупо, знаю! Скалу, наверное, проще сдвинуть чем кесаря! Со скалой вообще проще, чем с кесарем! Да со всем в мире в сто раз проще, чем с кесарем! Меня затрясло. От себя, от ситуации, от того, с каким упоением еще всего пару мгновений назад... О, Великий Белый Дух, с Динаром хоть оправдаться можно было тем, что сначала напилась, а потом вошла во вкус, но с кесарем...

С кесарем! Какой ужас!

Я закрыла пылающее лицо ладонями, невольно дотронувшись до распухших, болезненно чувствительных губ, и подумала, что будет, когда сюда войдут мои подчиненные и увидят все вот это! Это кошмар... это просто кошмар! Это худший кошмар в моей жизни!

- Нежная моя, посмотри на меня, — раздался повелительный приказ кесаря.

Я знала, что не подчиниться нельзя. Я знала, что любая непокорность жестоко карается. Я все знала... я не смогла.

- Кари, — очень ласково произнес властитель Эррадараса.

Настолько ласково, что я содрогнулась. Затем медленно опустила руки, судорожно вздохнула, и запрокинув голову посмотрела на императора, подчинившись приказу. Его ледяные глаза смотрели на меня как-то странно, с едва уловимой легкой грустью во взгляде... Но стоило мне подумать об этом, как из облика кесаря исчез любой намек на эмоции. Супруг холодно взглянул на меня, и ровным тоном

произнес:

- Потерпи, осталось немного.

И вновь склонился к моим ставшим безумно чувствительным губам. Прикоснулся осторожно, бережно, нежно, словно берег мои чувства. Снова обнял, удерживая крепко, но тоже бережно...

Удар!

Меня словно снесло сильнейшим порывом ветра, настолько сильным, что сознание вдруг явственно покинуло тело. И неизвестно что было бы дальше, не продолжай кесарь удерживать, не продолжай целовать так, что свое тело я ощущала ярко, остро и отчетливо. И я продолжала ощущать и этот поцелуй, и тепло его ладони на моей талии, и жар второй, удерживающей мой затылок руки, когда все вокруг вдруг всплеснулось мраком. Мраком, затопившим светлые стены моей канцелярии и обернувшимся стенами иными — темными, мрачными, и потолками расписанными сценами кровавых боев.

А затем раздался низкий бархатистый голос:

- Не понимаю, нас здесь четверо, ее душа уже должна была перенестись. Арраэн, что скажешь?

- Не знаю, Акьяр, сам не могу понять.

На этих словах я попыталась отстраниться от кесаря и подробнее разглядеть что тут происходит вообще. Но император отстранился сам, заглянул в мои глаза, едва заметно улыбнулся, а затем, подхватив меня на руки, устроился на столе сам, усадив меня так, чтобы я, сидя на его коленях, могла видеть происходящее.

И я увидела!

В этом внушительном мрачном круглом помещении действительно присутствовали четверо принцев Тэнетра. По крайней мере я так предположила, глядя на четырех темных, собравшихся вокруг стола с чем-то едва заметным, маленьким и темным в центре очерченной похоже кровью пентаграммы.

- Твои волосы, — прошептал кесарь, касаясь дыханием моего виска. — Нежная моя, все, на чем я настаиваю, имеет смысл. Ты сняла покров, распустила локоны и упустила несколько волос. Юранкар не предавал тебя, но среди его подчиненных нашлись те, кто с радостью продал частичку тебя темным принцам. И они поспешили использовать эту возможность.

Резко повернувшись, я посмотрела на императора, и прошептала:

- Я все поняла, мой кесарь. Что будем делать?

Просто какой смысл сожалеть и ругать себя, когда нужно действовать. Кесарь улыбнулся в ответ, и произнес:

- Твое предположение по поводу их личностей верно, нежная моя. Посмотри на них, тот что выделяется статью и шириной плеч — Арраэн принц Ночи.

Повернувшись, внимательно начала осматривать врагов. У Арраэна черные волосы были чуть ниже плеч, черная шелковая рубашка даже слегка скрывала мощный торс, немногим уступающий размерам главного арахнида... эм, в смысле Архагарандара Властителя Ночи, а еще на его руке заметно выделялся черный обруч. Выделялся тем, что время от времени вспыхивал красным.

- Его меч, надежный и верный КХатар, — сообщил кесарь. — Второй справа — Ависей принц Ночного ветра.

У Ависея волосы шевелились. Заметно так шевелились. Однажды я видела человека, почти полностью покрытого вшами — там тоже волосы шевелились, примерно так же.

- Забавное сравнение, — прошептал кесарь, касаясь меня губами, — и частично верное — в его волосах живет ветер. Одушевленный, обладающий собственным разумом ветер, способный в единый миг вырваться на свободу и сокрушить все вокруг неудержимым смерчем.

После этого я посмотрела на Ависея гораздо внимательнее. Просто- таки с живейшим интересом. Ведь если младший брат обладает столь могущественными возможностями, остается лишь гадать, когда конкретно он бросит вызов старшему, не столь сильному, но находящемуся на гораздо более привилегированном положении.

- Любопытная мысль, — заметил кесарь. — Следующий по кругу Анрахар принц Тени.

Не знаю, какой это был «принц Тени», но тени у принца как раз и не было. Вообще. Все тень отбрасывали, а вот он нет. Изумленная этим, я огляделась и настала пора изумляться еще больше. Потому что тень появилась! Она просочилась сквозь плотно закрытую дверь, промелькнула по полу большой черной кляксой, и заняв свое естественное положение, то есть приняв на все том же полу очертания тела Анрахара, сообщила:

- Адрас отказался.

- Что значит отказался? — разъяренно вскричал Арраэн. — Он нужен здесь и сейчас! Пусть оторвет свой бесполезный зад от бочки с вином и явится сюда, немедленно!

Тень невозмутимо выслушала все это, и меланхолично сообщила:

- Его высочество ушел в горы, оставив после себя лишь частичку Мрака, что любезно уведомила меня об отказе.

- Так найди его! — приказал Арраэн принц Ночи.

Тень изобразила скорбный вздох и пояснила ему как маленькому:

- Я — тень. Я соткана из Мрака. Могу ли я разыскать повелителя Мрака, если он того не желает?

И Арраэну пришлось заткнуться.

Тогда-то и заговорил Акьяр принц Ночного страха, вполне оправдывающий свое имя — он был страшным. Он был таким страшным, что если увидеть его ночью, бросишься бежать прочь, оглашая все вокруг дикими воплями.

- Я опасаюсь, — проговорило это чудище с исполованной до костей когтями мордой и одним отсутствующим глазом, — что Черная звезда заинтересовалась и им. И возможно, Адрас получил послание подобное тому, что доставили мне.

- Сомневаюсь, — с усмешкой отозвался Ависей принц Ночного ветра, — Адрас бесполезен, ленив и погряз в пьянстве, давно уговариваю отца избавиться от этого балласта.

- Согласен, — поддержал Анрахар принц Тени.

- Если переметнется на ее сторону, сам сверну ему шею, — сказал Арраэн принц Ночи, — но до того момента, слышать не желаю о ваших безмозглых порывах убить брата. Он наш брат! Законный. Одной крови с нами.

- Он позорит нашу кровь, — скривившись выдал Ависей принц Ночного ветра.

- Достаточно, — прикрикнул на него Арраэн принц Ночи.

А я заметила, как дернулись, но тут же опали волосы Ависея. Словно ветер готов был бросить вызов сейчас, немедленно, но принц его удержал.

И почти сразу как то темное, что было на столе, вдруг исчезло. Скорее по наитию, чем догадавшись, обернулась и увидела как гаснет блеск в ледяных глазах кесаря, и сразу стало ясно кто уничтожил имеющиеся у темных волоски.

- Что за драххур?! — напряженно произнес Арраэн.

Ависей и Анрахар недоуменно на него уставились, а вот Акьяр все ловил налету — темный тенью метнулся к столу, вглядываясь в уже пустую пентаграмму.

- Арраэн, это вмешательство, — вынес в итоге вердикт принц Ночного страха.

- Но как? — прорычал наследник Тэнетра, упершись руками в стол и почти с ненавистью глядя на брата.

Я придвинулась чуть ближе к кесарю и тоже поинтересовалась:

- А действительно, как?

Потом обратила внимание, что сидим мы не на столе в канцелярии, а вообще похоже в воздухе. Свесилась, посмотрела вниз, убедилась в действительности своего замечания, снова села ровнее и вопросительно посмотрела на кесаря.

- Магия, — с загадочно-насмешливой улыбкой пояснил он.

- Вы знаете, вот как раз об этом я догадалась!

- Серьезно?

Кажется, надо мной банально измывались.

Кесарь лишь усмехнулся в ответ на мой возмущенный взгляд и тихо ответил:

- Ощутив приближающуюся к тебе волну магии, я предпринял все, чтобы успеть первым. Успел. И перехватывал часть направленной на тебя силы каждый раз, когда Архаэры усиливали призыв.

- Но, мой кесарь, зачем темным все это? — искренне не понимая, спросила я. — К чему им потребовалось переносить мою душу?

Ничего не отвечая, император подхватил меня на руки, легко спрыгнул с ныне невидимого стола, и мягко ступая, все так же удерживая меня, обошел стол с братьями, которые начали применять весь запас своей нешуточной магии, чтобы понять кто их только что на экспериментальный материал ограбил.

А мы обошли по кругу, и кесарь остановился, позволяя мне увидеть распятую, прикованную к полу совершенно обнаженную, истерзанную девушку. В ее тело в плечи и бедра были воткнуты кинжалы, ее искусанные губы были в крови, ее тело было покрыто укусами и красными отметинами, ее ноги...

- Достаточно, — решил кесарь и унес меня обратно на совершенно не видимый здесь стол.

И опершись на него бедром, продолжил удерживать меня, притихшую и потрясенную на руках.

- Перемещение душ, нежная моя, давняя забава темных, — начал объяснять кесарь. — Механизм сложен, и для него обычно требуется пять магов, жертва, которую пытаются ровно столько времени, сколько потребуется для того, чтобы человек отчаянно возжелал умереть, лишь бы не испытывать больше боли, и частичка тела светлой леди. Удивительно, но подобные темные способны проделывать исключительно с женщинами светлых. И если ритуал произведен верно, в теле истерзанной человеческой девушки просыпается светлая леди. Удерживать вызванную душу темные способны до нескольких суток. Стандартно начинают с насилия, превосходно понимая, насколько это унижительно и болезненно для женщины. Насилие перемежается с

пытками. За это время несчастная жертва выкладывает все, что что только знает. Когда же душа возвращается в свое тело, память сохраняется. Как и безумие, коим для большинства леди оборачиваются подобные «шалости» темных. Теперь ты знаешь о причинах, побудивших светлых держать своих леди в максимально закрытой одежде, и в максимально ограниченном пространстве.

Я сидела совершенно оглушенная этой информацией. Жестокость темных даже не то чтобы поражала, вызывала ужас и отторжение. Нет, я ни на секунду не допустила мысли, что на месте этой истерзанной девушки сейчас могла лежать я, во мне была слишком сильна уверенность в кесаре, во имя Матери Прародительницы, какой же безжалостностью нужно обладать, чтобы творить такое!

- Что будет с этой девушкой? — спросила, наконец совладав с эмоциями.

- Повреждений несовместимых с жизнью у нее нет, значит отпустят, — ответил властитель Эррадараса. Затем добавил: — Нежная моя, тебе достаточно разорвать тактильный контакт со мной, чтобы вернуться обратно в канцелярию.

- А вы? — мгновенно спросила я.

- Никогда не отличался милосердием.

Я взглянула на кесаря и неожиданно поняла, что в отличие от меня, оглушённой случившемся и лишь задающей вопросы, он все это время действовал. И сейчас в глазах пресветлого Араэдена сверкали и переливались золотые искорки... О, я помнила на что они были способны.

- Иди, — мягко, но настойчиво повторил он, — я поглотил достаточно твоих эмоций, чтобы быть способным удерживать себя здесь и без твоего присутствия.

И я совершенно ясно поняла, зачем меня целовали. Ясно и отчетливо. Кесарю нужны были мои чувства, мои мысли и мои переживания, чтобы перенестись туда, где эти выродки проводили ритуал, чтобы разобраться с ними максимально жестоким способом. Дабы впредь неповадно было. И знаете что, мой кесарь:

- Я останусь, — заявила уверенно. И улыбнувшись, добавила: — Тоже знаете ли, никогда не отличалась милосердием, особенно в отношении столь подлых врагов.

Кесарь, в момент моих рассуждений о причинах случившихся поцелуев взирающий на меня как-то крайне напряжённо, странно усмехнулся и с неожиданной нежностью произнес:

- Кари, кровожадная моя.

- Даже спорить не буду, — заверила я, и сев поудобнее, так чтобы все было видно, приготовилась наблюдать за показательным избиением темных младенцев.

Избиение началось эпично!

Призванные кесарем золотые искорки вдруг материализовались прямо в центре пентаграммы, заставив темных братьев прекратить обсуждение дальнейших действий по устранению моей выдающейся во всех смыслах персоны, и на миг застыть, потрясенно вглядываясь в искрящееся золотом явление. Искорки роились, словно стая фантастических крошечных пчелок, будто золотые песчинки, вопреки всем законам мироздания, просыпающиеся наверх, а не в низ, словно скопление ярких золотых звездочек... И это действительно было красиво. Потрясающе красиво, и так завораживающе, изумительно, сказочно.

- Пресветлый! — вмиг догадался обо всем похоже самый умный из братьев — Акьяр. — Его зарры!

- Это невозможно, — уверенно произнес Арраэн принц ночи, — зарры не способны действовать на территории Тэнетра. Максимум — это иллюзия.

Кесарь едва слышно усмехнулся, и количество искорок начало стремительно расти. Так же

стремительно четыре темных принца окутали себя защитными чарами, что визуально очень походило на попытку обмотать себя полупрозрачной черной тканью. Этот кокон создавался одним движением — взмах руки и поднявшая словно из земли темная призрачная материя закручиваясь по спирали окутывает владельца... И это тоже было красиво, да, и кесарь кажется весело полюбовался магией темных вместе со мной, позволив принцам обрести уверенность в своей безопасности...

И едва четверо темных выпрямились, убежденные в защищенности от любых неприятных сюрпризов, кесарь нанес удар.

Золотые искорки всколыхнулись волной, расплескались под потолком, став на краткое мгновение подобием звездного неба, и лавиной обрушились на темных, прожигая напрочь защитные коконы, прожигая кожу до крови, чей запах мгновенно разнесся в воздухе!

Первым взвыл Ависей принц Ночного ветра, когда прожегшие защиту искорки, начали выжигать целые пряди на его голове. Взвыл вероятно даже не от боли, а от лицемерия того, как на пол беззвучно словно осенние листья опадают пряди его роскошных волос. Он заорал, выпуская свой ветер, пытаясь прикрыть голову, приказывая ветру уничтожить зарры. Но что мог ветер? Возникший смерч, захватив искорки в свой поток, лишь ускорил их, сделав еще более смертоносными и вскоре пол был усеян каплями крови темных.

- Угомони свой сквозняк! — заорал на него Анрахар принц Тени, пытаясь эту самую тень выставить перед собой как щит.

Тень явно противилась, причем очень продуманно и осознанно — когда в нее летела новая искорка она растягивалась и избегала контакта, таким образом зарра летела в Анрахара, что, по моему, доставляло тени невыразимое удовольствие — она даже улыбалась периодами.

- Держать защиту! — орал на нее хозяин.

- Не могу, я только тень, я не щит, — вполне логично парировала тень.

Мне откровенно импонировала ее разумность, а вот принцу явно нет, и он попросту отшвырнул тень, едва очередная искорка начала целеустремленно прожигать его камзол. В этой заведомо проигрышной схватке достойно держались только Арраэн и Акьяр. Принц Ночи, призвав меч и демонстрируя великолепные навыки в фехтовании, успешно отражал большинство атак золотых искорок, и лишь раздраженно шипел, когда некоторым удавалось прорвать оборону и прожигая ткань добраться до тела. Его черная шелковая рубашка давно взмокла от пота и пропитавшей ее крови, и теперь мокрой тряпицей облегла широкие плечи и мощную мускулатуру темного, волосы он умудрился собрать в хвост в начале атаки и они ему не мешали практически, а еще Арраэн призывал магию, определенно призывал магию, это ощущалось в сгущающемся вокруг него мраке. Акьяр так же предпочел действовать. Отойдя к стеллажу с книгами, он не защищался от зарр, ничем кроме уже продырявленного защитного кокона, лишь глухо рычал, когда очередная золотая искра добавляла шрамов на его тело, и стремительно листал вытащенный талмуд, в поисках чего-то, что счел вероятно единственным спасением.

- Нашел? — хрипло спросил Арраэн.

Акьяр сначала отрицательно мотнул головой, а затем кажется нашел, потому что на его жутком лице заиграла не менее жуткая усмешка. И старший брат приняв это как сигнал, мгновенно метнул весь накопленный мрак принцу Ночного страха. Мрак окружил его плотной, непроницаемой для зарр пеленой, позволяя не отрываясь и не отвлекаясь на защиту, зачитать нечто, прозвучавшее как:

- Да обретет облик измененное!

Оно быть может прозвучало иначе, все же мне, обучившей язык магическим способом, вероятно не были доступны все значения слов, как и их понятия, но услышала я вот так. А затем с удивлением заметила, что наш стол из императорской канцелярии стал видимым.

И я едва подумала «Зачем им стол понадобился?!», как все темные принцы разом повернулись к нам, с ненавистью взирая на кесаря, продолжающего удерживать меня на руках, и на меня, вольготно на руках нашего бессмертного устроившуюся, и в придачу обнимающую императора за шею, ну просто потому что так удобнее было.

- Нежная моя, тебя отпустить? — поинтересовался кесарь, коснувшись губами моей щеки.

- Желаете продолжить счастливо расправляться с темными без меня, мой кесарь? — обиженно уточнила я, обернувшись к нему.

Властитель Эррадараса улыбнулся, склонился к моим губам и почти касаясь их, прошептал:

- Поверь, без тебя эта расправа утратит даже намека на удовольствие, не говоря о счастье.

И вот на этой сентиментальной ноте меня ссадили на стол. И едва кесарь перестал прикасаться ко мне, я утратила возможность видеть подземелье темных принцев. Увы, теперь перед моими глазами было все то же залитое светом пространство императорской канцелярии, пустые столы с брошенными письменными принадлежностями, и кесарь, стоящий рядом с самой убийственной из своих улыбок. Затем его губы шевельнулись, словно он что-то произнес, но я не услышала ни звука, и продолжала ожидающе смотреть на императора. Он продолжал стоять расслабленно, даже руки на груди сложил, и в то же время величественно. Сильный, опасный, не сгибаемый, не проигрывающий, относящийся к категории тех, с кем бы я в принципе не советовала бы никому связываться. И я не знаю, каким кесарь был ранее, но после трехсот лет в Рассветном мире он стал тем, кто... кто в принципе оказался способен в одиночку захватить целую империю всего за день. И я, честно говоря, уже даже не знаю, на что кесарь был не способен...

Внезапно поняла, что за мной, откровенно разглядывающей пресветлого, сам он уже некоторое время с улыбкой наблюдает. Немного смутившись, поспешно спросила:

— Как темные?

— С трудом проглатывают очередное поражение, — ответил кесарь.

Да уж, проглатывать им есть что.

— Какие еще выводы сделала? — поинтересовался император.

Пожав плечами, задумчиво ответила:

— Арраэн — силен, привык брать ответственность на себя, опасен для нас. Ависей тщеславен, нетерпим, используем как пешку, подогрев в нужный момент зависть к старшему брату. Анрахар глуп настолько, что над ним тонко издевается его собственная тень, он нам не нужен, а вот с тенью я бы с удовольствием сотрудничала. Акьяр умен. Умен, способен действовать в экстремальных ситуациях нестандартным образом, и в принципе я бы не поворачивалась спиной к этому врагу, даже будь он теоретически повержен. Но... есть одна зацепка.

— Говори.

Я вот не была уверена, что смогу точно выразить мысль, все же она оказалась довольно странной даже для меня, но меня искренне удивило, то безразличие с которым Акьяр отнесся к новым шрамам, в то время как его братья заметно тревожились о своей внешности. И если так подумать, то все трое, я просто не помню, как выглядел четвертый, так вот трое имеющих действительно красивые. Высокие, мускулистые, темноволосые, с правильными чертами лица, странным, но по своему привлекательным взглядом чуть раскосых глаз... Я бы сравнила их с Аршханом по красоте, и в этом смысле вероятно они пользовались большой популярностью у женщин, в то время как Акьяр был откровенно говоря уродом. К тому же жутко страшным уродом. И вот вопрос, как сочетаются его ум, наблюдательность и способность совершать правильные выводы, с явно имеющейся негативной реакцией на него окружающих, в частности женщин.

— Нет, — отрезал кесарь. — Каковы бы ни были твои планы на Акьяра, не смей задевать его чувства ничем.

— Почему? — живо поинтересовалась я.

— Потому что, нежная моя, чувства темных не то, с чем можно безопасно играть, — холодно произнес император.

— Да, но с другой стороны к Акьяру не подобраться, — резонно заметила я.

Несколько секунд кесарь молча взирал на меня, затем, неожиданно усмехнулся и поинтересовался:

— Нежная моя, и как же ты планируешь завоевать лояльность того, кто предан темным и своей семье?

Ответила я не сразу, старательно подбирая слова даже мысленно, и в итоге озвучила:

— Любовь к женщине способна разрушить любые узы, включая семейные.

Кесарь заметно прищурился, продолжая молча смотреть и... мне казалось он с трудом сдерживал улыбку.

— Полагаешь, Акьяр заинтересуется тобой? — все же спросил император.

На это я спокойно ответила:

— Он урод, я урод, его интерес неизбежен.

Взгляд кесаря слегка изменился, стал пристально-изучающим. Затем последовало произнесенное с оттенком недовольства:

— Нежная моя, строя планы на Акьяра ты не учла фактора присутствия у тебя мужа.

Невозмутимо пожав плечами, заметила:

— Не думаю, что станет помехой, более того — старший брат уже увел у вас девушку, уверена — младший испытает невероятный азарт даже от намека, на возможность провернуть подобное.

Спрыгнув со стола, на который меня как усадили, так и оставили, я сделала два шага вперед, остановилась и обернувшись к ставшему крайне мрачным властителю Эррадараса, спросила:

— Почему вы выставили моих служащих? Мы не могли для всего этого переместиться к примеру в вашу спальню?

Подняв взгляд на меня, кесарь холодно произнес:

— Покинув зону влияния, ты разорвала бы связь.

Ага. Понятливо кивнув, я направилась к двери, распахнула ее и приказала всем толпившемуся в коридоре элларам вернуться на свои рабочие места. Они подчинились, но Эдогар, подойдя, негромко порекомендовал мне умыться. Несколько изумленная поступившей рекомендацией, коснулась лица, невольно дотронулась до губ, исследовала их, с возрастающим удивлением, впечатлилась размером припухлости и... забыла. Работы невероятное количество, так что мне определенно было не до внешнего вида.

И тут в канцелярии раздалось задумчиво-вопросительное:

— Сэтарен?

Я развернулась к кесарю, стоящему возле карты и гордо ответила:

— Вы обозвали мой мир, я — ваш. Один-один.

Великий супруг одарил меня насмешливым взглядом и поинтересовался:

— Древнеизмирский?

— Да, — глядя на императора, решительно ответила я.

Про себя подумала: «Переводится как «стадо диких коров».

Кесарь, несомненно считавший мои мысли, усмехнулся и сообщил:

— Я провел десять лет в Измире.

Вот... дохлый гоблин.

— Дохлый гоблин нет, а я да, — парировал Араэден.

И пока я стояла, и откровенно злилась на тему осведомленности нашего вечно обо всем осведомленного, кесарь, заложив руки за спину, медленно и неотвратно приблизился ко мне, насмешливо посмотрел с высоты своего роста и прочего, и безапелляционно произнес на оитлонском:

— По поводу Акьяра — нет.

Вздернув подбородок и глядя прямо в глаза великого правителя всего Сэтарена, решительно ответила на том же родном оитлонском:

— А я сказала — да.

И прежде чем меня в очередной раз задавили авторитетом, добавила:

— Мне решать кого и как использовать в деле становления единой империи, и давайте избавим меня от очередной необходимости аргументировать свое решение, а вас от очередного скандала с битьем посуды!

Император Араэден, насмешливо изогнув бровь, поинтересовался:

— Мне грозит очередное весьма забавное представление с участием твоей попытки выяснения границ допустимого, жестокая моя?

Решительно ответив «Да», я тот час же поинтересовалась:

— В связи с чем изменения в традиционном обращении ко мне, мой кесарь?

Ответа не последовало. Несколько секунд властитель Эррадараса молча взирал на меня свысока, затем на все том же оитлонском произнес:

— Наивная моя, исключительно для удовлетворения моего любопытства, — ты осознаешь, что в конечном итоге проблему с Акьяром придется решать мне?!

Осознавала ли я это? Нет. Я была полностью уверена, что все решу сама, но ответила истинно в духе Лорианы:

— Вы — мужчина, вам и решать.

Криво усмехнувшись, Великий Араэден Элларас Ашеро развернулся и покинул пределы моей канцелярии, оставив во мне крайне мне же несвойственный привкус грядущей неудачи. Это было новое для меня чувство, новое и не слишком приятное, и возможно в другой ситуации я прислушалась бы к голосу разума, интуиции и намекам кесаря, но не сегодня и не в данной ситуации. Мне за год нужно выстроить империю, мне нужен Акьяр и его способности.

Мне до безумия нужен тот, кто в случае необходимости сможет противостоять кесарю — и в этом была истинная причина задуманной авантюры. А Акьяр сможет. Сумел же обойдя защиту императора, практически добраться сегодня до меня... И все это с первой попытки. Вторую мне лучше не допускать.

Без тени улыбки, задумчиво вернулась к карте, еще раз взглянув на места, намеченные для строительства городов.

В памяти пронеслось убийственное: «И в следующий раз, нежная моя, когда ты решишься поднять вопрос об «условиях работы», «отдельной спальне» и прочих мелочах, настоятельно советую подумать о вероятности утратить возможность участия в политической жизни моего государства, обретя взамен полный набор прав истинной светлой леди».

На губах появилась улыбка, едва заметная, едва ощутимая... В следующий раз, мой кесарь, думать об утрате возможностей придется вам. Не стоило загонять меня в угол, мне и так этот мир радости не принес!

— Пресветлый Эдогар, нам предстоит много дел на сегодня.

— Начнем с посещения Лунного дворца? — мгновенно отозвался глава моей канцелярии.

— Нет, — продолжая пристально взирать на карту, — начнем с посещения Юранкара.

И было бы замечательно обойтись без присутствия Тэхарса и его совершенно непонятной

мне способности считывать и передавать кесарю мои мысли.

* * *

Эдогар перенес меня сразу в тот заканчивающийся глухой стеной проулок, в который выходил один из тайных ходов главного логова преступного сообщества.

Наблюдающий распахнул дверь, едва мы вышли из портала, и я поспешила вниз по каменным ступеням, искренне надеясь, что кесарь не успеет выслать Тэхарса, а дракон не успеет ничего в принципе. Я очень рассчитывала на это, и мой расчёт оказался верен... практически верен, потому что спускаясь, я расслышала отдаленный шум крыльев, звук приземления чего-то тяжелого, а затем знакомый мне басовитый голос:

— Здорова, светоносный.

— Рад приветствовать древнейшего представителя крылатого народа, — куда как более уважительно ответил Эдогар.

Я ускорила.

Сбежала по ступеням вниз, торопливо вышла в освещенный факелами зал подвала и... была вынуждена остановиться пребывая в полном изумлении.

Все! Абсолютно все местные преступники, при виде меня, разом рухнули на колени. Некоторые, правда, для начала неловко сползли со стульев, а уже после рухнули, но впечатления это не испортило. Затем показался Юранкар. Темный, виновато глядя на меня, прошел по рядам, минуя своих коленопреклоненных подчиненных, а едва дошел до меня, так же, но гораздо медленнее и грациознее, опустился на колени. Хм.

— По какому случаю торжественный молебен? — поинтересовалась я, крайне недовольная тем, что и Эдогар и Тэхарс уже стояли за моей спиной.

Подняв голову, Юранкар сначала взглянул на меня с некоторым недоумением по поводу вопроса, затем хрипло пояснил:

— Я подвел вас, пресветлая императрица.

Пауза, и последовал отчет:

— Виновные понесли наказание.

Сотня голодных гоблинов, у меня не было времени на все это показательное покаяние, на не менее показательное выступление в духе «О, чудесные преступные элементы, никогда более так не делайте» собственно тоже. Да и вообще со временем имелись проблемы, но и не сказать ничего в данной ситуации я так же не могла.

— Какое наказание понесли виновные? — холодно осведомилась я, при этом осторожно коснувшись носком туфельки колена Юранкара.

Он недоуменно посмотрел на меня, я выразительно на него. Мой взгляд недвусмысленно выражал желание покончить со всем этим как можно скорее, и желательно избавившись от Тэхарса.

И темный оказался крайне проницательным. С трудом сдержав улыбку, он поклонился снова, затем поднялся, и пафосным, преувеличенно громким голосом, сообщил всем, и мне в том числе:

— Виновные умирают в муках! Пресветлой императрице не престало видеть мучения и кровь, а потому славный хранитель ее лорд Тэхарс должен убедиться в величине страданий их! Горам, проводи!

Я была готова расцеловать Юранкара. Нет, правда, он мне начинал нравиться больше, чем Сотник. До Гнева, конечно не дотягивал, но больше чем Сотник определенно нравился.

Из коленопреклоненной толпы вышел здоровый бородатый мужик, глянул на Тэхарса, стоящего за моим левым плечом, и с опаской произнес:

— Пошли, да?

Дракон даже не пошевелился. Я взглянула на него, полуобернувшись, и получила непримиримый взгляд в ответ, выражавший отказ покидать меня даже на мгновение.

— Тэхарс, не смей ронять мой авторитет! — прошипела я. — Ступайте, и убедитесь в том, что никто больше не посмеет предать меня.

Взглянув на меня почти с ненавистью, дракон перевёл взгляд на мужика и приказал:

— Веди, бородатый.

Еще до того как они скрылись в противоположной от входа арке, Юранкар поднялся и произнес:

— Сюда, пресветлая.

И повел меня к уже знакомому личному помещению, перед которым, как и вчера стоял стол и стул. Один. И охранники, невозмутимо задержавшие Эдогара, так что когда мы прошли к нише, отделенной недостроенной каменной стеной от всех, наконец остались одни с Юранкаром.

Темный, едва завел меня в этот тупик, повернулся и хрипло произнес:

— Простите, императрица.

— К гоблинам, — отмахнулась я. И без перехода произнесла: — Мне нужен Акъяр.

Юранкар, сегодня одетый лишь в черную шелковую безрукавку и свободные столь же черные штаны, посмотрел на меня сначала недоуменно, но затем:

— Ты с ума сошла? — без тени столь старательно ранее демонстрируемого уважения, спросил король преступного мира.

Усмехнувшись, честно ответила:

— Сумасшествие — роскошь, которую политики моего уровня не могут себе позволить.

Прислонившись к приятно-холодной стене, сложила руки на груди и глядя на темного, продолжила:

— Мне нужен Акъяр, что касается Адраса, он, я полагаю, уже у тебя?

Криво усмехнувшись, Юранкар протянул:

— А я хотел сделать сюрприз.

Мило улыбнувшись в ответ, пояснила:

— Слишком предсказуемо для сюрприза. Акъяр был здесь вчера?

Перестав улыбаться, темный кивнул. Затем нехотя добавил:

— Стул, на котором ты сидела я успел сжечь, как и часть стола. К сожалению, среди моих оказались предатели.

Внезапно все подземелье сотряс рык дракона, затем тряхнуло стены и пол, послышалось отдаленное гудение пламени и пахнуло теплом.

— Судя по всему, предателей больше нет... — отрешенно произнесла я.

Темный кивнул, подтверждая.

Наверное, мы оба в этот момент подумали, что от дракона нужно избавиться. Не в плане убийства, но так, в общем и целом...

— О двух твоих волосках я узнал сегодня, — продолжил Юранкар, — к сожалению, сообщать об этом пресветлому императору пришлось тоже мне. Он успел?

— Да, — коротко ответила я.

Пояснять не хотелось, несмотря на то, что темный определенно жаждал услышать подробности. И он подтвердил это, добавив:

— От техники призыва души нет защиты.

Я улынулась и честно призналась:

— Они сильно недооценили моего кесаря.

Понятливо кивнув, Юранкар поинтересовался:

— Чем я могу быть полезен?

Я ответила вопросом:

— Карта есть?

Взмах руки и на стене проявилась пусть не столь подробная как у кесаря, но вполне достоверная схематичная карта светлых земель. Подойдя, я отыскала место, где определила территорию для постройки трех городов, выбрала ближайший к землям гномов участок, и сообщила:

— Вот сюда, необходимо доставить лес, строительные материалы, палатки на первое время, продукты питания и прочее, для организации человеческого временного поселения.

Подошедший Юранкар задал только один вопрос:

— Когда?

— Сейчас, — был мой ответ. — Стоимость можешь смело завышать в три раза.

Темный помолчал, затем поинтересовался:

— Я могу привлечь поставщиков из Тэнетра?

— Конечно.

— Потребуется портал от границы, — продолжил он.

Повысив голос, я крикнула:

— Эдогар.

Мы молча постояли, глядя на карту, пока не подошел явно не одобряющий меня светлый, но я даже не сомневалась, что его неодобрению предстоит выйти на новый уровень.

— Предоставьте Юранкару специалиста, способного работать с порталами, — приказала я. И добавила: — Сейчас.

С трудом подавив гнев, Эдогар поклонился и исчез в портале.

Я же перешла к следующему пункту:

— Гномы. Специфика ведения переговоров?

Юранкар ответил не сразу. Успел подойти Тэхарс, с невозмутимым видом сообщивший, что все виновные более не должны быть предметом моих переживаний, затем вернулись Эдогар и один из работников канцелярии, Юмар, насколько я помнила. А темный все еще молчал. Затем, очень осторожно ответил:

— Огромным оскорблением является отказ от пищи.

— Это все? — уточнила я.

И Юранкар был вынужден признаться:

— Дальше мы не зашли в переговорах.

Печально.

— Юмар твой, а мне нужна бумага, перо возьму у Эдогара, — сообщила я, покидая тихую гавань отделенного от всех закоулка.

Через пять минут я передала Юранкару запечатанное письмо, в котором значилось:

«А вы умеете удивлять. Надеюсь на личную встречу, Катриона».

— Это безумие, — принимая свиток, прошептал он.

Молча пожав плечами, я посидела еще всего минуточку, прогоняя ко всемдохлым гоблинам усталость, и резко поднявшись, спросила:

— Где Адрас?

Идя к принцу Мрака, я с тревогой думала о том, что говорить, как вести себя, с чего начать... Я решительно шагала по замшелому каменному полу, вздернув подбородок, глядя прямо перед собой, не позволяя и тени сомнения отразится на моем лице, сжимая кулаки, незримые ни для кого благодаря длинным рукавам и думала. Напряженно думала. Думала о том, что могу дать Адрасу такого, чего не мог дать никто иной? Что обеспечит его преданность с первого и до последнего вздоха?! Что заставит стать моим верным приверженцем и не позволит даже на секунду усомниться в правильности своего выбора?! Деньги, положение, власть? Все это у него было и на Танэтре... я должна найти иной подход. Совершенно иной. Что-то, что есть только у меня, на что не способны ни темные, ни светлые... Что???

И время на размышления завершилось — свернув за поворот очередной подземной арки, я вышла в просторный зал, где на желтых изрезанных временем каменных плитах раскинулся внушительный красный ковер, на нем живописной группкой стояли мягкие кожаные диваны, расставленные так, чтобы тепло от пылающего камина согревало их. Ближе всего к огню, держа в руках бокал с рубиновым вином, ссутулившись сидел принц. Судя по взгляду, он услышал мои шаги еще издали, а теперь смотрел, просто смотрел, ожидая... ничего хорошего он не ждал, и это легко читалось в багряно-алом взгляде глаз темного. Видимо ему, как, впрочем, и мне, эта жизнь подарков не делала.

И я улыбнулась, невольно ощутив родство с этим внушительного вида могучим и широкоплечим принцем, которого едва ли любили в семье, которого определенно не ценили в роду, который судя-по всему привык оставаться за бортом в любых отношениях.

Не в этот раз!

Не сбавляя темпа, я прошла через весь зал, остановилась перед Адрасом, протянула руку, предлагая ему подняться. И едва темный, с видимым трудом встал с дивана, шагнула к нему, радушно обнимая и прошептала со всей искренностью:

— Добро пожаловать в мою команду, ваше высочество.

Шаг назад, сияющая улыбка и глядя на растерявшегося принца Мрака, я поинтересовалась:

— Вам требуется отдых?

Заметно растерявшийся Адрас, отрицательно мотнул головой.

— О, это чудесно! — совершенно честно воскликнула я. — Честно говоря несколько опасалась без вас приступить к следующему пункту моего плана.

Он нахмурился, недоверчиво посмотрел на меня и хрипло спросил:

— Вы серьезно, пресветлая императрица?

— Для вас Катриона, — поправила я. — И я серьезна как никогда. Нас ждут великие дела, поверьте мне.

И повернувшись к своей свите, командовала:

— Эдогар, портал в Лунный дворец.

* * *

Несомненно, я бы предпочла отправиться к гномам. Если же в общем говорить о моих предпочтениях — выбрала бы возможность отдохнуть, накрывшись одеялом и наревевшись вволю. Но говоря откровенно — подобной роскоши у меня не было с пятнадцати лет, так что какой смысл сожалеть о невозможном. Предпочитаю действовать.

В портал шагнула, утянув Адраса за руку за собой, и не выпустила его ладони, едва мы ступили на совершенно гладкую, словно вымощенную льдом дорожку, ведущую к невероятно прекрасному, затмившему все небо искрящемуся на солнце замку. Пугающе-громадному,

величественному настолько, что одним своим видом он внушал трепет и уважение, расположенный полукругом и возможно именно потому носящий звание «Лунный». Дворец был шикарен. Говоря откровенно он едва ли уступал тому, что создал кесарь, с другой стороны... он меня не интересовал в принципе.

— Тэхарс, в небо. Если нас еще не заметили, вы привлечете внимание. Адрас, искренняя просьба — контролируйте лорда Ларвейна, этот пресветлый крайне склонен к моему убийству, не хотелось бы давать ему шанс. Эдогар, вы представляете примерно, где здесь находятся хозяйственные постройки и мастерские?

Они подчинились без слов. Тэхарс взмыл в небо громадным драконом и, если честно тем самым убил все мои надежды на свое устранение — да мне жизни не хватит, чтобы прикопать такую тушу где-нибудь под кустиком. Адрас не отреагировал внешне, но вокруг нас взметнулся и опал мрак, и я так подозреваю, защита у нас теперь была основательная. После мне галантно предложили локоть, и я не стала отказываться от помощи — хождение в местных платьях было тем еще удовольствием.

Эдогар же, мысленно прикинув что-то, свернул вправо, и пошел вперед, указывая дорогу.

Между тем в Лунном дворце нас определенно заметили — дворец вспыхнул, засиял словно давшее ему название небесное тело, тропинка расплескалась став широкой дорогой и зря, мы с нее уже свернули и с самым невозмутимым видом отправились гулять по территориям пресветлого Ларвейна.

И даже не отказали себе в удовольствии завязать светскую беседу.

— Как здоровье ваших родителей? — учтиво поинтересовался Адрас.

— О, они в полном здравии, — поддержав его тон, ответила я. — Здоровы ли ваши батюшка с маменькой?

Едва заметно улыбнувшись, Адрас ответил:

— Матушка умерла родами, мне не довелось знать ее. Отец, полагаю, рвет и мечет.

То есть матери у принцев разные... это многое объясняет.

— У вас своеобразный отец, — заметила я.

Принц едва заметно усмехнулся, и поинтересовался в ответ:

— Судя по тому, что мне довелось наблюдать, ваш батюшка был... вождем?

— Королем, — я улыбнулась наивности представлений темных о том мире, откуда кесарь соизволил меня приволочь. — Я — наследной принцессой.

О том, что более полугода мне пришлось быть действующей императрицей говорить не стала, не то пришлось бы коснуться моей печальной участи жертвы в ритуале переноса.

Но принцу хватило и услышанного, чтобы проявить искреннее потрясение. Он остановился, удивленно взглянул на меня и переспросил:

— Наследной?

Потянув его вперед, так как Эдогару тоже пришлось остановиться, а у меня времени как бы не особо много было, я поинтересовалась:

— Что вас удивляет?

— Вы — женщина! — предельно честно ответил Адрас.

«Да какая с меня женщина?» — устало подумала я. Но ответила все так же благожелательно и сохраняя на лице улыбку:

— В моем мире женщине дозволяется править единолично.

И спустя три шага, добавила:

— Сейчас, когда следуя за своим супругом и повелителем я покинула Рассветный мир, власть в империи сосредоточена в руках моей младшей сестры.

Звучало то как. Красиво звучало... практически правильно, если не учитывать нескольких

столь малозначительных фактов, как мое искреннее нежелание ни становиться супругой нашего Великого Бессмертного и Безжалостного, ни тем более покидать мой мир... На миг, всего на один краткий миг представила себе храм Матери Прародительницы, Динара, держащего меня за руку в момент, когда я произношу клятвы, и платье — ярко-красное, в цвет подаренного им кольца... да, я надела бы красное, и распустила волосы на нашу свадьбу, и была бы самой счастливой, самой влюбленной невестой в мире... во всех мирах.

— Вы сожалеете, — неожиданно произнес Адрас, вырывая меня из нахлынувших грез.

Я заставила себя улыбнуться и практически не солгала, сказав:

— Мне не хватает родителей, сестры... друзей. — Улыбнулась лучезарнее и добавила: — А так же министров и секретарей, уже в совершенстве знакомых с моим темпом работы и порядком действий.

И я постаралась не думать, просто не думать о том, как же сильно я хочу вернуться домой. Насколько сильно... Как же безумно я хочу туда, где все родное, все мое, все знакомо и привычно, все...

А в следующий миг со всей убежденностью решила, что подзадержусь. Сильно подзадержусь!

Мы миновали шесть рядов местных мелко хвойных подстриженных так, что напоминали форму огня свечи, и вышли к хозяйственным постройкам.

То, что я увидела далее, описать было сложно...

Я бывала на фермах много раз, на частных, объединенных общим хозяйством гильдии, на королевских... Но мне никогда не приходилось видеть ферм, где разводили... людей! Гоблин раздери — людей!

Стоя на вершине небольшого холма, я с ужасом переводила взгляд с одного загона, где бегали дети от года и до пяти, на другой — от пяти и до восьми, на третий... от восьми и до одиннадцати, не более! Совершенно голые, грязные... как поросята... и даже еду им, кажется, насыпали в корыта... Нет, не кажется — насыпали!

— Они... они хотя бы знают своих... матерей? — с трудом проговорила я.

— В основном да, — Адрас, и я была ему безумно благодарна за это, тоже явно не одобрял увиденного.

Эдогар же отнесся совершенно спокойно, продемонстрировав, что для него происходящее не является чем-то из ряда вон выходящим.

— Это люди, пресветлая императрица, — вот и все, что сказал мне глава моей канцелярии.

Принц Мрака одарив его неприязненным взглядом, пояснил:

— Несмотря на распространенную у светлых концепцию об отсутствии у людей разума и соответственно семейных уз, в большинстве хозяйств, насколько мне известно, дети проводят ночи со своими матерями.

Я дышала. Спокойно и размеренно. И прилагала невероятные усилия для того, чтобы по крайней мере выглядеть совершенно спокойно и отстраненно. Затем, поуспокоившись, продолжила осмотр. Загоны с детьми были ближайшими к дороге, затем следовали внушительного размера, на несколько тысяч человек, не меньше, бараки, бараки, бараки... Я насчитала шесть. Последний терялся вдали, и я не была уверена, что за ним не стоит еще парочка.

Повсюду, куда падал взор, простирались великолепно возделанные поля, сады, садики, цветочные клумбы, на которых трудились, не поднимая голов, люди. Люди в рабских ошейниках!

А в следующее мгновение весь вид на ничем не приукрашенное рабство, затмил прекрасный светлый лорд и его многочисленная свита. Пресветлый Ларвейн, а больше просто некому, был лишь немногим ниже кесаря, многим плотнее, и значительно привлекательнее внешне.

Великолепные светлые волосы лежали слегка небрежными, но тщательно уложенными прядями, обрамляя аристократическое лицо с совершенно потрясающими синими кошачьего разреза глазами, полным чувственным ртом, выдающимся орлиным носом и почти квадратным подбородком. Я бы сказала, что мужчина был красив, но не сказала бы, что в моем вкусе. Чем-то напоминал лорда Илери, что вызывало лично у меня резкое неприятие. За спиной лорда словно из-под земли возникли пресветлые лорды и леди в сияющих лунно-белых нарядах, а по бокам выстроились дети с цветами. Человеческие дети с белыми рабскими ошейниками и такими же белыми цветами.

Окинув внимательным взглядом всю свиту, я удостоила своим вниманием лорда Ларвейна, который, между тем, совершенно недопустимым образом потрясенно вглядывался в меня. И осознав, что на него смотрят, владетель Лунного дворца, заметно сглотив, неуверенно переспросил:

— Пресветлая императрица?

— А вы полагаете, ваша несчастная усадьба представляет интерес еще для кого-либо? — издевательски поинтересовалась я.

Пропустив мимо ушей мою язвительную фразу, лорд Ларвейн неуверенно произнес:

— Но пресветлая императрица — человек... а вы... вы пресветлая с черными глазами! Но я не мог ошибиться, я... Вы не императрица!

А сомнение, мужик, тебя погубит.

— Тэхарс! — позвала я.

Огромный дракон, вынудив свиту Ларвейна с визгом броситься в разные стороны, ринулся вниз, а приземлился уже моим телохранителем, едва заметной усмешкой дав понять, как минимум мне, что подобная демонстрация его силы, была не случайна и вообще он ситуацией наслаждается. А я вот не наслаждалась — я смотрела на деток с цветами, которые даже не шелохнулись, продолжая все так же стоять, так же улыбаться, так же держать цветы. Они побелели на порядок, но продолжали стоять на месте.

Именно в этот миг я поняла, что ненавижу и Ларвейна и всех светлых в принципе.

И несмотря на то, что собиралась приказать Тэхарсу вызвать мне кесаря, для показательной казни Ларвейна, не смогла произнести ни слова.

И вот тут Адрас вдруг сказал:

— Катриона, одно ваше слово...

Я увидела, как побледнел лорд Ларвейн, и в принципе поняла почему — напади на него Эдогар, он смог бы дать отпор, все же в силе судя по первой букве имени они были равны. Атакуй Тэхарс — и неизвестно чем бы все завершилось, Ларвейн по факту был владетелем Лунного дворца, что явно указывало на его повышенные возможности. Но Адрас был значительно выше рангом по силе, и ко всему прочему сомневаюсь, что зря носил титул принц Мрака.

Сомневалась ли я, произнеся «Мучительная смерть»? Ни секунды.

Этот пресветлый предал своего императора, пытался убить меня, мешал мне и становлению единого целостного государства. Учитывая все это, у него не было шансов на выживание.

И я не отвернулась, когда вплеснувшийся из земли мрак поднял заоравшего Ларвейна, вздернув его на высоту, идеальную для того, чтобы казнь была видна всем. Не отвернулась, когда сумрак вспорол его вены, вмиг окрасив белоснежный костюм багрово-алым. Разве что опустила взгляд, когда часть мрака, приняв форму острого узкого меча, принялась кромсать тело пресветлого точными выверенными движениями.

Наземь лорд Ларвейн опал кусками шагах в пятидесяти от меня.

— Легче? — насмешливо поинтересовался Адрас.

— Вы даже не представляете насколько. Спасибо.

— Мелочи, — отозвался принц.

Улыбнулся мне, словно хотел поддержать, и шагнул к ближайшему ребенку, присел на корточки, что-то спросил у малыша, щелкнул пальцами — белые ошейники осыпались как лепестки с цветущих деревьев. Следом упали цветы, а затем, малыши, развернувшись бросились врассыпную, кто, зовя маму, кто просто молча.

Я осталась стоять, с болью осознавая, что помочь смогу лишь сильнейшим из них. Хотелось дать свободу прямо сейчас, сию секунду, решить все одним росчерком пера и плевать что будет потом... Но в том то и проблема, я прекрасно знала, что будет потом. Рабство — узы сковывающие не руки, рабство сковывает мозг. Большинство из этих людей, как бы сильно не мечтали о свободе, понятия не имеют что с ней делать. Рабское сознание росчерком пера не уничтожается...

Вскинув подбородок еще выше, и стараясь казаться совершенно безучастной, я произнесла:

— Эдогар, разыщите наследника лорда Ларвэйна и представьте мне. В случае моего одобрения пресветлый сможет занять место, причитающееся ему по праву.

Осталось невысказанным то, что если я кандидатуру не одобрю — наследия предков ему не видать. Это поняли все, и Тэхарс, громко хмыкнувший, и Эдогар, откровенно потрясенный, и даже Адрас, с некоторым изумлением взглянувший на меня. Понимала ли я, что только что попрала вековое право? Да, несомненно. Но будем откровенны — мой мир, мои правила!

— И прежде чем удалитесь, пришлите мне Юрданара, пусть будет готов записывать на ходу.

Адрас поднялся, подошел ко мне, вновь предложил локоть, и я не стала отказываться, отдав еще одно распоряжение:

— Тэхарс, управляющего поместьем мне.

Дракон молниеносно взлетел в небо.

Мы с темным принцем продолжили шествие по преисподней. Мы шли, довольно размеренно и легко, мимо трупов мужчин и женщин, приколотенных к столбам видимо в назидание. Мимо тоненькой изумительно красивой девушки в легких струящихся одеждах... погибшей от жажды в клетке, подвешенной на самом пекле посреди круглой площадки между бараками. Мимо пыточной расположенной прямо на открытом пространстве, хранящей следы крови, боли, смерти на крюках, ошейниках с шипами, вывешенных на всеобщее обозрение кнутов разной длины и размеров... Моя ненависть к светлым росла столь стремительно, что это уже пугало. Но после увиденного на Тэнетре, и девушки подвергшейся пыткам до такой степени, что утратила желание жить, я не могла бы сказать, что к темным испытывала более теплые чувства... О нет, меня приводили в неистовый гнев обе стороны данного мира, как темная, так и светлая. Безжалостные больные ублюдки! Безжалостные больные наделенные могуществом, магией и силой ублюдки!

— Катриона, — внезапно произнес Адрас, — вы очень эмоционально реагируете на смерть этих несчастных. Сколько вам лет?

В этот момент мы как раз проходили мимо очередного подвигнувшегося мучительной казни. Мужчина средних лет был забит кнутом до смерти, и сейчас мухи облепили его тело, местами превратившееся в ошметки из кожи и мяса.

— Возраст? — сохраняя светский тон, переспросила я. — Адрас, поверьте, дело не в моем возрасте. Проблема в том, что я впервые сталкиваюсь со столь чудовищной беспощадностью и массовой жесточайшей гибелью.

Принц Мрака понимающе улыбнулся, и произнес:

— Да, светлых леди держат в рамках благополучного сказочного уютного мирка ограниченного пространства. Удивлен, что вы в принципе здесь.

Придерживая край платья и ступая по запыленной выложенной красным кирпичом дорожке, я спокойно ответила:

— Вы ошибаетесь, ваше высочество, с момента моего взросления я никогда не пребывала в ограниченном уютном мире. Войдя в права наследницы престола, я приняла и все обязанности. Среди них было нахождение во время пыток в допросной, вынесение приговоров, присутствие в момент казни государственных преступников, разбирательства на местах с мятежниками в случаях возникающей необходимости. Но... — я повернула голову и взглянула в глаза заинтересованно слушающего темного, — но мне никогда не доводилось сталкиваться со столь вопиющей, необоснованной, мерзкой жестокостью.

Юрданар настиг беззвучно, мгновенно извлек жесткую папку и расположил поверх нее листок бумаги и приготовился записывать.

— Первое, дети до пятнадцати лет должны находиться с матерями. Никаких детских загонов. Нарушение — смертная казнь.

Секретарь покорно записал, несмотря на то, что мы продолжали идти — меня очень интересовали виднеющиеся впереди здания с внушительными окнами, откуда ветер временами доносил звук, очень похожий на стрёкот ткацких станков.

— Второе, — холодно продолжила я, — телесные наказания приводящие к смерти — привилегия правителей. Правителей в Эррадарасе двое — я и мой великий супруг. Всем желающим оспорить указ придется держать ответ передо мной лично.

Секретарь, торопливо кивнув, спешно все записал.

— Третье, — продолжила я, взглядываясь в уже несомненно мастерские, — как супруга и со правительница Великого Араэдена Элларас Ашеро из рода Архаэров, я наделяю себя правом единолично даровать свободу достойным.

Юрданар споткнулся, но мужественно все записал. Адрас, продолжая являться моей опорой, лишь молча смотрел, со все сильнее разгорающимся интересом во взгляде. Я его понимала — с моим появлением в унылой и бесполезной жизни темного принца появилось настоящее и непредсказуемое приключение.

Перед мастерскими нас уже ждали — мой неизменно потешающийся над ситуацией Тэхарс и трясущийся бледный светлый лорд в темно-синем костюме, еще сильнее подчеркнувшем его бледность.

Что удивило лично меня — эллар был явно пьян. Напуган, причесан, умыт, в идеально отутюженном костюме, но пьян. Пьян настолько, что едва держался на ногах, что с одной стороны вызывало закономерное отвращение, но с другой... Что-то было в его взгляде, что-то особенное, что я привыкла видеть в глазах подчиненных проворовавшихся чиновников, во взглядах бесчестно притесняемых мастеровых, в глазах простого народа в день Народного суда — дрожащую, неокрепшую, призрачную надежду на справедливость. Надежду давно и мучительно скончавшуюся, но воспрянувшую едва в их жизни появлялась я. И безошибочно разгадав этот проблеск в глазах управляющего, подойдя и не дожидаясь традиционного витиеватого приветствия, я прямо спросила:

— Что вас подкосило, озаренный светом?

Эллар дрогнул, пошатнулся, словно решал стоит ли поддаться душевному порыву, или слишком опасно... но терять ему, похоже было нечего, и рухнув на колени, не сдерживая слез и дрожа так, что едва был способен говорить, он начал рассказывать:

— Я получил отчет о подкопе... должен был принять меры... не успел, я... два десятка рабов сбежали, моя вина, я раскаиваюсь, я... Лорд Ларвейн наказал! — и тут он взвыл и почти воя, произнес: — Моя дочь! Она еще ребенок, всего двадцать пять... лорд Ларвейн приказал отдать ее Грэду, надсмотрщику... он... он...

И мужчина забился в рыданиях, уже даже не пытаясь сдерживаться.

Что ж, я его понимала.

И взглянув на дракона, уже собиралась отдать приказ, как Адрас тихо произнес:

— Лучше я. Едва ли тысячелетний дракон способен пощадить чувства пострадавшей светлой леди.

— Действуйте, — тихо приказала.

С некоторым сожалением отпуская принца. Просто меня шатало, шатало от слабости, а за Адраса можно было держаться.

Принц Мрака, подтверждая свое имя, окутался этим самым мраком и взлетел вместе с ошеломленным управляющим. Уже сверху до меня донесся вопрос темного: «Куда? Укажите направление».

И они унеслись. Я же, с интересом осмотрев Тэхарса, протянула:

— Тысячелетний, значит?

— Да, малявка, — насмешливо ответил дракон, и сузив змеиные глаза пристально взгляделся в меня, чтобы вынести вердикт: — С утра ни росинки во рту.

— Кстати да, от воды бы я не отказалась, — была вынуждена признать.

— Так я сейчас принесу! — вскинулся кто-то.

И позади раздался удаляющийся топот ног.

Обернувшись, удивленно посмотрела вслед убегающему светлому, затем на явно растерявшегося Эдогара, который обнаружился рядом.

— Эм... наследник лорда Ларвейна, — запоздало представил он.

Мы все втроем задумчиво посмотрели вслед улетающему наследнику.

— Ну... исполнительный, — пожалуй, это было единственное, что на данный момент можно было о нем сказать.

— Но тупой, — припечатал Тэхарс.

— К сожалению, полностью согласен с выше озвученным мнением коллеги, — даже с некоторым сожалением произнес Эдогар.

И призвав стакан воды прямо из воздуха, галантно протянул его мне.

Пила я с большим удовольствием, но это не помешало мне сделать предположение:

— Возможно юноша просто не владеет магией?

— Его имя Эарон, — сообщил Эдогар.

То есть магия присутствует, причем далеко не слабая. А вот с умом, похоже, сложности.

Допив воду, я вернула пустой стакан главе своей канцелярии и продиктовала Юрданару:

— Отныне все вопросы наследия аристократов первого ранга передаются в ведение императорской четы.

Удар под дых всей аристократии Эррадараса.

— А ты сурова, пресветлая, — протянул с восхищением Тэхарс.

Я могла бы долго и старательно объяснять дракону, что первые трое из продиктованных секретарю указов, вызовут гнев и ярость пресветлых, и это неизменно приведет к попыткам саботировать новое законодательство, а вот четвертый напугает их до такой степени, что эллары осознают — с новой властью лучше сотрудничать, чем нет. Но сил не было. Забавно, я с легкостью выдержала нападение темных, и даже поцелуи с кесарем, но чудовищная жестокость этого мира подкосила и основательно.

— О, бежит обратно. Тупой, но шустрый, — сообщил Тэхарс.

Я вновь обернулась — юный лорд Ларвейн спешно неся в мою сторону, удерживая серебряный поднос, на котором дрожали и подпрыгивали стакан с водой, салфетка, миниатюрная вазочка с цветами, отдаленно напоминающими ландыши и блюдец со льдом. В

этот момент пресветлый наследник, заметив, что я на него смотрю, споткнулся, не удержал равновесие и грохнулся с высоты элларовского роста, уронив и все, что пытался донести. Неуклюже поднялся, скорбно глядя на рассыпавшееся, разлившееся и разбившееся.

— Пресветлый, стоит гораздо больше внимания уделять своим магическим возможностям, — наставительно произнес Эдогар.

Ларвейн просиял улыбкой, кивнул и призвал магию. В то же мгновение поднос взвился над землей, стакан собрался на части, цветы вернулись в вазочку, которая тоже обрела цельность, лед в блюдечко, вода в стакан... правда с песком, от чего приняла весьма не способствующий к пробуждению жажды вид... Юный лорд взглянул на результат, не удовлетворился им, и отшвырнув поднос в сторону, поджал губы. Не знаю, являлось ли это сигналом, или имелся какой-то ментальный приказ, но в ту же секунду появились рабыни.

— Воды пресветлой императрице! — приказал лорд Ларвейн. И почему-то добавил: — Много!

В этот момент позади него сгустился мрак. Выглядело до крайности жутко, и то, как из мрака вышел Адрас — жутко не менее. Темный, мазнув равнодушным взглядом по застывшему от ужаса Ларвейну, направился ко мне. Проходя мимо лежащих на покрытой песком дорожке цветов, присел, бережно собрал стебельки, поднялся и подойдя ко мне, молча передал немного потрепанный букетик. Осторожно забрав у него цветы, я с благодарностью улыбнулась и спросила:

— Что с девушкой?

— Успели вовремя, — с некоторым налетом безразличия и холодности, ответил Адрас.

Его лицо при этом оставалось абсолютно бесстрастным.

— О, — я облегченно выдохнула, — значит он ее не успел тронуть. Это радует.

И поднеся цветы, на удивление уже выглядевшие ожившими, словно и не падали на песок, вдохнула приятный сладкий аромат — пахли они действительно почти как ландыши. И я собиралась сделать второй вдох, но заметила странный, слегка удивленный взгляд Адраса.

— Что? — спросила сразу.

Принц чуть нахмурился, затем слегка напряжено произнес:

— Катриона, в его распоряжении была вся ночь. Неужели вы действительно полагаете, что мужчина, заполучив привлекательную девушку в свою постель, станет терять время на сон или разговоры? Это невозможно в принципе.

Аромат цветов я все-таки вдохнула повторно, и лишь после заметила:

— Но вы сказали, что успели вовремя.

— Да, — продолжая все так же внимательно взирать на меня ответил Адрас. — Она будет жить.

А затем абсолютно без перехода, но значительно тише, так чтобы услышала только я, темный спросил:

— Катриона, в вашем мире мужчины отличаются?

— О да! — протянула я. — И сильно. И вы знаете — даже в лучшую сторону. Видите ли у нас девушке, после попадания в постель к мужчине, может грозить разве что потеря чести и увеличение живота, но никак не расставание с жизнью!

Темный усмехнулся, и произнес:

— Ситуации бывают разные, Катриона. Если речь идет о леди, светлой или темной, с которой лорд желает иметь потомство, или же радеет о ее сохранности, все происходит как вы описали. В ином случае светлые не видят смысла сдерживать себя. — Он помолчал, затем добавил: — Справедливости ради — темные тоже.

Что ж, я продолжала стоять, медленно вдыхая аромат цветов. Просто стоять, глядя на

темного принца, и думая о любовницах кесаря. Да, имелись такие, как предпоследняя из его пассий, изменившая великому с айсиром Илери, но были и те, кто исчезал бесследно. Просто исчезал. Я как-то ранее наивно полагала, что он приносил их в жертву.

Не хочу об этом думать.

Бесполезно сожалеть о прошлом, когда следует строить будущее.

— Тэхарс, верните мне управляющего, — холодно приказала я.

Дракон взмыл в небо.

Адрас вновь галантно предложил локоть, и я не стала отказываться от поддержки, хотя очень хотелось спросить, каково это — просыпаться рядом с трупом? Но с волками жить и прочее... Да, будь я благородной принцессой устроила бы истерику, но как благоразумная бывшая наследница королевства прекрасно осознаю, что придется и это проглотить молча. На данный момент. Исключительно на данный момент. Но я разберусь и с этим.

Мы дошли до входа в ближайшую мастерскую и я остановилась, ожидая управляющего. Несомненно, войти можно было бы и без него, но в мои цели входила вовсе не экскурсия по производству. Юный лорд Ларвейн шел следом, несколько нервный и напряженный, шагах в пятидесяти от него беззвучно и невесомо словно призраки, следовали рабыни с кувшинами, стаканами и подносами и не отрывали взглядов от своего господина, ожидая его приказа в любой миг.

Управляющего Тэхарс банально принес. Махая мощными крыльями, от порывов которых поднялся ветер, он осторожно опустил светлого на дорожку, и сам спрыгнул, приняв человекоподобную форму.

— Спасибо, Тэхарс, — поблагодарила я.

И хотела было обратиться к светлому, но эллар, на негнущихся ногах подошел ко мне и рухнул на колени, глядя на меня с выражением благодарности, преклонения и восторга. Он хотел что-то сказать, не смог, закрыл глаза и прошептал что-то, следствием чего стал возникший на его ладони ослепительно белый кинжал, который мужчина решительно ухватил и...

— И что вы собираетесь делать? — холодно спросила я.

Эллар замер, непонимающе глядя на меня.

— Принести кровную клятву, пресветлая императрица, — услужливо подсказал Эдогар, стоящий слева от меня.

Адрас с другой стороны добавил:

— Жесточайшая церемония, после которой он проваляется несколько дней в постели, но будет привязан к вам телом и душой.

Эллар согласно кивнул и занес над собой кинжал.

— Нет, меня не устраивает подобное, — совершенно искренне произнесла я. — Рожденный светом, я польщена и благодарна за вашу готовность служить мне телом и душой, но предпочитаю служение верой, правдой и желательно сейчас. Поднимайтесь. Как ваше имя?

Светлый, не смея послушаться, поднялся на дрожащих ногах и ответил:

— Юматар, пресветлая императрица, да озарит свет твое имя, твои деяния и сердце твое, что полно истинного сияния!

Милостиво улыбнувшись, я ответила:

— Лорд Юматар, к делу. Я хочу знать, что находится за этими дверями, а так же имена лучших мастеров, за которых вы лично готовы поручиться. И в целом, мне крайне любопытно, что производят на территории Лунного дворца. Лорд Ларвейн, не отставайте, полагаю вам так же крайне важна данная информация, в конце концов вы обязаны знать все о наследии, в права владения коим вступаете.

Управляющий резко выдохнул и рассеяв ритуальный кинжал, с поклоном повел меня к

огромным двустворчатым дверям, которые распахнулись при его приближении. За дверьми обнаружилась внушительная ткацкая мастерская, производящая грубые, колючие и не слишком качественные дерюги, целью которых было стать рабской кроватью для рабов лорда Ларвейна. То есть трудились исключительно на внутренний рынок. Никаких выдающихся мастеров в этом цехе не было, работали кое-как, не заботясь о качестве, и собственно о тех, кому на этом убожестве предстояло спать. Мерзко, но рабам не было никакого дела до других рабов, впрочем, как ни прискорбно признавать, это свойственно человеческой природе.

Во второй мастерской было просторнее, работали в основном женщины и девушки, и производились легкие, летящие, изящные ткани для украшения Лунного дворца.

— Ежегодно износу подвергается тысяча семьсот двадцать занавесей на первом этаже и террасах, — отчитывался лорд Юматар, — данная мастерская покрывает девяносто процентов необходимого, еще десять мы закупаем на Тэнетре.

— Как интересно, — отозвалась я. — И чем же отличаются ткани, произведенные на темной стороне?

— Оригинальностью! — с готовностью ответил управляющий. — Интересные расцветки, качество отделки, нестандартные рисунки.

Как интересно.

Я оглядела еще раз просторное, светлое, запыленное помещение, в котором в свете пробивающихся солнечных лучей летали частички нитей, волокна и прочее. Присмотрелась к женщинам — многие с трудом сдерживали рвущийся кашель, продолжая прясть и видимо опасаясь привлечь наше внимание. Боясь сделать хоть один неверный жест...

— Лорд Юматар, — достаточно громко произнесла я, — укажите мне наиболее старательных из мастериц, тех кто работает на результат и заботится о качестве пряжи.

Женщины заметно напряглись, но не прервали работы ни на миг.

— Прекрасных мастериц... — задумчиво отозвался управляющий.

И жестом подозвал мужчину в рабском ошейнике и свободной дурно сшитой одежде, стоящего у стены. Видимо главенствующий в данной мастерской, торопливо подошел к нам и рухнул на колени, покорно опустив голову. Что всеми моими спутниками было воспринято как само собой разумеющееся.

Но не мной.

— Мастер, поднимитесь! — приказала я.

Раб не поверил. Вздрыгнул всем телом, затем поднял голову и недоверчиво взглянул на меня, чтобы удостоиться взбешенного от Эдогара:

— Да как ты смеешь смотреть на пресветлую импера...

— Эдогар! — раздраженно повысила голос я.

Пресветлый умолк, заметно побледнев и пылая праведным гневом. И видимо именно гнев заставил его высказаться:

— Позволять недостойному оскорблять ваш взор недопустимо и нарушает древние традиции и устои, это...

Мне хватило одного взгляда, чтобы пресветлый умолк. А чтобы не смел вмешиваться в дальнейшем, я мягко произнесла:

— В соответствии с древними традициями и устоями кесарь должен был казнить вас еще вчера.

Глава моей канцелярии замер. Но превращать его во врага я не собиралась, а потому еще мягче добавила:

— Мой высоконравственный рожденный в свете истинного сияния Эдогар, некоторые порядки, традиции, правила и устои я буду нарушать и сейчас и впредь. Я имею на это право с

полного одобрения моего супруга и повелителя. Доверьтесь мне, я знаю что делаю.

Резко выдохнув, пресветлый молча опустил голову, полупоклоном выразив полное согласие с моими словами и обещание впредь быть сдержаннее.

— Благодарю вас, — искренне произнесла я.

И вновь посмотрев на раба, который переводил потрясенный взгляд с меня на темного, дракона и обратно, приказала:

— Встаньте, мастер, я позволяю вам говорить со мной совершенно свободно.

Раб осторожно, явно готовый рухнуть вновь при малейшей опасности, поднялся, теперь глядя исключительно на меня. Он был немногим выше меня, очень худой, с умным блеском в глазах, который старательно прятал за старательно демонстрируемым желанием угодить. Я внимательно осмотрела его повторно, и поняла, что его одежда, несмотря на не слишком приятный вид, была удобна. И похоже — весьма удобна. Переложив цветы в другую руку, я протянула ладонь и осторожно коснулась ткани — грубая и колючая на вид, она оказалась неожиданно мягкой, словно я трогала к замше. Как интересно...

— А вот лапоть рабов вовсе не обязательно, — прорычал дракон.

Совершенно проигнорировав его реплику, я обратилась к мастеру с вопросом:

— У вас есть семья?

Раб, вытянулся по струнке и предельно честно ответил:

— Нет.

Это несколько нарушало мои планы, но я уже собиралась продолжить, когда Адрас тихо сообщил:

— В мире светлых люди признаны низшими существами, на уровне животных, соответственно, как и у животных у них нет семьи. Но рабы порой образуют пары.

Я потрясенно посмотрела на принца. Загадочно улыбнувшись, темный поинтересовался:

— Помог?

— Безмерно, — призналась я.

И вновь обратив все внимание на раба, уточнила:

— У вас есть ваша женщина и дети, мастер? И как ваше имя?

Мой вопрос вызвал у раба значительное напряжение, но он все же нехотя ответил:

— Да, великая пресветлая императрица, моя женщина и шестеро детей. Имя Соно.

Милостиво улыбнувшись, я задала следующий вопрос:

— Вы готовы служить мне на благо империи, мастер Соно?

В круглых карих глазах раба промелькнуло очень многое, словно он хотел ответить, но боялся решиться.

— Не устали всю жизнь бояться? — насмешливо поинтересовалась я.

Мужчина вздрогнул, выпрямился, расправил плечи и хрипло ответил:

— Устал. Какой службы от меня желает пресветлая императрица?

Вопрос был дерзким. Дерзким настолько, что зашипели одновременно и Эдогар, и Юматар и даже туповатый юный лорд Ларвейн. Но лично я с трудом сдержала ликование, уже иначе посмотрев на мастера Соно. А затем мельком взглянув на мастериц, которые хоть и продолжали работу, но на своего мастера поглядывали... с гордостью. Как на предводителя. Как на того, за чьими плечами была сила. Покорный раб? Сильно сомневаюсь. Очень сильно. И да — кажется мне банально повезло. А если даже нет, он выведет на того, с кем мне очень повезет.

И уже с улыбкой глядя на мужчину, я ответила:

— Мне нужен тот, кто будет способен организовать поселение рабов. Тот, кто знает людей, способных помочь ему в этом непростом деле. Тот, кто по достоинству оценит свободу, и будет готов служить во имя ее.

Произнося все это, я смотрела исключительно на мастера Соно, однако отчетливо ощущала негодование светлых, заинтересованность Адраса и откровенное недоумение Тэхарса. Но едва ли меня интересовало, что они по этому поводу думают — я прекрасно понимала, что идея освобождения рабов не встретит одобрения со стороны наделенных властью.

Раб же смотрел на меня, судорожно размышляя. Он заметно боялся, боялся ответить, боялся сделать не верный шаг, просто боялся. Но глупо было бы с моей стороны помочь ему в принятии решения, за которое ответственности нести придется исключительно ему.

И все же он решился, и в наступившей неожиданно тишине, как-то незаметно наполнившей ткацкую мастерскую, прозвучало:

— Да, пресветлая императрица. Я готов служить вам.

Ликование было жестоко подавлено. И сохраняя благожелательное выражение на лице, я громко произнесла:

— Мастер Соно, я дарую вам, вашей женщине, и вашим детям свободу!

Наверное выглядело бы не так значимо, не уничтожь Адрас одним движением рабский ошейник. Мастер Соно пошатнулся, схватился за шею, на которой белой не тронутой загаром кожей остался отпечаток ошейника, словно не верил своему ощущению, словно вообще ни во что не верил.

Не справившись с эмоциями, мужчина рухнул на колени, шепча что-то беззвучное и вероятно бессвязное. Я понимала, что ему требуется время для осознания случившегося, но времени у меня не было.

— Мастер Соно, возьмите себя в руки, поднимайтесь, у вас четверть часа на то, чтобы собрать нужные вещи, а так же ваших женщину и детей, чьи ошейники так же будут уничтожены. Поторопитесь.

Он содрогнулся, вскинул голову и с трудом выговорил:

— Две мои дочери в гареме лорда Ларвейна, один сын среди воинов на полигоне в пяти лигах отсюда, я... я...

Обернувшись к главе своей канцелярии, я приказала:

— Эдогар, выделите двух элларов, способных перемещаться по империи в помощь мастеру Соно. О любых попытках противодействия сообщать мне лично.

Эдогар склонил голову, а затем, взглянув на меня сухо сообщил:

— Наложницы неприкосновенны. Гладиаторы так же.

Я выдержала его взгляд, и все так же мягко, но уже с нотками раздражения, приказала:

— Исполнять.

Светлый молча поклонился и исчез в портале. Бывший раб же теперь смотрел на меня как на божество, потрясенно и явно не веря собственным глазам.

— И да, у меня к вам будет еще одно поручение, — задумчиво сказала, прикидывая, успею ли я теперь к гномам. Если не ошиблась в этом человеке, то успею определенно. — Так вот, исключительно под вашу ответственность, соберите так же тех, за кого готовы поручиться лично. Нужны строители, повара, хлебопашцы, лекари — город номер два я поручаю создать вам. Подбирайте помощников с умом, вам за них отвечать.

Он судорожно кивнул, и все так же не поднимаясь, хрипло спросил, не скрывая надежды:

— А... семьи?

Да, он оказался умнейшим мужиком — сходу сообразил, что раз не рабы, значит уже не животные.

Улыбнувшись, наставительно сообщила:

— А семьи разлучать недопустимо. — и увидев возникший портал, добавила: — Поторопитесь.

Он ушел, многократно поклонившись, не поворачиваясь ко мне спиной, и не скрывая сияющих надеждой глаз.

Я проводила его задумчивым взглядом, и приказала лорду Юматару:

— Следует далее.

Но едва мы покинули мастерскую, пришлось забыть о продолжении весьма полезной экскурсии — отсюда, с порога, было превосходно видно, как несколько светлых в сияющих доспехах стоят возле той кучи крови, что натекала из расчлененного лорда Ларвейна. Среди них выделялся один — ростом, по-мужски изящным телосложением, платиновым оттенком волос, совершеннейшим отсутствием доспехов и аурой столь жестокой властности, что даже с расстояния становилось совершенно ясно, что доспехи ему не нужны. Просто никто не нападет. Потому что не идиоты, и потому что это кесарь. И откровенно любуясь кесарем, я не сразу заметила стоящую чуть в отдалении женщину. Лица ее видно не было, все же далековато, но вот сторбленные плечи и прочее, указывали что имел дело донос, в следствии которого пресветлый император прибыл на место событий разбираться в содеянном.

Кесарь, до того внимательно осматривающий останки бывшего владельца Лунного дворца, вдруг вскинул голову и посмотрел прямо на меня. Даже через значительное расстояние, совершенно не видя его глаз, я точно ощутила, что смотрят на меня. Внимательно, пристально и явно ожидая пояснений к случившемуся. А может даже извинений. Хотя с извинениями это не ко мне, королевским особом извинения в принципе не свойственны, так что.

Внезапно передо мной вспыхнуло серебристое облачко и в нем, золотыми искорками сложились слова на оитлонском:

«Мне нужна показательная обоснованная и справедливая казнь, мой кесарь. А не убийство по причине того, что у вас настроение дурное.»

И вот совсем не обязательно было меня цитировать!

«Обязательно!» — не согласились искорки.

«У меня было очень дурное настроение», — раздраженно подумала я.

«Ааа... — издевательски ответили золотые искорки. — Это несомненно все меняет!!!»

Даже без дополнительных знаков препинания было совершенно очевидно, что надо мной как минимум тонко иронизируют, а как максимум банально измываются.

«Я бы сказал, что убийство темным принцем одного из высших светлых лордов санкционированное самой пресветлой императрицей это мягко выражаясь проблема, но полагаю далее, я услышу что-то в духе «Вы мужчина, вы и разбирайтесь»? — поинтересовался кесарь.

Я так подумала, и решила, что да.

Пресветлый император не написал мне больше ничего, но у меня было такое ощущение, что я через расстояние вижу его улыбку.

— Лорд Юматар, продолжаем, — приказала я, в последний раз оглянувшись на кесаря.

Поймала себя на том, что улыбаюсь, и улыбка не исчезла даже под вопросительным взглядом Адраса. Но так как он продолжал искоса на меня поглядывать, легкомысленно ответила:

— Маленькие радости семейной жизни.

К его чести принц Мрака никак не стал комментировать это заявление, а я просто наслаждалась ситуацией, расширенными полномочиями и тем, что могу хоть что-то изменить для людей в этом мире, точнее пока что в этом поместье. Пока что...

Часа за два мы обошли все мастерские, я отобрала свыше тысячи рабов, вместе с семьями и теми, кого избрал мастер Соно толпа получилась внушительная. Среди измученных, рано увядающих людей особо выделялись хрупкие девушки и девочки в белых летящих одеяниях, изумленные, с огромными испуганными глазами, сторонящиеся собственных родителей и опасаящиеся находящихся вокруг мужчин, и юноши — мускулистые, с обнаженным загорелым торсом, в набедренных повязках, с явным интересом поглядывающие то на меня, то не заметно пугающихся их взглядов девушек.

— Рабы быстро перенимают привычки своих хозяев, — невозмутимо заметил Адрас.

Я в этот конкретный момент так же думала о том, что это может стать проблемой. Внушительной проблемой для бывших наложниц, казавшихся хрупкими былинками по сравнению с тренированными гладиаторами.

Принц Мрака, продолжил:

— Гладиаторы женщин видят по большим праздникам. Одну-двух на всю оголодавшую толпу. Им обычно отдают особо провинившихся наложниц. Особо провинившихся.

Тэхарс, для разнообразия тоже решил высказаться:

— Сегодня у кого-то будет большой праздник.

К счастью хотя бы Эдогар промолчал. Зато Адрас решил побольше узнать о моем мире, и поинтересовался:

— Женщины в вашем мире подвергались подобному?

— Да, конечно, — легко ответила я. — В далекие, далекие, очень отсталые времена существования рабства.

Темный принц хмыкнул. Эдогар вдруг стал как-то ровнее и мрачнее, Тэхарс со смешком заметил:

— Назвать Эррадарас отсталым, это смело.

— Правда всегда сурова, — сообщила ему.

А затем, пояснила для Адраса:

— Рабства, в том апофеозе, какой мы наблюдаем здесь, у нас не существовало никогда. Имелись другие варианты, так называемое долговое рабство — когда человек поступал в услужение за долги, военное рабство — захват пленников и содержание их на правах домашнего скота до тех пор, пока родственники не выкупят, и... временное рабство.

— Временное? — переспросил Адрас.

— Да, — подтвердила я, — времена передела территорий воинствующими князьями и их варварскими дружинами. Это когда утром крепость захватил один вождь, в обед другой, к ночи третий.

— Хм, — задумчиво хмыкнул Адрас. — И каков бы итог этого? Много людей погибло?

Меня определенно все больше озадачивал данный конкретный мир.

Повернув голову, посмотрела на принца Мрака, и спокойно ответила:

— За счет стремительного увеличения рождаемости, население выросло в пять раз, заселив пустующие территории, и положив начало образованию новых государств. И я если честно не могу понять, почему вы задали вышеозвученный вопрос?

Адрас промолчал, зато высказался Тэхарс:

— У темных принято так: захватил крепость — вырезал всех под чистую.

— Женщин и детей тоже? — не поверила я.

— Детей сразу, женщин попозже, — с энтузиазмом поделился информацией дракон.

Вот поэтому и отсталые. Цена жестокости — падение цивилизации и мне придется заставить их это усвоить. Вопрос в том как? Самым простым решением было оставить с освобожденными рабами отряд светлых для контроля, но... я не была уверена, что светлые не

воспользуются ситуацией, и второе — о какой свободе может идти речь, если в качестве контролирующего органа у людей будут все те же эллары. Нет, путь, конечно, легкий, но не правильный.

И я вновь оценивающе посмотрела на притихшую толпу рабов, которых собрали во дворе Лунного дворца. С высоты террасы, к которой вело более двадцати ступеней, мне были хорошо видны все люди, как, впрочем, и я им. И в принципе, так как наложниц привели уже, то ждать более нам всем было нечего, следовало начинать действовать.

Я и начала, уточнив два вопроса:

— Адрас, вы сможете снять ошейники с них всех одновременно?

Темный принц величественно кивнул.

Вот и отлично. Второй мой вопрос был обращен к Юматару и изрядно удивил его.

— Какая работа у рабов считается самой грязной и неблагодарной?

Светлый ответил с некоторой задержкой:

— Уборка человеческих нечистот, пресветлая императрица.

Мда, предсказуемо.

Когда я направилась к краю террасы в лицо ударил свежий вечерний ветер, в небе зажигались первые звезды, белое светило уже практически скрылось за горизонтом, и в небе полновластно царило темное, как ни странно сияющее необыкновенным, зеленоватым сиянием. Черная звезда была прекрасна.

Едва я остановилась у самого края, так чтобы меня видели все рабы, толпа испуганно притихла. О том, кто такая я им уже вероятно рассказали, сплетни всегда разлетаются быстрее ветра, и теперь я видела то любопытство, что проглядывало сквозь страх. Абсолютный, панический, инстинктивный ужас, такой, какой был способен внушать только кесарь. И несмотря на то, что пресветлого императора здесь не присутствовало, всем вокруг было превосходно известно кто стоит за мной. И на какое-то мгновение я ощутила эту силу, силу Араэдена, с легкостью способного захватить за один день целую империю... чтобы в итоге взять и сунуть завоеванное мне, с посылом «сделай из этого что-нибудь путное»!

— Рабы, — произнесла я четко поставленным отработанным голосом истинной наследницы Оитлона, — я, Катриона Ринавиэль Элларас Ащери из рода Уитримана дарующих жизнь, сегодня дарую свободу тем из вас, кого сочла достойным столь ценного дара.

Новый язык давался мне сложно. Несмотря на мгновенное обучение, примененное кесарем, я не до конца чувствовала его, и сейчас старалась максимально упрощать свою речь, чтобы быть правильно понятой.

— Все вы, — обводя затаивших дыхание людей, — получите шанс быть свободными, трудиться на благо себя и своей семьи, возможность принимать решение самостоятельно, возможность построить свой город, свое общество, на основе равенства и свободы.

Еще одна пауза. Я давала возможность осознать мои слова, почувствовать их, ощутить вкус манящей новой жизни.

Для того чтобы острее осознали цену, что придется заплатить.

— Мой великий отец, однажды сказал мне: «Добро, это жить и не мешать жить другим». Запомните его слова. Запомните эти слова, чтобы мне не пришлось каленым железом выжигать их в вашем сознании. «Добро, это жить и не мешать жить другим»! В вашем новом обществе категорически запрещено воровство, насилие и завоевание руководящих позиций путем применения грубой силы. Провинившихся ждет рабский ошейник и уборка человеческих нечистот до конца жизни.

Повернув голову, я посмотрела на гладиаторов, и повторила:

— В независимости от того, гладиатор это или обычный раб.

Мне показалось, что дышать эта грудa тренированных мышц перестала вовсе.

Вполне удовлетворенная реакцией, я продолжила:

— Свобода начинается с выбора. Я предоставляю вам выбор уже сейчас — те, кто готов ко временным трудностям и лишениям на пути к свободе должны остаться. Те же, кто не готов обрести свободу и ответственность, могут покинуть нас прямо сейчас. Свобода — это дар, его не вручают насильно.

И на этом я замолчала, подняв взгляд к небу, и вновь откровенно любуясь Черной звездой. Удивительное небесное тело делало этот небосвод одновременно и столь чужим, четко указывая что я смотрю на звезды иного мира, и в то же время столь близким.

Я продолжала смотреть в небо, когда часть гладиаторов, несмотря на протестующие возгласы их матерей и отцов, отступила в тень, отказавшись от свободы. Не опустила взгляда и когда несколько наложниц, так же решили остаться. Это было их право, право на самую глупую ошибку в жизни. Что ж, не каждый рожденный ползать способен подняться с колен, некоторым там вполне комфортно.

И когда все желающие остаться покинули готовых к тернистому пути свободы, я вновь обратила свой взор на людей и позвала:

— Адрас.

Все рабские ошейники вспыхнули разом, на миг затмив сияние ночного неба, а затем осыпались неровными кусками наземь. Кто-то из рабов заплакал, кто-то упал на колени и начал молиться почему-то мне, у кого-то началась истерика, кто-то стоял столбом, дети не знал, как себя вести. А я, отдала следующий приказ:

— Эдогар, активируйте портал.

Портал к слову напомнил мне тот, что кесарь создал в день нашей свадьбы. Такая же искрящаяся широкая арка в новую, полную трудностей жизнь.

Правда этим людям в отличие от меня не грозило ни принесение в жертву, ни перенесение в иной мир... я им даже втайне позавидовала.

Второй портал глава моей канцелярии активировал для нашей дружной компании, и мы не без интереса вступили на плато, которое должно будет стать местом строительства нового города.

— Пресветлая императрица, — поприветствовал меня Юранкар, едва мы вышли из портала.

Приветливо кивнув ему, я огляделась — темный король местной преступности все указания выполнил в точности. Кубы обработанной древесины, грубая ткань для палаток, продовольствие, запасы воды в огромных бочках, все было на месте причем в достаточном для двух тысяч человек количестве.

— Счет будет внушительным, — предупредил Юранкар.

Я лишь улыбнулась, в отличие от заскрипевшего зубами Эдогара прекрасно понимая, что эти инвестиции мизер, в сравнении с конечной целью.

Мастер Соно со своей семьей прошел через портал первым, выйдя осмотрелся, увидел меня и, после минутного колебания, решительно ко мне направился. В отличие от моих спутником, мне его решимость очень понравилась.

— Пресветлая императрица, — бывший раб низко поклонился, — дальнейшие указания?

— Позаботьтесь о ваших людях, — просто сказала я.

Могла бы добавить, что обо всех беспорядках он может доложить мне лично, но не стала — путь предводителя суров, тернист и труден, но лишь трудности позволяют выявить истинного лидера, а мне во главе города нужен был именно такой.

Так что отдав это последнее указание, я обернулась к Эдогару и скомандовала:

— К гномам.

Вообще город номер два я расположила вплотную к землям гномов и намеревалась пройти по плато пешком, спуститься собственно в излом к этим самым низкоросликам.

Я ошиблась трижды.

Ошиблась в том, что сможем дойти пешком — пешком спуститься в излом на дно изломанного ущелья было бы невозможно. Ошиблась в самом изломе — ожидая увидеть пропасть, но мы перенеслись скорее в пещеру. И ошиблась в том, что гномы низкорослики.

И потому, когда увидела появившиеся в сумраке громадной пещеры массивные, закованные в латы и увенчанные рогатыми шлемами фигуры превосходящие размером даже Тэхарса, первой мыслью было «Бежать»! Нет, серьезно, хотелось улепетывать отсюда не оборачиваясь и не останавливаясь, но один взгляд на моих спутников и стало ясно — ничего неожиданного не происходит. И значит эти громилы — гномы. И я заставила себя стоять на месте, гордо вскинув подбородок и величественно наблюдая за приближением... «низкоросликов». Пещерные гиганты шли не спеша и размеренно, словно не хотели напугать. Их длинные бороды и волосы частично были заплетены в мелкие косички, латы хранили следы многочисленных битв, сапоги стучали кованными подошвами. Скосив взгляд, заметила, как подрагивают мелкие камешки в пещере.

— Вы удивлены? — вдруг тихо спросил Адрас.

— Немного, — честно призналась я.

А затем, не удержавшись от вопроса, практически шепотом спросила:

— Светлым приходилось сражаться с гномами?

Принц Мрака не ответил, и я поняла почему, когда в лицо дыхнуло хмельным перегаром, запахом капусты и чего-то явно мясного, и подошедший гигант, произнес:

— Страшный твой муж положил конец долгой войне, сияющая Смоляная блестячка!

Я улыбнулась, почтительно склонила голову и вежливо поприветствовала:

— Рада видеть вас, Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие, сын Великого Ошрое Копье Ручка Железный Наконечник, внук Великого Ошрое Молот Кувалда Свинцовый Топор.

Гигант выпрямился, хмыкнул, оглянулся на своих сопровождающих, что одобрительно захмыкали так же, после чего опустил на колено, все так же оставшись выше меня на полторы головы, и произнес старательно и с явным трудом выговаривая:

— Моя благодарность за встречу, пресветлая императрица.

Понимая, что общение на языке элларов дается ему с явным трудом, я вежливо ответила:

— Вы можете говорить так, как вам удобно, Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие.

Гном, недоверчиво глянул на меня и уточнил:

— И обидок не будет?

— Какие могут быть обиды между добрыми союзниками и честным торговыми партнерами? — весело ответила я.

Ошрое хохотнул, глядя на меня так, словно глазам своим не веря, после чего заявил:

— Вот это дело! Вот это я понимаю! Гарна женка у императора, толковая!

И меня по-дружески ударили по плечу. Очень по-дружески, и явно осторожничая даже, но хорошо что Адрас поддержал, иначе дружеская беседа началась бы с моего падения носом на камни, что явно не добавило бы легкости переговорам.

— Так что значит, — ухватив меня за плечи и поведя вперед как лучшего приятеля, начал Ошрое, — это из друганца мира да к нам по прямой? Об блестячки головой не стукались?

Ну то что «блестячки» это звезды, это я уже поняла. Правда чего понять никак не могла —

у гномов язык такой, или просто мое озабоченное языком светлых сознание, так переводит?

— Нет, что вы, меня перенес мой великий супруг, так что обошлось без травм, — старательно придерживая край платья и надеясь не вывихнуть ноги после столь быстрого хождения по камням разной величины, ответила я.

— Ааа, — понятно протянул гном, — то-то я смотрю на Молока дороге прореха вдруг возьми да и появись. Все думал куда ж блестючки девались то, а их значит император порешил, видать чтобы не стукаться.

И я споткнулась. Тут же заулыбалась, демонстрируя, что со мной все замечательно и можно путь продолжать, но внутри все похолодело. «Молока дороге», это похоже знакомый мне по моему миру Млечный путь... Очень похоже. А звезды... словно из другой жизни вдруг пришло воспоминание о дикой, разрывающей боли и вспыхнувшем огромном словно усеянном звездами портале перехода... Значит звезды исчезли. Звезды исчезли и там прореха... Что это дает мне? Что это может значить? Что я могу сделать с этой информацией?!

— Еще стоять будем? — грубовато спросил Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие.

Поняла, что действительно стою.

Сделала вид, что просто пещерой люблюсь и заметила:

— Красиво у вас тут.

— Где? Здеся? — не поверил гном.

Широко улыбаясь, подтвердила:

— Конечно. А где здесь ручей Серебристая Рыба?

Бородатая громадина скорбно поцокала головой, после чего Ошрое протянул руку, погладил по голове, как болезную и протянул печально:

— Видать не все блестючки светлый на пути вашем изничтожил. Ну да ничего, вылечим.

И вновь обняв могучей рукой за плечи, повел далее, видимо выражая этим жестом все радушие и дружеское расположение, на которое был способен. Это несколько льстило, но так как я постоянно спотыкалась, а плечи уже болели от крепких дружеских объятий, я очень ждала момента, когда же гигантский гном меня отпустит.

Дождалась!

Гном проведя меня через несколько гротов и сломанных искореженных арок, и остановился на пороге подземного города.

Никогда не думала, что подобное может существовать в принципе...

Это был город. Весьма своеобразный, с двух и трехэтажными приземистыми каменными домами, с дозорными башнями, на которых угадывались силуэты стражников в рогатых шлемах, наполненный перезвоном многочисленных наковален и детским смехом, напоенный ароматами готовящейся пищи, жженого угля и почему-то свежей родниковой воды, освещенный странными светящимися камнями, подобно звездам усеявшими высокий свод, пожалуй, самой огромной из пещер, что мне доводилось видеть. Но светился не только свод пещеры, повсюду, на оставленных строителями валунах, по обочинам дорог и тропинок, рассеянные словно лужайки вокруг домов — сверкали зеленые камни, по форме напоминающие горный хрусталь, по цвету изумруды.

Красота этого места была завораживающей. Удивительной, непонятной, чарующей. Мне безумно захотелось пройтись по дорожкам и тропинкам гномьего города, зачарованно разглядывая все вокруг. Надеюсь, у меня когда-нибудь будет на это время.

— Ты, Смоляная блестючка, — начал Ошрое, едва удовлетворился мои потрясенным созерцанием его города, — спрашивала воевали ли клыкастые с нами, значица. Так вот — было дело. Таких городов, — он обвел пространство рукой, в которой удерживал топор, — на Седых горах сотни существовали. Издавна гномы вели торговлю с людьми, жили мирно, ни они на наших, ни мы на их женщин не претендовали. Потом пришли светлые...

С ужасом подумала, что светлые начали претендовать на женщин гномов. Не то чтобы я была против межвидовых связей, но мимо как раз проходила одна из гномих, так вот в ширине плеч она могла посоперничать с самим Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие, но борода, конечно, была короче, это да.

Заметив мой следующий за гномкой взгляд, Ошрое заговорщицки ткнул меня локтем в плечо, от чего я повторно едва не улетела и была вынуждена вцепиться в его руку, и оглушительно прошептал:

— Каменная Жердя, самая красивая гномка Зеленого города!

Каменная Жердя это что-то вроде каменной тростинки, как я понимаю? «Тростинка» в этот момент, несомненно услышав слова Ошрое, говорил он далеко не тихо, томно взглянула на него через плечо, благодаря чему не заметила один из валунов в пол ее роста, и благополучно снесла каменюку, тоже не особо это заметив. И поплыла далее, покачивая бедрами и с достоинством неся свою красоту.

Тем удивительнее было слышать от Ошрое:

— Да, они захотели наших женщин.

И я окончательно утвердилась в мысли, что светлые извращенцы.

— Но мы были сильны! — гном потряс топором. — Мы были отважны! Мы сражались! Один гном с легкостью мог завалить десяток хилых элларов!

Вопрос о том, кто победил отпал сам собой — в конце концов эллары преспокойно живут на поверхности, а гномы скрылись в недрах этого пугающего меня все больше мира. Так что с победой все было очевидно.

— Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие, вы сказали, что мой великий пресветлый супруг положил конец этой войне.

Чуть не ляпнула, что он видимо просто не претендовал на их женщин.

Ошрое, задумчиво почесал бороду, и честно ответил:

— Сын Тьмы и Света сказал, что еще одно нападение на обозы светлых, и у него испортится настроение.

Понимаю гномов — я бы тоже не хотела видеть кесаря в плохом настроении. Особенно если учесть, что от его плохого настроения то люди горят заживо, то княжества исчезают... Но меня заинтересовал другой момент в его высказывании:

— Обозы светлых?

Ошрое молча указал рукой вперед, предлагая проследовать в город. Но едва попытался вновь обнять меня за плечи, вмешался Адрас:

— Позвольте мне проводить пресветлую императрицу.

Развернувшись к нему всем корпусом, Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие смерил темного принца презрительным взглядом и сурово заявил:

— Хлипкий слишком, случись что — не убережешь Смоляную блестячку нашу, а мне отвечай потом. Иди уж позади, не мешайся.

Но тут уж я осторожно возразила:

— Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие, позвольте представить вам моего доброго друга, Адраса...

— А че его представлять? — перебил меня гном. — Это принц Полночной теменюки, а за ним идут Эдогар-вечно-недовольный и Тэхарс-в-небесах-порхающий. Славную вы себе компанию подобрали, Блестючка.

— Да уж, действительно, — старательно сдерживая улыбку, согласилась я. И тут же добавила: — Но уважаемый Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие, вам, несомненно, полагается приветствовать народ, и я буду мешать в этом благородном деле. Позвольте следовать

за вами.

Гном подумал и позволил, величественно кивнув.

— Приветствую, принц Полночной теменюки, — едва слышно прошептала я, цепляясь за галантно подставленный локоть Адраса.

— И я вас, Смоляная блестячка, — в тон мне ответил принц Мрака.

Мы обменялись понимающими взглядами и одновременно оглянулись на наших спутников. Эдогар-вечно-недовольный и Тэхарс-в-небесах-порхающий ответили нам одинаково мрачными взглядами, а я поняла что уже люблю гномов. Адрас явно испытывал что-то сходное, потому что произнес, все так же шепотом:

— Удивительный народец.

— Народец, мой принц, это скорее мы с вами, — не согласилась я, намекая на гномьи размеры, — а вот они полномасштабный народ.

— В сравнении с нами — народец, — высказался Тэхарс.

— В сравнении с вами здесь все «народец», — недовольно заметил Эдогар.

— Это да, порхатели здоровущие, — поддержал, как оказалось обладающий великолепным слухом Ошрое.

И тут у Тэхарса сдали нервы, и он разъяренно выдал:

— Порхают бабочки, драконы — парят!

— А я что сказал? — изобразил удивление, посмеивающийся в бороду Ошрое. — Так же и сказал, внебесные порхатели вы.

Решив пресечь разгорающийся конфликт, я обернулась к Тэхарсу и с нажимом произнесла:

— Следует с уважением относиться к языковым особенностям, особенно в гостях, — и не удержавшись мстительно добавила, — уважаемый Тэхарс-в-небесах-порхающий.

То что дракон выдал что-то ругательное поняли мы все, в итоге следовали за гномом, старательно сдерживая улыбки и временами покашливая, чтобы скрыть смех. Особенно плохо это выходило у Эдогара, из-за чего лично я ему очень сочувствовала. Потому что точно знала — мстительный Тэхарс отыграется.

А потом мы вступили в город, и едва пересекли его черту раздался звук горна, затрубившего так, что казалось задрожала вся пещера. И почти сразу послышался гул тяжелых синхронных шагов и звон металла.

И топот все усиливался, превращаясь в подобие барабанного боя, и к тому моменту, когда мы вышли на овальную городскую площадь со всех сторон на нее высыпали тяжело вооруженные воины с занесенными словно для удара топорами. Я ощутила, как напрягшийся Адрас словно невзначай обнял меня за талию, видимо готовый перенестись в любой момент, слышала как быстро и одновременно подошли Тэхарс и Эдогар, так же готовые защищать меня. Вот только одно маленькое «но»:

— Это не боевая угроза, это боевое приветствие, — сообщила я своим спутникам.

И попыталась высвободиться из захвата Адраса. Принц Мрака удержал, наклонился ко мне и выдохнул у виска:

— Да хоть боевая свадебная пляска! Стоять возле меня и не дергаться!

Вот вам и вежливое обходительное темное высочество.

Я удивленно посмотрела на Адраса, он, сверкая красными рубинами окружённых тьмой глаз, на меня. Возражать не стала, как минимум по причине нежелания оскорблять принца.

А гномы начали танец! И какой это был танец! Очень нервный для моих спутников, потому что гномы, бряцая оружием то наступали, делая замахы боевыми топорами, тот отступали. Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие пританцовывал в такт и радостно улыбался, из окружающих домов повысовывались гномки и ребяташки, а вот из огромного круглого дома,

осторожно ступая, выдвинулась целая процессия гномов, неся на вытянутых руках блюда и тарелки, размером с внушительный таз каждая, а еще они несли студень. Размером с внушительный гроб, и по форме сходный, дрожащий и содрогающийся как и полагается студню, имеющий характерный зеленоватый оттенок прозрачного застывшего бульона на кости и содержащий невнятного вида куски переваренного мяса. Все как и полагается. У нас это блюдо готовили на севере, правда судя по цвету в этот студень добавили слишком много трав.

— Тьма, что это? — заметно подавив рвотный порыв, спросили Адрас.

— Сту... — хотела было ответить я.

— Наварень! — гордо перебил меня Ошрое, перекрывая своим могучим басом грохот доспехов танцующих.

И тут все танцоры разом крикнули «Хэйя!», после чего на землю полетели снопы зеленого сена, следом скамьи, а в результате огромный древний основательный и отполированный стол, который собрали из составных частей тут же.

— Сажайтесь! — радушно пригласил Ошрое.

И благодушно треснул Адраса по спине, видимо чтобы придать ускорения. Принц Мрака, от столь дружелюбного жеста, едва не улетел к столу сам, но пройдя по инерции два шага, причем так как меня держал я этот забег вместе с ним проделала, остановился, развернулся и одарил гнома очень мрачным взглядом.

— Чего встал, принц Полночной теменюки? За стол говорю же, — улыбаясь произнес гном.

И уже замахнулся, чтобы придать дружеского и полного гостеприимного радушия ускорения Эдогару, но светлый оказался умен, и к столу поторопился сам. А бить Тэхарса по спине Ошрое не решился. Даже пробовать не стал. Я его понимаю, если бы дракон так на меня посмотрел, я бы тоже может сходу отказалась от идеи закопать его холодный труп где-нибудь под кустиком.

Адрас галантно помог мне сесть за стол, что в моем наряде оказалось не просто, учитывая отсутствие стульев и наличие длинной скамьи, сел справа от меня, с другой стороны устроился гном, и дал знак подавать еду.

Первым на стол грохнулся студень, от которого ходуном заходил вест стол. Затем последовала очередь внушительных кусков запеченной говядины, причем кусками. То есть голень, окорока, часть спины, седло, и даже голова подавались целиком. После выставили огромные румяные только из печи видимо хлеба. Затем два внушительных гнома принесли не менее внушительный котел, в котором что-то кипело и бурлило, грохнули его прямо на устеленную сеном землю и принялись разливать в подставляемые гномами огромные железные кружки. Первая такая была поставлена передо мной.

После чего все гномы разом, прекратив любые занятия, выжидательно уставились на меня.

— Катриона, не пейте, — стараясь не шевелить губами, шепотом произнес Адрас.

— Увы, бремя власти обязывает, — так же шепотом ответила я.

После чего, ухватив кружку обеими руками, поднялась.

Из всего что я здесь увидела, можно было сделать вывод что культура гномов данного мира это нечто среднее между культурой наших степняков и воинственных северных народов. И у тех и у других в чести было провозглашение добрых пожеланий почетным гостем. Так же, почетному гостю полагалось выпить поданное спиртное до дна, дабы не оскорбить хозяев. Почетный гость здесь я... а гномы мне очень нужны, так что особого выбора у меня не было.

Поднявшись, я обвела всех торжественным взглядом, поняла что торжественность несколько нарушается пропорциями в росте... не долго думая, передала кружку Адрасу, опершись о плечо Ошрое забралась на скамью с ногами, вновь забрала кружку у принца Мрака, повторно оглядела гномов, и отсалютовав кубком, громко произнесла:

— Благодарность дающим!

Поднявшийся одобрителный гул, был лучшим подтверждением правильности начала моей речи. Обождав несколько мгновений, я продолжила:

— Счастливы вы, те кто в подвигах славен, в дому добр, в труде отважен! Сильны ваши воины, прекрасны женщины! Так пусть река перемен, что уже плещется у порога, принесет процветание и блага, свет солнца и вкус ветра, и вершины гор, коих вы достойны, как никто иной! За вас, великий народ, до самого дна!

Пить откровенно было страшно, но где-то в глубине души успокаивала мысль, что если кесарь спас меня от смерти, то и от отравления как-нибудь спасет. Но опасения были напрасны. Варевое, что только что бурлило в котле, оказалось лишь чуть корчеватым, пряный вкус трав смешался с чем-то свежим и холодящим, словно я жевала веточку мяты, спирт тут, конечно, присутствовал, но пилось легко, правда лишь по началу. С половины кружки и до конца пришлось вливать в себя усилием воли, но я справилась. Выпила все, и демонстрируя, что кубок пуст, перевернула его доньшком кверху, ощущая, как стремительно пьянею.

Гномы радостно взревели!

Послышались одобрителные возгласы, крики, благодарности за слова, а я искренне надеялась, что меня не стошнит сейчас на глазах у всех, и что я не рухну вообще.

— За Смолянскую блестящую! — оглушительно заорал Ощрое, после чего наливать начали всем и массово.

— Руку, Катриона, — позвал Адрас.

О, я была безумно благодарна ему за помощь, чувствуя, что сама едва ли сумела бы слезть со скамьи — перед глазами все уже начало кружиться. Гномье варевое сбивало с ног на лету практически. Хуже, чем семедейка.

Далее все проходило как во сне. Начался пир, в котором первый кусок разрезанного хлеба дали мне, и первый кусок от студня, при виде которого позеленели все мои сопровождающие, особенно Тэхарс, затем мне же дали самое вкусное по мнению гномов от быка — голову! Я честно прожевала хлеб, с удовольствием съела студень, он оказался повкуснее того, что доводилось пробовать на севере, но вот голова быка это было уже слишком. Спас Тэхарс. Со словами «Императрица, сейчас я тебе дам самое вкусное», он встал, передвинул блюдо с головой к себе ближе, достал внушительный ножик, одним ударом раскроил им череп животного, и достал оттуда...

— Это мозг, — сообщил мне Адрас, передавая мой ломоть хлеба Тэхарсу.

Дракон даже как-то с любовью намазал мне это нечто на ломоть, потребовав соли посалил все, затем поперчил, после передал мне. Будь я сейчас пусть даже наследной принцессой Оитлона, отказалась бы, но являясь императрицей государства, которое еще только предстояло строить, мужественно взяла бутерброд и демонстративно от него откусила.

— Мне вас жаль, — шепотом сообщил принц Мрака.

— Мне меня тоже, — прожевав и дождавшись пока внимание с меня переключится на очередной тост очередного из старейшин, ответила я.

И не то, чтобы это было не вкусно, но сама мысль о том, что я ем с одной стороны, и радостно обсасывающий косточки бычьего черепа Тэхарс с другой... А еще я понимала, что никак, и ни коим образом мне этот ломоть хлеба не доесть, а надо бы, не хотелось оскорблять гномов еще до начала наших деловых отношений.

И тут внезапно стало тихо.

Тихо настолько, что я отчетливо услышала, как где-то за городом звонко капает вода. И это была испуганная, полная ужаса тишина скованных страхом гномов.

О причинах возникновения напряженной паузы догадываться не приходилось — я не оборачиваясь точно могла сказать, что там кесарь. И лишь улыбнулась, когда знакомые сильные

руки скользнули на плечи, и император Эрадараса, наклонившись, прошептал на оитлонском:

— Несколько неожиданно ощущать твою радость по поводу моего появления, нежная моя.

Запрокинув голову, все так же с улыбкой взглянула в его ледяные глаза и честно призналась:

— Я действительно рада видеть вас, мой кесарь. — Улыбнулась шире и добавила, — вы явились в самый подходящий момент, чтобы спасти меня от этого бутерброда с мозгом. Кстати, вы любите мозги?

— Исключительно платонической любовью, — ответил император Араэден, склоняясь к моим губам.

Поцелуй был нежным, благодаря хмелю даже приятным, но закончился быстро по причине того, что я просто обязана была сказать:

— Боюсь вашим отношениям с мозгами пришло время перейти на новый уровень, мой кесарь.

Усмехнувшись, пресветлый выпрямился и протянул руку принцу Мрака, произнеся просто:

— Брат.

Адрас поднялся, протянул руку в ответ со словами:

— Рад твоему возвращению, брат.

Они обменялись крепким рукопожатием, после чего кесарь сообщил:

— В моем доме тебя ожидают лучшие покои.

Вспыхнул портал.

Принц Мрака, поклонившись мне, переступил через лестницу и скрылся в переходе, правда я не удержалась от вопроса:

— Адрас, вы посетите завтра со мной человеческий город?

Он остановился, полуобернулся и с улыбкой ответил:

— Катриона, от посещения чего-либо в вашем обществе, я не откажусь ни за какие сокровища Тэнетра. До завтра.

— До завтра, Адрас, — пожелала я, чувствуя себя крайне довольной, — и моя благодарность за сегодняшний день!

Портал закрылся.

После чего кесарь произнес:

— Эдогар, свободен.

Главная моей канцелярии портал для себя вызывал сам, но зато я радостно помахала ему на прощание и покидал нас эллар с плохо скрываемой улыбкой. Далее император взглянул на Тэхарса.

— Не, я останусь, я еще голову не доел, — отозвался дракон.

Кесарь кивнул, принимая его решение, а затем преспокойно уселся рядом со мной собственнически обняв меня же за талию, чем окончательно шокировал гномов. И так как все они потрясенно продолжали молчать, не зная бежать прочь сломя голову, или же остаться, Араэден, проигнорировав этих неопределившихся, поинтересовался у меня:

— Нежная моя, что это за гробоподобные последствия насморка дракона?

С трудом сдержав улыбку, величественно ответила:

— Это наварень, мой кесарь. Блюдо весьма напоминает по вкусовым и внешним свойствам известный в племенах на севере Оитлона студень, но на мой личный взгляд значительно превосходит его по вкусу. Попробуете?

— Если ты настаиваешь, — загадочно ответили мне.

Чувствуя себя не слишком комфортно под всеобщими взглядами потрясенно молчавших гномов, я поднялась, взяв нож потянулась к навареню, отрезала внушительный дрожащий кусок, наколола на гномью двузубчатую вилку, и аккуратно держа трепыхающееся блюдо, положила на

свою тарелку, за неимением другой. Просить иную было неудобно, использовать тарелку Адраса — неэтично, так что я выбрала меньшее из зол. После чего села, пододвинула свою тарелку заполненную студнем к кесарю, и молча передала ему вилку. Император посмотрел на меня, на студень, снова на меня, а затем очень выразительно на Ошрое. И гном, опомнившись вскочил столь резко и неуклюже, что едва не обронил стол — благо кесарь удержал, и заорал на весь гномский город:

— Взвара великому императору!

После чего схватил мою кстати железную кружку, и передал ее подскочившему гному, который сбегал и налил в нее варева из общего котла. Потом продолжили наливать всем, но с опаской, без прежнего задора, и в целом аккуратно отправив по домам женщин и детей. От хмельного угара мало что осталось, но я была бы последней, кто осудил бы этот славный народ за подобное. Просто сложно иначе относиться к присутствию того, кто способен в один миг сравнять с землей весь их город вместе с жителями. И все знающие кесаря вовсе не были уверены в том, что ему для подобного в принципе повод потребуется...

Пытаясь хоть как-то сгладить обстановку, я повернулась к вновь севшему Ошрое и спросила:

— Вы говорили о нападении на обозы светлых, уважаемый Великий Ошрое Топор Ручка Каменное Лезвие, что вы имели ввиду?

Гулко сглотнувший гном, нервно ответил:

— Обозы, что ходили из Тэнетра в Эррадарас.

Судя по его поведению, продолжать разговор на данную тему, Ошрое явно не желал. Или просто его очень нервировала компания.

— Второе, — сообщил на оитлонском кесарь.

Не понимающий данного языка гном казалось и дышать перестал.

Обернувшись к императору, я позволила себе крайне возмущенный взгляд, и очень осторожное высказывание, опять же на оитлонском:

— Мне нужны гномы. Без вариантов, возражений и вашего категорического нет. И да — крайне неучтиво с вашей стороны, мой кесарь, даже не поздороваться с Ошрое.

Ответом мне была странная усмешка.

А затем, склонившись к моему лицу, император тихо проговорил:

— Возмущенная моя, во всей этой ситуации существует одна маленькая проблема — при любом намеке на учтивость с моей стороны, эти милые твоему сердцу и планам на будущее бородачи бросятся врассыпную. Продемонстрировать?

И прежде, чем я успела ответить, кесарь схватил мою кружку, и отсалютовал Великому Топору Ручка Каменное Лезвие со словами:

— Ваше здоровье, любезный Ошрое.

После чего, не дожидаясь ответа, принялся спокойно пить, при этом весьма насмешливо поглядывая на меня. У Араэдена был повод для насмешки — гномы сбегали. Ползком, пользуясь прикрытием длинного стола, бегом — стремясь затеряться между, рывками — умудряясь ставить на свои места валуны, и даже маскируя собственный побег тем, что водружали на эти самые валуны свои рогатые шлемы.

В результате, к тому моменту, как император выпил все до дна, рядом с нами оставался лишь окаменевший и сидящий так, словно проглотил жердь, Ошрое и откровенно посмеивающийся Тэхарс. И тишина вокруг... И только валуны со шлемами стоят...

— Я был достаточно любезен? — берясь за мой ломоть хлеба намазанный мозгом, поинтересовался кесарь.

— Более чем, — зло ответила я, — распугали всех, кого только можно было.

И так как последние слова мы оба произнесли на языке светлых, заметно подрагивающий

Ошрое счел своим долгом вступить за честь народа, и важно произнес:

— Это не страх, это — опыт!

— Полностью с вами согласен, — вполне серьезно поддержал его кесарь.

После чего, движением руки создал передо мной высокий, украшенный снежным рисунком хрустальный бокал. А затем, из котла со взваром прилетел черпак и как-то даже торжественно налил мне, Ошрое и собственно кесарю.

— Будешь? — поинтересовался император у дракона.

— Нет, это штука меня не берет, я по старинке, — ответил Тэхарс, и достал свою фляжку.

Кесарь оценил решение моего телохранителя истинно в своем духе — фляжка тут же прилетела к нему, после чего император открутил крышку, и молча налил спирта в свою кружку, затем в кружку Ошрое, полностью проигнорировал мою вернул флягу дракону. Тот, поразмыслив придвинулся к нам со своей кружкой, налил себе во взвар спирта и провозгласил:

— Хорошо сидим.

Тост был поддержан, и все выпили до дна. Кроме меня. Я и так едва сидела, а потому ограничилась одним глотком.

Черпак же слетал в котел, и вернулся обратно полный до краев, чтобы наполнить три железные кружки. Тэхарс, сам добавил всем спирта, после чего сообщил гному:

— Хорошие топоры. Качественные. Новая технология плавления стали?

Гном кивнул, потянулся за мясом, и прежде чем вгрызться в окорок, ответил:

— И сталь особенная. Под Варратой нашли новое месторождение.

Заинтересовавшись беседой, я уже хотела спросить, что же этой стали особенного, но тут кесарь произнес:

— Нежная моя, как это есть?

Обернувшись, торопливо взяла нож, забрала у императора вилку, отрезав кусочек студня, наколола на зубчики и передала Араэдену. Пресветлый, взглянув на меня, взял мою же руку и приблизив к себе так, словно я его комлю, забрал студень с вилки, при этом пристально глядя в мои глаза. Прожевав сглотнул и практически приказал:

— Еще.

Не став спорить, я отрезала еще кусочек, и скармливая великому императору Эррадараса, поинтересовалась у Ошрое:

— Что особенного в этой стали?

— Прочная, — с некоторой задержкой ответил гном. — Прочнее прежней в пять раз.

— За сталь! — провозгласил Тэхарс.

Мужчины выпили, я продолжила кормить кесаря, как минимум в благодарность за то, что бутерброд с мозгом он съел, избавив от этого кошмара меня, а как максимум просто чтобы не вмешивался в разговор, потому что нутром чувствовала, что-то в этом есть. Еще не знаю что, но...

— Она голубоватая, до обработки светится, — произнес Ошрое.

Мое сердце пропустило удар.

Кесарь стал заметно задумчивее, я же торопливо спросила:

— Давнее месторождение?

— Не-е-ет, — протянул гном, — там заброшенные выработанные шахты были, откуда руда взялась мы еще не разобрались. Но хороша сталь, крепкая, лезвие не тупится.

— За сталь! — снова провозгласил Тэхарс.

Кесарь, управляющий черпаком, им налил, себе впрочем тоже, но пить не стал, пристально глядя на меня, старающуюся в данный момент ни о чем не думать.

— Не старайся, — прозвучало практически приказом, тихим, но приказом.

Упорно старалась, но в сознании пульсировала одна четкая мысль «Готмирская сталь», каким-то невероятным образом проникнувшая в этот мир.

— Это невозможно, — отрезал император.

Затем, помолчав, задумчиво добавил:

— Но, не могу исключить последствия ритуала оживления, выброс магической энергии был колоссален.

И моя надежда тихо скончалась в конвульсиях. Следующей мыслью было то, что мне уже приходилось сталкиваться с последствиями колоссального выброса магической энергии — и тогда у нас Готмир образовался... И вот мне тут еще двойника Готмира не хватало!

С другой стороны, чем не стартовая территория для зоны свободной торговли. Помнится мой прадед Рунар Астаримана собственно начал с того, что установил в Ирани зону свободной торговли и с этого момента началось величие и богатство Оитлона.

— Есть ли возможность спрогнозировать рост и размер магически отчуждаемой территории, мой кесарь? — мгновенно поинтересовалась я.

Поднеся к губам императора еще кусочек студня.

Араэден съел, задумчиво глядя на меня, затем произнес:

— Гномов накроет. Возможно часть территории племен Великой степи, и частично Тэнетр, если великая Эхея не остановит контур.

Вспомнила, что Эхея — великая блокирующая магию река, протекающая практически через весь мир и отделяющая Тэнетр от собственно Эррадараса. Проблему с рекой придется решать в любом случае, когда дело дойдет до объединения темных и светлых земель, возможно магически отчужденная территория то что нужно.

— Возможно, — согласился кесарь.

Я в этот момент подумала, что хорошо бы этой двойнику Готмира образоваться в течение года, чтобы я все успела и тогда дом, мой мир и Динар! И потом восстановить императорский дворец в Праере, поставить под жесткий контроль все королевства и начать экспансию на северо-восток! О, у меня были грандиозные планы. А учитывая, что во главе войска будет Динар, в наших победах можно не сомневаться! Ну почти. Рыжий, конечно, не кесарь и захватывать новые государства за сутки не способен, но с его хитростью, изворотливостью и военным талантом, у нас есть все шансы на успех. А потом я хочу детей... двоих, или может быть даже троих. На день буду отдавать их шенге на воспитание, а после забирать... ммм... в смысле забираться к шенге самой и тоже чувствовать себя ребенком хотя бы немного.

И вдруг все мысли резко, словно порывом, унеслись прочь, а я внезапно осознала, что сижу на коленях у кесаря, который, касаясь губами моего виска, очень тихо, на оитлонском прошептал:

— Я расскажу тебе о другом будущем, нежная моя. Представь себе мир, в котором твоя власть абсолютна, твое слово — закон, твои желания — указание к действию, твои мечты — свершившийся факт. Есть власть, желанная моя, — его губы скользнули вниз по моей щеке, — что выше возможностей любого правителя — власть богов. Власть, которой нет равных, власть что не оспаривается, не поддается сомнениям. А детей, моя сладкая, воспитывать должны родители и никто иной.

Повернувшись, я взглянула в ледяные глаза кесаря и честно ответила:

— Скучно и нереально, это первое. И второе — чему, я по-вашему, мой император, сумею научить своих детей? Интриговать? Вести допросы? Решать судьбы даже не людей — целых поселений, и понимать, что ответственность останется на тебе, что бы не произошло?

Великий император Араэден Элларас Ашери молча смотрел на меня, не говоря ни слова. Я же продолжила, запоздало осознавая, что кажется безумно пьяна.

— Я не жалею, — произнесла, понимая, что действительно мне себя не жаль. — Я понимаю, что принесла гораздо больше пользы своему королевству став той, кто я есть. Кем вы меня сотворили... — усмешка вышла горькой. — Но чем больше я узнаю ваш мир, тем отчетливее понимаю — изменить порядок вещей в нем похоже под силу только мне.

Кесарь улыбнулся, не ласково, нет, скорее с какой-то неожиданной для него нежностью и задумчиво произнес:

— Еще немного, нежная моя, и полагаю наступит день, когда я услышу слова искренней благодарности, за то, что перенес тебя в Эрадарас.

— В Сатарен, — поправила я, и честно подтвердила, — возможно. Но я едва ли стала бы на это рассчитывать, мой император.

Аразден лишь загадочно улыбнулся в ответ, а я огляделась и заметила, что Тэхарс давно отсел от нас и теперь они с Ошрое пили в конце стола, провозглашая тост за тостом и перетащив котел с взваром к себе поближе, так чтобы не ходить за добавкой. Остальные гномы продолжали не высовываться, а я уютно сидела на руках у кесаря, все так же держа вилку.

— Еще студня? — спросила несколько растерянно.

— Мне достаточно, — задумчиво ответил властитель Эррадараса на данный момент, и я так понимаю его полновластный бог в будущем.

Император лишь улыбнулся, в ответ на мои мысли.

Затем решительно поднялся, удерживая меня на руках и вышел из-за стола. Тэхарс и гном нашего маневра даже не заметили и когда я помахала рукой на прощание, тоже никак не отреагировали.

В следующий миг кесарь открыл портал и унес меня во дворец.

Чтобы, опустив на кровать, приказать «Ложись спать» и вернуться обратно, оставив меня одну.

И вот лично я ни минуты на сомневалась в том, что вернулся великий император вовсе не для того, чтобы продолжить возлияния. О нет, кесарь отправится исследовать появившуюся сталь и просчитывать вероятность появления магически отчужденной зоны. И все это — без меня!

Поднявшись, я уже собиралась отправляться в ванную, как раздался стук в дверь. Громкий, уверенный, какой-то даже с издевкой.

Заинтригованная подобным поворотом дел, я прошла к двери и взявшись за ручку, распахнула ее.

К моему искреннему удивлению, за дверью, полускрытый совершенно белым, мерцающим плащом, стоял Акьяр собственной персоной и мило улыбался потрясенной мне. Не скрывая удивления, я вышла на шаг в коридор, посмотрела вправо — там стояли охранники, которые ответили мне не менее удивленными взглядами, при этом никак не реагируя на появление врага, глянула влево — там все двадцать стражников вообще стояли без движения, в целом просто никак ни на что не реагируя.

Акьяр же, пугая шрамами, видом, единственным глазом и в целом собой, весело предложил:

— Прогуляемся?

— Звучит заманчиво, — глядя на принца с нескрываемым восхищением (все же пробраться во дворец кесаря вот так вот, откровенно нагло, это дорогого стоит).

Отвесив галантный полупоклон, Акьяр неожиданно произнес:

— Клянусь, что не причиню вам вред и не покину с вами территорий дворца.

А он не был лишен обаяния, этот принц Ужаса.

Но при всем моем восхищении, я не могла не заметить:

— Крайне сомнительная клятва, учитывая, что вам совершенно не требуется причинять мне

вред, для того чтобы убить.

Акьяр широко улыбнулся. Улыбка оказалась на удивление приятной, что совершенно не вязалось с жутким обликом пятого принца темных, а затем, протянув мне руку, принц Ночного Ужаса поклялся повторно:

— Клянусь вернуть вас обратно в целости и сохранности.

Глядя в его абсолютно черные с багрово-алыми зрачками глаза, я подумала и вложила свою ладонь в его руку.

Торжествующая улыбка темного, и тьма обступила со всех сторон.

* * *

А в следующий момент я поняла, что безумно хочу разуться. И используя руку темного в качестве опоры, я последовательно сняла обе туфельки, чтобы с откровенным наслаждением пройтись по влажной траве в саду, раскинувшемся вокруг дворца кесаря. Правда спустя несколько шагов остановилась и напряженно поинтересовалась:

— Вы не знаете, есть ли здесь змеи там, или прочие скрытые в траве неприятности?

— Определенно нет, — с интересом наблюдая за мной, ответил принц. — Это магически созданный сад, хищная живность обычно избегает подобных мест.

С удивлением взглянув на принца, неожиданно поняла, что-либо я пьяна, либо свет от окон ярко-освещенного дворца падает как-то странно, но в данный момент на лице темного я не видела ни единого шрама, но определенно могла наблюдать оба глаза.

— Кьяр, — неожиданно представился собственно Акьяр принц Ночного Ужаса.

— Катриона, — ответила с некоторой запинкой.

И отпустив руку его высочества, придерживая подол платья отправилась гулять по траве, другой рукой удерживая снятые туфельки, и искренне надеясь, что опьянение пройдет, а до тех пор не особо стремясь к разговору. Заложив ладони за спину, принц Ужаса пристроился рядом со мной, но говорить так же не спешил. Мы прошли под сенью огромных деревьев, обошли посадку из небольших, высаженных в форме руны власти, я ее уже и заучила и запомнила, после чего подошли к озеру.

— А вот к воде я бы не советовал вам приближаться, — произнес Кьяр.

Поблагодарив его сдержанной улыбкой, я все же решила сообщить:

— Искренне удивлена вашим появлением.

— Искренне удивлен восхищением в ваших глазах, при моем появлении, — в тон мне ответил принц.

— О, восхищение вполне оправдано, — рассмеялась я. — Все же пробраться в замок кесаря и постучаться в дверь его покоев, это невероятно! Как вам удалось?

Темный ответил загадочной улыбкой, и в свою очередь поинтересовался:

— Почему вы не боитесь меня?

Я могла бы честно ответить, что чувствовала себя в абсолютной безопасности, уже понимая, что кесарь появится, как только мне будет угрожать опасность. А скорее даже до того, как мне начнет угрожать какая-либо опасность и эта самая опасность очень сильно пожалеет о том, что вообще появилась на свет Эррадараса... Но зачем говорить правду тому, кто кажется решил поиграть в «Отнимем у кесаря очередную девушку»? И игривый тон моего послания несомненно дал ему повод поверить, в успешность задуманного.

— По нескольким причинам, — глядя на сверкающее в лунном свете озеро, начала я. — Первая заключается в том, что, пообщавшись с Адрасом я поняла, что понятия чести вам не

чужды. Вторая — вы принц, и едва ли нарушите данную мне клятву. Третья — мое любопытство в отношении вас.

— Должен признать, любопытство оказалось не чуждо и мне, — с улыбкой произнес Кьяр.

Едва ли я поверила в эту улыбку. Будь принц Ночного Ужаса в данный момент искренен, он отреагировал на мои слова по поводу Адраса, но нет — мы изо всех сил старались быть обходительными.

— Ну и последняя причина, — продолжила я, развернувшись к принцу. — Без шрамов вы внушаете гораздо меньше ужаса, чем с ними.

Это был провал. Абсолютный и совершеннейший провал.

Потому что реакцией на мои слова было искаженное гневом лицо Акьяра, и вспыхнувшие багрово алым глаза, в которых на миг не осталось ничего черного, их словно затопило злобой.

— Это было жестоко, Катриона! — в бешенстве проговорил он. — Мерзко и жестоко! Вы!.. — глаза его полыхали все ярче. — Вы столь прекрасны внешне, но внутри жестокая, холодная, бесчувственная дрянь! Подлая, эгоистичная, омерзительная! Вы...

В следующий миг возле меня вспыхнул портал и Акьяр тут же исчез в ином, который выглядел так, словно сама тьма его утянула. А из светлого портала вышел кесарь, посмотрел на меня, затем огляделся, вновь взглянул на меня и... Ничего не говоря, молча подошла к императору и прислонилась лицом к его груди, осознавая две вещи — я была права и кесарь появляется, как только меня нужно спасать, пусть даже от бутерброда с мозгом, и да — к гоблинам темных и игры с их чувствами. Акьяр слишком неадекватен, чтобы с ним можно было работать.

— По второму пункту желательно подробнее, — ледяным тоном произнес кесарь, при этом очень нежно обнимая меня.

Станный контраст.

— Закономерный. Так что с Акьяром, нежная моя?

На мои мысли по поводу бутерброда мы не отреагировали... показательно весьма.

Кесарь молча отстранил меня от себя, взял за подбородок, заставил взглянуть на себя и крайне ласково, убийственно ласково спросил:

— Что. С Акьяром?

— Кроме того, что у него случилось истерика, и он наговорил мне примерно все то же, что мне все обычно и говорят? — уточнила я, и тут же добавила: — Хотя нет, знаете, мой император, одно отличие все же было — меня ранее никто из оскорбляющих не называл прекрасной. А в остальном все как и всегда, соответственно не вижу повода расстраиваться. Как там голубая сталь поживает?

Совершенно проигнорировав мой вопрос, кесарь как-то угрожающе резюмировал:

— Акьяр был здесь.

— Да, — испытывая уже боль в шее от необходимости запрокидывать голову безразлично ответила я. — Постучался в дверь вашей спальни, после чего мы отправились гулять. Прогулка не получилась. Вы были правы на счет игр с чувствами темных. Признаю, каюсь, буду действовать иначе.

Отпустив мой подбородок, кесарь постоял, все так же обнимая, после чего холодно заметил:

— Не ожидал подобной глупости от тебя.

— Молодости свойственно совершать ошибки, — прижавшись к императору сильнее, и ощущая безумное желание отправиться в постель и спать, безразлично ответила я.

— Сейчас перенесу, — как и всегда свободно читая все мои мысли, произнес властитель Эррадараса. — Один момент, нежная моя, из-за чего у Акьяра случилась «истерика»?

Пожав плечами, я обняла кесаря, и практически засыпая стоя, сонно сообщила:

— Всего лишь сказала, что без шрамов он не внушает такой ужас, как с ними.

Аразден окаменел.

Вот только что я обнимала теплое удобное тело, и комфортно засыпала, пусть даже стоя, и вдруг появилось ощущение, что совершенно некомфортно обнимаю каменный столб.

— Это шутка? — раздался вымораживающий вопрос.

— Вы о том, что обнимать вас теперь не комфортно? — отходя на шаг от кесаря, устало спросила я. — Увы, но нет.

А затем, взглянув на императора, задумчиво добавила:

— Мне всегда казалось, что нет ничего ужаснее, чем взгляд ваших ледяных глаз, но, должна откровенно признать, глаза Акьяра все же внушают больший ужас.

— Один. — отчеканил кесарь. — Один глаз Акьяра.

Разведя руками, от чего чуть не обронила туфельки, устало заметила:

— Их либо два, либо я пьяна настолько, что у меня двоится в глазах. Я спать.

После чего развернулась и отважно отправилась во дворец, но на третьем шаге была поймана в портал и перенесена в нашу с кесарем спальню. И даже не возражала, когда появились рабыни, чтобы раздеть меня.

И все бы ничего, но стоило мне выйти из ванной, как в двери постучали.

Одна из рабынь поспешила открыть, и она же забрала из рук Эдогара серебряный поднос, на котором было запечатанное послание от Юранкара и одна белая роза. Послание было передано подошедшему ко мне кесарю. Император молча вскрыл конверт от моего доверенного преступного элемента, не проявив ни капли удивления, достал из него иное послание, выполненное на черной с серебряным тиснением бумаге, развернул, прочитал с нескрываемым отвращением, после чего передал мне.

Развернув письмо, я с откровенным недоумением увидела:

«Нежная моя, свет мой, счастье мое, прости меня. Прости за каждое слово, за ярость, за гнев. Я твой отныне и на веки. Кьяр».

— Знаете, — возвращая письмо на удерживаемый рабыней поднос, начала я, — с меня хватит. Это была первая и последняя попытка в моей жизни флиртовать в принципе. И да, по итогам сегодняшнего дня, должна признать: темные — извращенцы, светлые — не лучше, и я лично до сих пор в шоке от того, что вы претендовали на женщин гномов. Они бородатые!

— Я не претендовал, — холодно произнес кесарь.

Честно говоря, мне было все равно.

Сняв халат, я забралась под покрывало, закрыла глаза, повторила про себя планы на завтра, и провалилась в сон. Правда потом проснулась на пару минут, потому что меня укрыли одеялом, одним затем еще одним, удивленно посмотрела на заботливо поправляющего третье одеяло кесаря и снова погрузилась в сон, словно сквозь туман услышав «Эту ночь проведешь у драконов, опасная моя».

— Почему опасная? — сквозь сон спросила я.

— По причине того, что одну часть пророчества я забыл. Что непростительно.

— Не стоит терзаться муками совести, я вас прощаю, — сонно пробормотала, укутываясь сильнее.

— Это радует, — с явной издевкой произнёс кесарь. — Но я запретил тебе связываться с Акьяром, а ты?

Зевнув, спокойно ответила:

— Вы не запретили, мой кесарь, вы сняли с меня всяческую ответственность, сообщив, что по итогу сами разберетесь с этим загадочноглазоколичественным индивидом. Вот и разбирайтесь.

Затем стало холодно, но я укрывшись с головой и продолжила спать.

И это был удивительный сон. Самый удивительный сон на свете. Самый лучший из снов!

Мне снился Динар...

Динар...

Мой любимый рыжий, какой-то повзрослевший, с раздавшимися плечами и суровым лицом, сидел над разбросанными на столе бумагами, сосредоточенно всматриваясь в них, перебирая раз за разом, словно силился что-то понять, и никак не мог найти ответ. А я, не отрывая глаз, всматривалась в каждую черточку его лица, отмечая складки между сурово сдвинутыми бровями, и мрачно сжатые губы, которые словно никогда не улыбались, и холодный лишенный эмоций взгляд.

И вдруг я услышала голос:

«Миров сотни тысяч, брат. Сколько мы уже исследовали? Двадцать пять, тридцать? Ее жизни не хватит, брат».

«Хватит», — уверенно ответил правитель Даллари.

А я все силилась узнать голос второго, но не пришлось узнавать — Синее пламя появился в поле моего зрения, подойдя к столу Динара.

«Алое пламя, брат, — укоризненно начал он. — Остановись, это бессмысленно».

«Существовать без нее — бессмысленно!» — зло ответил айсир Грахсовен.

А затем холодно произнес:

«Включи логику, Цвет. Кесарь под руководством шенге провел обряд оживления, после того как Кат отравили. Кесарь — сверхобучаем, соответственно все, что он видел, осознавал и ощущал у лесных орков, он изучил и способен применить. Следовательно, мы имеем вечного, не убиваемого мага Жизни, для которого практически единственной ценностью является моя Кат. А теперь ответь на вопрос — как ты думаешь, сколько она будет жить?»

И эхом отозвавшийся элементаль Синего пламени:

«Вечно...»

Динар кивнул, и перебирая листки, зло произнес:

«Мы что-то упускаем. Должен был остаться след. Кесарь не элементаль, должен остаться след!»

А я вдруг подумала — погасшие звезды... Ошрое говорил, о погасших звездах. Они — след.

И стараясь изо всех сил, напрягая что-то глубоко внутри, я мысленно закричала «Динар, звезды! Те что погасли!»

И проснулась.

С чувством дикого разочарования, головной боли, сухости во рту, ощущения морозного холода и желанием лечь спать обратно. Потому что там, во сне, случилось что-то очень важное. Очень значимое и нужное.

Вот только — что?!